

Youth in Central and Eastern Europe. Sociological Studies
1 (3) /2015
ISSN 2409-952X

Youth in Central and Eastern Europe
Sociological Studies

1 (3) /2015

ISSN 2409-952X

www.youthjournal.eu

WYDAWCA

***Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny im. Iwana Franki w Drohobyczu, Ukraina;
Ukraińskie Towarzystwo Socjologiczne;
Instytut Socjologii Uniwersytetu Rzeszowskiego;
Instytut Socjologii Państwowej Wyższej Szkoły Wschodnioeuropejskiej
w Przemyślu, Polska***

ВИДАВЦІ

***Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна;
Соціологічна асоціація України;
Інститут соціології Жешувського університету, Республіка Польща;
Інститут соціології Вищої державної східноєвропейської школи у Перемишлі,
Республіка Польща***

82100 Україна

Львівська область

м. Дрогобич

вул. Лесі Українки, 46, кім.210

тел. (38 032 44) 3-81-44

КОНТАКТИ: redakcja@youthjournal.eu

RADA NAUKOWA:

Ludmila Sokóriańska – dr hab., profesor (Uniwersytet w Charkowie, Ukraina) – **przewodnicząca rady**
Nadija Skotna – dr hab., profesor (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)
Ilya Kononov – dr hab., profesor (Uniwersytet w Ługańsku, Ukraina)
Walerij Łukow – dr hab., profesor (Uniwersytet Humanistyczny w Moskwie, Rosja)
Witalij Oniszczyk – dr hab., profesor (Uniwersytet w Odessie, Ukraina)
Wiktor Sawka – dr, docent (Politechnika Lwowska, Ukraina)
Aleksiej Skowikow – dr, docent (Uniwersytet Humanistyczny w Moskwie, Rosja)
Walentina Chepak – dr hab., profesor (Uniwersytet w Kijowie, Ukraina)
Wiktor Chigrin – dr hab., profesor (Uniwersytet w Symferopolu)
Andrzej Szumilow – dr., docent (Uniwersytet Czuwaski, Rosja)
Yuriy Bilan – Ph.D, profesor (Uniwersytet Szczeciński, Polska)
Marek Bugdol – dr hab., profesor (Uniwersytet Jagielloński, Polska)
Maciej Gitling – dr hab., profesor (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Beata Halicka – dr hab., profesor (Uniwersytet Adama Mickiewicza, Polska)
Witold Jedynak – ks., dr hab., profesor (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Marian Malikowski – dr hab., profesor (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Jarosław Moklak – dr hab., profesor (Uniwersytet Jagielloński, Polska)
Marian Niezgoda – dr hab., profesor (Uniwersytet Jagielloński, Polska)
Antoanela Petkovska – Ph.D, profesor (Ss. Cyril and Methodius University, Macedonia)
Teresa Soldra-Gwiżdż – dr hab., profesor (Uniwersytet Opolski, Polska)
Barbara Wiśniewska-Paź – dr hab., profesor (Uniwersytet Wrocławski, Polska)
Dariusz Wojakowski – dr hab., profesor (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Marta Zahorska-Bugaj – dr hab., profesor (Uniwersytet Warszawski, Polska)
Maria Zielińska – dr hab., profesor (Uniwersytet Zielonogórski, Polska)
Beata Szluz – dr hab., profesor (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

НАУКОВА РАДА:

Людмила Сокурянська – доктор соціологічних наук, професор (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна) – **голова ради**;
Надія Скотна – доктор філософських наук, професор (Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна);
Ілля Кононов – доктор соціологічних наук, професор (Луганський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна);
Валерій Луков – доктор філософських наук, професор (Московський гуманітарний університет, Російська Федерація);
Віталій Онищук – доктор соціологічних наук, професор (Одеський національний університет імені І.І. Мечнікова, Україна);
Віктор Савка – кандидат соціологічних наук, доцент (Національний університет «Львівська політехніка», Україна);
Олексій Сковіков – кандидат філософських наук, доцент (Московський гуманітарний університет, Російська Федерація);
Валентина Чепак – доктор соціологічних наук, професор (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна);
Віктор Чигрин – доктор соціологічних наук, професор (Таврійський національний університет імені В.І. Вернадського);
Андрій Шумілов – кандидат політичних наук, доцент (Чуваський державний педагогічний університет імені В.Я. Яковлева, Російська Федерація);
Юрій Білан – Ph.D, професор (Щецинський університет, Республіка Польща);
Барбара Вішневська-Паз – доктор габілітований, професор (Вроцлавський університет, Республіка Польща);
Даріуш Вояковський – доктор габілітований, професор (Жешувський університет, Республіка Польща);
Бугдоль Марек – доктор габілітований, професор (Ягеллонський університет, Республіка Польща);
Гітлінг Мацей – доктор габілітований, професор (Жешувський університет, Республіка Польща);
Галіцка Беата – доктор габілітований, професор (Познаньський університет імені Адама Міцкевича);
Єдинак Вітольд – ксьондз, доктор габілітований, професор (Жешувський університет, Республіка Польща);
Зелінська Марія – доктор габілітований, професор (Зеленогурський університет, Республіка Польща);
Марта Загорська -Бугай – доктор габілітований, професор (Варшавський університет, Республіка Польща);
Ярослав Мокляк – доктор габілітований, професор (Ягеллонський університет, Республіка Польща);
Маріан Маліковський – доктор габілітований, професор (Жешувський університет, Республіка Польща);
Маріан Нєзгода – доктор габілітований, професор (Ягеллонський університет, Республіка Польща);
Антоанела Петковська – Ph.D, професор (Університет Св. Кирила і Мефодія, Македонія);
Тереза Солдра-Гвіждж – доктор габілітований, професор (Опольський університет, Республіка Польща);
Беата Шлюз – доктор габілітований, професор (Жешувський університет, Республіка Польща)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY:

Redaktor naczelny: Switłana Szczudło – dr hab., profesor (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)
Zastępca redaktora naczelnego: Piotr Długosz – dr (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Redaktorzy tematyczni:
Jarosław Komarnicki – dr., docent (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)
Iryna Mirczuk – dr., docent (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)
Hubert Kotarski – dr (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Sławomir Solecki – dr (Państwowa Wyższa Szkoła Wschodnioeuropejska w Przemyślu, Polska)
Wojciech Broszkiewicz – dr (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Rafał Boguszewski – dr (Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego, Polska)
Marcjanna Nózka – dr (Uniwersytet Jagielloński, Polska)

Dorota Szaban – dr (Uniwersytet Zielonogórski, Polska)

Klara Kovacs – dr (Uniwersytet w Debreczynie, Węgry)

Секретарі редакції:

Bogdanna Gwozdecka – dr (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)

Mariusz Palak – dr (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

Redaktor techniczny:

Juriy Dmytryshyn – dr., docent (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)

Redaktor statystyczny:

Krzysztof Piróg – dr (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

Redaktorzy językowi:

język polski: **Dominika Długosz-Izdebska** – doktorantka (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

język ukraiński: **Iryna Niewmierzicka** (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)

język rosyjski: **Oleksandra Proć** (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)

język angielski: **Wojciech Pyć** – doktorant (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

Головний редактор: Світлана Щудло – доктор соціологічних наук, професор
(Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна)

Заступник головного редактора: Пьотр Длugoш – доктор
(Жешувський університет, Республіка Польща)

Тематичні редактори:

Ярослав Комарницький – кандидат історичних наук, доцент
(Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна)

Ірина Мірчук – кандидат філософських наук, доцент
(Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна)

Хуберт Котарський – доктор (Жешувський університет, Республіка Польща)

Славомір Солецький – доктор (Вища державна східноєвропейська школа у Перемишлі,
Республіка Польща)

Войцех Брожеквич – доктор (Жешувський університет, Республіка Польща)

Рафал Богушевські – доктор (Головна школа сільського господарства у Варшаві, Республіка Польща)

Марціянна Нужка – доктор (Ягеллонський університет, Республіка Польща)

Дорота Шабан – доктор (Зеленогурський університет, Республіка Польща)

Клара Ковач – доктор (Дебреценський університет, Угорщина)

Секретарі редакції:

Маріуш Пеляк – доктор (Жешувський університет, Республіка Польща);

Богданна Гвоздецька – кандидат соціологічних наук (Дрогобицький державний педагогічний
університет імені Івана Франка, Україна)

Статистичний редактор:

Криштоф Пірог – доктор (Жешувський університет, Республіка Польща)

Технічний редактор:

Юрій Дмитришин – кандидат юридичних наук, доцент
(Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна)

Літературні редактори:

польська мова: **Домініка Длugoш-Іздебська** – докторант (Жешувський університет, Республіка Польща);

українська мова: **Ірина Невмержицька** – редактор (Дрогобицький державний педагогічний університет
імені Івана Франка, Україна);

російська мова: **Олександра Проць** – кандидат юридичних наук, доцент

(Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна)

англійська мова: **Войцех Пиць** – докторант (Жешувський університет, Республіка Польща).

TABLE OF CONTENTS

Илья Кононов	
ОТ ДЕТСТВА К ВРОСЛОСТИ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВОВ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА И ГАЛИЧИНЫ	6
(Illya Kononov. FROM CHILDHOOD TO ADULTHOOD: GENERATION, REGIONAL AND GENDER PECULIARITIES OF NARRATIVES OF CHILDHOOD AND YOUTH OF DONBASS AND GALICIA RESIDENTS)	
Rafal Boguszewski	
PORTRAIT OF POLISH YOUTH IN THE LIGHT OF THE "YOUTH 2013" SURVEY RESULTS.....	46
Lucjan Miś, Katarzyna Ornacka	
CHILDREN'S SOCIAL CAMPAIGNS IN POLISH MASS MEDIA. RESEARCH STUDY ON SOCIAL MARKETING IN 2012.....	58
Петр Длугош	
ПОТЕРЯННОЕ ЛИ ПОКОЛЕНИЕ? ПАТРИОТИЗМ, ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ НАРОДАМ И ОЦЕНКА ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПОЛЬШЕ УКРАИНСКИХ СТУДЕНТОВ.....	70
(Piotr Dlugosz. IS LOST GENERATION? PATRIOTISM, ATTITUDE TOWARDS OTHER NATIONS AND THE EVALUATION OF LIFE CHANCES OF UKRAINIAN STUDENTS STUDYING IN POLAND)	
Микола Сидоров	
ВИКОРИСТАННЯ ФАКТОРІАЛЬНОГО ДИЗАЙНУ ДЛЯ ВИВЧЕННЯ ЗНАЧУЩОСТІ ФАКТОРІВ ВИБОРУ СТУДЕНТАМИ РОБОЧОГО МІСЦЯ.....	83
(Mykola Sydorov. APPLICATION OF FACTORIAL DESIGN IN ESTABLISHING SIGNIFICANCE OF FACTOR OF STUDENTS' FIRST EMPLOYMENT CHOICE)	
Радослав Маженки, Лукаш Стах	
СЛАБЫЙ ДЕМОС? ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДЫХ ГРАЖДАН В ПОЛЬШЕ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ.....	97
(Radosław Marzęcki, Łukasz Stach. EVEN WEAKER DEMOS? POLITICAL COGNITIVE COMPETENCIES OF YOUNG CITIZENS IN POLAND AND THE EUROPEAN UNION)	
Катерина Тягло	
ОБРАЗ ТА СТАТУС НОВІТНЬОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ: СПРИЙНЯТТЯ МОЛОДИХ ЧИТАЧІВ.....	113
(Kateryna Tyahlo. IMAGE AND STATUS OF MODERN UKRAINIAN LITERATURE: YOUNG READERS PERCEPTION)	

Илья Кононов*

ОТ ДЕТСТВА К ВРОСЛОСТИ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВОВ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА И ГАЛИЧИНЫ¹

На основе эмпирического материала, полученного в результате биографических интервью, проведенных в таких регионах Украины, как Донбасс и Галичина, анализируются нарративы детства и юности. Особое внимание уделяется первым впечатлениям детства, так как они являются отправными точками конструирования идентичности человека. Для старших возрастов первые впечатления детства связаны с неким экзистенциальным опытом, заставившим с особой остротой воспринять мир и себя в мире. Для младших поколений первый опыт связан с неким приключением, утверждающим самостоятельность личности ребенка среди сверстников и взрослых. Для старших поколений детство в первую очередь связано со школьной учебой, для младших – с развлечениями. Юность старшего поколения – это открытие широких горизонтов мира. Для младших поколений юность связана с борьбой за место в жизни, с самопрезентацией. Представители всех поколений разделяют мнение, что взрослость наступает, когда человек полностью способен отвечать за себя и способен взять ответственность за других, но у молодых людей переход к взрослости может рассматриваться как некий итеративный процесс, предполагающий возвраты и повторения стадий.

***Ключевые слова:** нарратив, биография, биографическое интервью, детство, юность.*

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СОЦИОЛОГИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ОПЫТА ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

Изучение динамики общества как смены поколений в наше время приобрело особую актуальность. Это, как заметил К. Муздыбаев, связано с тем, что поколенческий анализ указывает на некую разрывность в социальных структурах (Муздыбаев, 2004, с. 176). На просторах бывшего

*** Илья Кононов** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Старобельск, Украина)

Научные интересы: социология пространственности, социология регионов, социология пограничья, социология политики.

E-mail: kononov_if@ukr.net

¹ Статья впервые была опубликована в сокращенном виде в: Кононов И. Нарративы детства и юности в биографиях жителей Донбасса и Галичины, Youth World Politic. 2015, 1, 19 – 46.

СССР со сменой поколений связывают изменения ценностных систем (Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России, 2005). Внимание к этому обусловлено убеждением, что утверждение нового социального строя, кроме всего прочего, обуславливается принятием его ценностей молодыми поколениями. Интерес в переломные, кризисные периоды общественного развития к детям, подросткам и молодежи был продиктован именно этим обстоятельством.

Люди, мечтающие о построении идеального общества, начиная с Платона, делали ставку на молодежь. Тоталитарные режимы утверждались руками молодых. Нани Гогохия в своих работах показала, что в первые десятилетия советской власти руководство большевиков стимулировало конфликт отцов и детей, пытаясь превратить последних в своих агентов. Дети и молодежь должны были стать двигателями революционных преобразований и постоянным фактором давления на своих родителей (Гогохия, 2009; Гогохия, 2012). Подобную роль дети и молодежь играли и в фашистской Германии. Александр Давлетов исследовал, как национал-социализм завоевывал молодежь (Давлетов, 2006; Давлетов, 2015). «Гитлер чувствовал в молодежи ту социальную базу, на которую он хотел опереться во время прихода к власти (Давлетов, 2015, с. 38). Это отразилось в самом составе нацистского движения: «В отличие от так называемых «старых политических институций» Германии, основанных еще в XIX в., то есть таких, как СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) или Центр, НСДАП считали тогда партией молодых людей. Средний возраст отцов-основателей национал-социалистического движения в 1919 – 1920 гг. составлял меньше 33 лет, а в самой НСДАП до ноября 1923 г. 47% членов партии имели возраст до 23 лет» (Давлетов, 2015, с. 52). В 1920-е гг. отряды СА насчитывали 58,5% лиц моложе 25 лет. Немецкую молодежь привлекали лозунгом «Новое время, новые символы, новые люди». Так нацисты эксплуатировали конфликт поколений в Веймарской республике и отрывали подрастающее поколение от их родителей (Давлетов, 2015, с. 53). И молодежи нравилось, что от её марширующих колонн:

«Дрожат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым...»

Так начинался официальный гимн «Гитлерюгенда», слова к которому написал Ганс Баум (Давлетов, 2015, с. 209).

Не хочу, чтобы предшествующий абзац был понят в духе модного ныне отождествления советского и национал-социалистического государств. Но любой политический режим, утверждающийся революционными насильственными методами, делает ставку в первую очередь на молодежь.

В странах, где произошел переход от социализма к капитализму, молодежь интересует исследователей по причине сложности её включения в социальные структуры. В первую очередь речь идет о недружественности по отношению к молодым людям такого важнейшего института как рынок труда. В России в январе 2015г. общий уровень безработицы составил 5,5%, а среди молодежи в возрасте 15-24 лет - 15,1% (Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2015 года). В Украине в 2012 г. среди зарегистрированных безработных молодежь составляла 41,8%. В Волынской, Ивано-Франковской и Львовской областях уровень молодежной безработицы превышает 50% (Мезенцев, Підгрушний, Мезенцева, 2014, с. 38). В Польше среди безработных лица до 24 лет составили 20%, а в возрасте между 25 и 34 годами – 30% (Winogrodzka, 2014, с. 248).

Другие часто обсуждаемые темы – девиации в юношеской и молодежной среде (Кононов, 2014), готовность молодежи к протестному поведению (Габа, 2015; Сокурянська, 2014; Марченко, 2014), интернет-активность детей и молодежи (Шумилов, 2014; Кислова, 2014), ценностные ориентации детей и молодежи (Хобта, 2014; Магун, 1996; Синельников, 2011).

Поколенческий анализ общественных изменений привел к появлению в социологии множества новых теорий среднего ранга. В 1960-е годы окончательно сложилась социология молодежи (Полутин, Тюлякова, 2010). На рубеже 1980 – 1990 гг. утвердилась социология детства. В 1998 г. Международная социологическая ассоциация создала специальный исследовательский комитет по социологии детства (Кон, 2003, с. 65 – 66). Проводятся социологические исследования, связанные со старением населения и старостью как возрастной категорией (Левинсон, 2005).

В целом, возрастные категории, которыми оперирует современная наука, сложились исторически. Утверждение об их социальной сконструированности - общее место в современном обществознании. Они сформировались как статистические счетные категории, использовавшиеся в практиках государственной власти. Так определялось число воинов, налогоплательщиков, иждивенцев и т.д. В разные эпохи и у разных народов статистические категории имели разный характер. В Древней Греции возраст человека разбивался на седмицы. Солон завершение первой седмицы маркирует сменой зубов, второй – половым созреванием, третьей – ростом бороды и т.д. (Кон, 2003, с. 108). Возрастные категории отличались не только от культуры к культуре, но и в зависимости от социального положения человека. Скажем, у бедняков долго не было детства, как времени, когда ребенок выключен из процесса производства. Достоянием всех социальных слоев оно стало в Европе только с конца XIX века (Куруленко, 1998).

Счетные статистические категории возникают не по произволу, а в результате деятельности определенных социальных институтов (церкви, армии, налоговой службы, школы и т.д.). Игорь Кон писал: «Система возрастной стратификации включает в себя, во-первых, возрастной состав и структуру населения (социально-демографический аспект), во-вторых, возрастную структуру общественной деятельности (социально-экономический аспект) и, в-третьих, возрастную структуру общественных организаций и институтов (социально-политический аспект)» (Кон, 2003, с. 89).

Сам по себе выход в социологическом анализе на первый план возрастных (как и гендерных) категорий является результатом серьезных сдвигов в социальной структуре, произошедших с переходом от Первого ко Второму модерну (Бек, 2000). Если в период Первого модерна главными строительными блоками социальной структуры были противостоящие друг другу классы, то Второй модерн привел к тому, что относительно организованному господствующему классу (буржуа, капиталисты, покупатели рабочей силы) противостоят атомизированные индивиды. Для совокупности этих индивидов Зигмунд Бауман предложил название «прекариат» (от англ. *Precarious* – случайный, ненадежный). Представители прекариата считают свое положение результатом случайности, временной неудачи. При этом они принимают установку правящего класса, что за свое положение отвечает исключительно индивид. Первый модерн формировал понимание социального освобождения как коллективного процесса. Второй модерн на место освобождения ставит индивидуальное улучшение своего положения. Зигмунд Бауман пишет: «Что «объединяет» прекариат, составляя эту чрезвычайно пеструю совокупность в единую категорию, так это состояние крайней дезинтеграции, пульверизации, атомизации. Какими бы не были их происхождение и принадлежность, все прекарии страдают, и каждый страдает наедине, ибо страдания каждого являются заслуженным наказанием за личный грех недостаточной дальновидности и ограниченной старательности. Лично приобретенные страдания удивительно похожи: то ли это вызвано ростом кипы коммунальных платежей или квитанций для оплаты за учебу, то ли мизерностью заработной платы вместе с краткосрочностью наличных предложений трудоустройства и недостижимостью солидной и надежной работы, туманностью будущих жизненных перспектив, постоянным призраком сокращения или понижения по службе – все это выливается в *экзистенциальную неуверенность*: жуткую смесь незнания и бессилия, а также неисчерпаемый источник унижения» (Бауман, Донскіс, 2014, с. 80).

В ситуацию прекариата попадают большинство членов современного общества. Связь индивидов с социальными структурами приобрела

функциональный характер. Индивид что-то значит, лишь будучи включенным в институциональные структуры, но любая из этих связей частична и носит взаимно потребительский характер. Рыночная ситуация большинства индивидов, продающих свою рабочую силу, зависит от их телесных качеств, здоровья, знаний и опыта. Коллективные же позиции создаются гендером и возрастом. Если в период Первого модерна у индивида могло возникать чувство принадлежности к общественным процессам, превосходящим по длительности жизнь человека, то современность формирует чувство пребывания на некоем конвейере. Вот индивид в самом начале конвейерной ленты и у него, кажется, все впереди, вот он уже посредине, а вот он уже и сброшен с нее за ненадобностью. Попадание на конвейер зависит от возраста, как и сходжение с него.

Понятие поколения очень напоминает понятие прекариата своей сборностью и неопределенностью. Сошлюсь на польского социолога Марьяна Незгоду, который написал так: «Поколение, таким образом, является общественной категорией, иначе говоря, такого рода коллективностью, которая характеризуется специфическими свойствами. Во-первых, она означает совокупность людей в определенном возрасте. Это определяет подобие жизненных ситуаций. Эти люди выполняют подобные (иногда те же самые социальные роли), занимают подобные места в социальной структуре, имеют подобный жизненный опыт, а, следовательно, разделяют похожую систему ценностей, познают схоже мир в результате схожего опыта. Таким образом в этом случае имеем дело с определенной возрастной когортой, которая в результате сходства возраста (жизненного опыта) демонстрирует подобие с точки зрения существенных общественных черт» (Niezgoda, 2014, с. 14).

Хотя поколения существуют лишь в соотношении друг с другом, в теоретическом рассмотрении этим порой пренебрегают. Происходит их реификация и герметизация. В научном лексиконе для обозначения этого даже появились слова наподобие «юсизм» (термин от англ. youth - молодежь, был введенный Ф. Коэном для обозначения взгляда на молодежь как единую гомогенную группу) (Луков, 2012а, с. 12).

Валентин Луков пишет об этой возрастной группе: «Молодежь предстает перед обществом не как некая совокупность молодых людей, а как неким образом упорядоченная социальная конструкция с ожидаемыми (нормативно фиксируемыми) свойствами, что на практике отражает развитие определенной группы социальных институтов» (Луков, 2012б, с. 25). Это вполне справедливо и в отношении всех остальных социально-демографических категорий. Поэтому изучать их необходимо в рамках целостной социальной системы.

Но и этого недостаточно. Каждый предшествующий возраст присутствует в последующем как опыт. Скажем, Эрик Эриксон считал, что

цикл человеческой жизни состоит из восьми стадий. Каждая из них связана с разрешением свойственных ей противоречий, что отливается в идентичность. Однако, идентичность каждого из периодов жизненного цикла несет в себе и предшествующие идентичности (Эриксон, 1999, с. 116 – 153). При этом нужно говорить не только об опыте индивида, но и о коллективном опыте поколений.

В данном тексте и предпринята попытка рассмотреть опыт детства и юности в духовном опыте людей разных поколений.

Целью статьи будет рассмотрение влияния таких переменных как регион, возрастная когорта и гендерная принадлежность на построение биографий жителями современной Украины.

НАРРАТИВИСТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ПОКОЛЕНЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Опыт детства и юности у людей разных поколений существует как определенная совокупность нарративов, организующихся в некие мозаичные структуры метанарративными каркасами.

Нарратив как рассказ, семиотически упорядочивающий жизненный мир человека и сообщества через объяснение происхождения этого мира и разных явлений в нем, является древнейшей дискурсивной формой. Он центрирует мир на рассказчика (индивидуального или коллективного), но предполагает слушателя и некую третью сторону, обеспечивающую нормы рассказывания и восприятия рассказанного. Важнейшую роль в нарративном взаимодействии играют метанарративные формы. От них зависит, как построен рассказ и как его необходимо воспринять. В случае, если индивиды и сообщества пользуются разными метанарративными конструкциями, то при их взаимодействии возникают дискурсивные сшибки, делающие невозможным настоящий диалог. Скажем, такой диалог не складывается у сторонников креационизма и дарвинистами, даже если они субъективно стремятся к толерантному обмену идеями. Частичные нарративные конструкции при этом могут приниматься, но не метанарративы.

Нарративный подход в поколенческом анализе сводит в одном фокусе исследование социальной памяти, биографический метод, социологию повседневности, а также социологическое изучение различных возрастных групп.

Прецедентным текстом в европейской интеллектуальной традиции, где впервые эта тематика была рассмотрена в единстве, стала «Исповедь» святого Августина. Конечно, в тот период не было социологии, поэтому говорю именно о тематике.

Августин не просто исповедуется, а рефлексивует по поводу своей исповеди. Он её рассматривает как отношение «Я – Бог – сообщество/братья». Бог – гарант истинности нарратива. «Итак, Ты, Господи, знаешь все обо мне, знаешь, какой я. А с какой целью я исповедуюсь перед тобой, я уже сказал Тебе. Ибо я делаю это не словами, не криком тела, а словами души, тем криком мысли, который знает ухо Твое. Ведь когда я лукавый, то моя исповедь – это не что иное, как признание, что я брезгую собой; когда же я богобоязненный, то именно тем исповедуюсь тебе, что я не приписываю того своей заслуге... <...> Ибо я не рассказываю людям никакой правды, какой бы Ты не слышал раньше меня, и Ты не слышишь от меня ничего, кроме того, что Ты сам сказал мне раньше»² (Св. Августин, 1999, 171 – 172).

Рассказ о себе перед ликом Бога – самый верный и глубокий путь самопознания: «Ибо услышать от Тебя о себе самом – это не что иное, как только познать самого себя» (Св. Августин, 1999, с. 172). Таким образом, нарратив – путь к обретению подлинной идентичности индивида. Через взаимодействие индивидов перед ликом высших нормативных требований формируется коллективная идентичность. Люди нуждаются в этом. «Таким образом, они хотят услышать мою исповедь о том, каков я внутри себя, куда не достигает ни их взор, ни их слух, ни мысль. <...> Пусть сердце братьев моих полюбит во мне то, что следовало бы им любить по Твоему желанию, пусть оплакивает то, что ты повелеваешь оплакивать» (Св. Августин, 1999, с. 173).

Нарратив возможен лишь с опорой на память. «И вот я ступаю на поля в просторные теремы памяти, туда, где размещаются сокровища образов, накопленные при помощи различных наблюдений чувств. Там сохраняются все образы, какие мы создали в нашем воображении или же путем увеличения, или уменьшения, или изменения того, что дошло до наших ощущений, а также все частички образов, которые до этого времени не поглотило и не погребло забвение. Как только я туда добираюсь, я вызываю те образы, которые мне нравятся. Некоторые из них появляются сразу, но бывают и такие, которые нужно искать дольше, их необходимо вытягивать, вроде как из каких-то тайных хранилищ; другие же налетают роem сами» (Св. Августин, 1999, с. 177).

Августин не сводит память только к запечатленным образам, анализируя роль в ней абстрактных понятий. Более того, он утверждает приоритет мышления в работе памяти. «Ведь не настоящие предметы входят туда, это лишь их образы, всегда готовые к услугам мысли, которая их вызывает» (Св. Августин, 1999, с. 177).

² Цитируя по украинскому переводу Юрия Мушака, как одному из наиболее проникновенных переводов «Исповеди» Августина на восточнославянские языки.

Память существует в диалектических отношениях с забвением. «...Память сохраняет в себе забвение, то есть оно наличное, иначе мы бы его забыли, но, как только оно налично, - мы его забываем» (Св. Августин, 1999, с. 184).

Все это выводит Августина на проблему времени. Он абсолютно честен, когда говорит: «Итак, что же такое время? Когда никто не спрашивает меня об этом, я знаю, но как только идет речь об объяснении, я уже не знаю» (Св. Августин, 1999, с. 222). И сейчас разве что шарлатан решился бы дать онтологическое определение времени по формально-логическим правилам. Поэтому автор «Исповеди» переводит обсуждение проблемы времени в психологическую и праксеологическую области. «Нынешнее вещей бывших – память; нынешнее вещей нынешних – их прямое видение; нынешнее будущности – это надежды» (Св. Августин, 1999, с. 227). «Таким образом, в двух направлениях простирается и мое действие: оно является памятью относительно того, что я сказал, и ожиданием относительно того, что я должен сказать. Однако моя сосредоточенность остаётся нынешним» (Св. Августин, 1999, с. 234).

Августин смотрит на человеческую личность как на развивающуюся целостность, которая во все свои периоды несет своё прошлое. «Но детский возраст не отошёл, ибо куда бы он мог отойти? Но, однако, его уже не стало. Ибо я уже не был младенцем, который не мог говорить, а мальчиком, который разговаривает. И я помню это...» (Св. Августин, 1999, с. 10).

Сейчас о нарративе существует невообразимое количество исследований на разных языках. Только попытки классифицировать точки зрения на природу нарратива можно считать сотнями (Mitchell, Egudo, 2003; Feldman, Sköldberg, Brown, Horner, 2004; Hunter, 2010; Троцук, 2006). Нарративный анализ или, точнее, нарративные анализы используются в разных социальных и гуманитарных науках. В социологии нарративисты составляют уточненное сообщество, но сообщество анклавного типа.

Узкая специализация разработок ведет к тому, что они существуют своеобразными островками в общем пространстве социологии. Польский философ Кшиштоф Бжехчин пришел к выводу, что недостаточна интеграция нарративизма в современное обществознание связано с определенными внутринаучными препятствиями. Так, нарративизм пользуется чаще всего литературным и повседневным языком, а идеал научности предполагает формализованный язык. Кроме того, мета-методологические установки науки являются натуралистическими, а нарративизм их отрицает (Brzechyn, 2013, с. 515). Это означает, что знания, полученные с помощью нарративного анализа, нуждаются в верификации другими методами. Правда, в социологии сейчас нет методов и методологических перспектив, которые бы сулили абсолютно надежные

знания (Паниотто, Харченко, 2012). Необходима системность в использовании методов получения первичной социологической информации и в её анализе.

Анклав нарративизма постоянно переживает внутренние деления. На его карте появляются все новые места. Одним из них стал биографический метод, который его разработчики считают более чем методом, то есть путем социологического познания, а рассматривают как особое направление в социологии.

Елена Рождественская пишет о том, что в мире Второго модерна «биография интегрирует различные жизненные практики в единое целое и вследствие этого принадлежит к основным средствам ориентации и интеракции во множестве социальных ситуаций» (Рождественская, 2012, с. 14). Так рассредоточенный между разными институтами субъект соединяется в длящуюся целостность. Однако, биография всегда рассказывается для себя и для других с позиции сегодняшней ситуации субъекта. «В рассказе о прошлом рассказчик занимает определенную дистанцию к первоначально пережитым событиям. Первичные пласты пережитого опыта закрываются фильтром новой перспективы меняющегося рассказчика, «затираются» неоднократным рассказыванием, спровоцированным различными контекстуальными задачами. Вследствие этого они не образуют «тогдашний» мир – это модели или *миметические* отображения нашего понимания мира на основе наших ожиданий, опытов, потребностей. Тому много оснований: двойная перспектива времени рассказывания, конструктивизм воспоминаний, влияние ситуации рассказывания и интерактивность процесса рассказывания» (Рождественская, 2012, с. 56).

В биографическом анализе используется терминология, разработанная в нарратологии. Большой популярностью в мировом сообществе исследователей пользуется концепция немецкого исследователя Вольфа Шмида, книга которого «Нарратология. Введение» переведена на русский и английский языки (Шмид, 2013; Schmid, 2010). Автор исходит из того, что некие реальные события есть только материал для построения рассказа. Он формируется в ходе «нарративных трансформаций», где совершается движение по линии событие → история → нарратция → презентация нарратии. Собственно, эмпирически мы фиксируем только последний компонент, так как он представляет из себя нарративный текст, результат вербализации. Нарратция (продукт композиции элементов события), история (результат смыслового отбора и хронологического расположения событий, деятелей и пр.) и событие (аморфная совокупность ситуаций) подлежат выявлению методами последующего анализа (Шмид, 2013, с. 158).

Отталкиваясь от этих идей далее предпримем анализ биографических нарративов жителей Донбасса и Галичины. Будем исходить из гипотезы, что жители этих украинских регионов, придавая своим биографиям осмысленную целостность, постоянно переосмысливают свое детство и юность. Оценки детства и юности многое говорят о современной ситуации наших респондентов. Недовольство нынешним состоянием общества выливается в позитивную оценку прошлого, как и наоборот.

Наш анализ базируется на эмпирическом материале, полученном в результате проведения биографических интервью. В их ходе респонденты в свободной форме излагали истории своих жизней, останавливаясь на главных событиях³. Биографические интервью проводились как с жителями Востока, так и с жителями Запада Украины. В Галичине (Ивано-Франковская и Львовская области) и на севере Луганской области было проинтервьюировано по 9 человек (по 3 человека представляли в каждом случае три возраста – молодой, средний и старший).

Методика интервью и его план разработаны автором этих строк. Мною же были проведены интервью в Ивано-Франковске, Дрогобыче и Старобельске. Во Львове в проведении исследования неоценимой была помощь доцента, кандидата социологических наук Евгения Савки, в Дрогобыче – доктора социологических наук, профессора Светланы Щудло. В поселке Троицкое интервьюером была моя аспирантка Оксана Прядко. Тяжелую работу по транскрибированию аудиозаписей выполняли все участники исследования, но большая ее часть сделана аспирантками нашей кафедры Маргаритой Живиловой и Оксаной Прядко.

Прямая речь респондентов подается курсивом с минимальными редакторскими правками на языке оригинала. Если респонденты говорили на украинском языке, то в виде сноски дается русский перевод их высказываний. После каждого высказывания приводятся инициалы респондента, его социально-демографические характеристики, место и дата проведения интервью. В данном тексте специально не акцентируется внимание на русизмах или украинизмах в речи респондентов.

³ Интервью были частью исследовательского проекта «Жизненные миры Востока и Запада Украины», который реализовывался в 2014 – 2015 гг. общественной организацией «Центр по изучению общественных процессов и проблем гуманизма» и кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, который сейчас базируется в г. Старобельске. Исследования осуществлялись при частичной финансовой поддержке Канадского института Украиноведческих исследований (Canadian Institute of Ukrainian Studies. University of Alberta)

НАЧАЛО БИОГРАФИИ. ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Важность первых детских воспоминаний состоит в том, что с них начинается осознание непрерывности своей личности. Это – один из важнейших аспектов идентичности любого человека. Не обязательно человек всю жизнь считает одни и те же события своей жизни первыми воспоминаниями. Видимо, то, что мы воспринимаем как первые воспоминания, связано с некими базовыми установками, определяющими наше восприятие действительности и самих себя.

В целом у всех людей первые воспоминания связаны с неким событием, которое привело к неожиданному осознанию себя в мире. У людей, первые годы жизни которых пришлись на середину XX века, чаще всего в качестве первых воспоминаний фигурирует экзистенциальный опыт, опыт некоего перехода, страшный или радостный, иногда ставящий на межу между жизнью и смертью.

Приведу пример экзистенциального ощущения неожиданности мира. Речь о том, что физический мир предстал перед ребенком неизвестным и грозным. Но важно и то, что девочка, пережившая этот опыт, идет к отцу на работу в сопровождении его побратима. Это не просто ощущение космических сил, проявивших себя на земле, но и чувство человеческого братства, способного противостоять этим силам. *«Ну, з таких достатньо сильних епізодів, і це приблизно, я так думаю, віком від трьох до п'яти, то один епізод – це мороз. Мороз більше п'ятдесяти градусів. Тобто навіть на Півночі після 42° вже більшість підприємств не працювали, а тільки вже працювали, що? Ну, там водонапірна, лікарня. 42° - це була така температура, що при ній частково актований день був. І це було десь під новий рік. Я, значить, з батьковим побратимом, так як вони в лікарні, так як батьки в мене в лікарні, але вони все одно працювали, то він прийшов за мною. І ми йдемо. Ну, це було в Інті. Комі ССР. Двісті кілометрів від Воркути. І от ми йдемо вулицею. І це така абсолютна тишина. При такому морозі, знаєте, якась така метафізична тишина. Я такої тишини більше не чула. Це така надзвичайна тишина. Тобто я не знаю, яка там була година. Це могла бути і третя година. Але це було темно. З одного боку зоряне небо, така глибока темрява, глибоке зоряне небо. І от така тиша дзвенить. Дзвеняча така тиша. Тиша дзвенить. Було так незвично. Нікого немає. Ні горобця, ні собаки, ні людини. Абсолютно нікого. Ну такий якийсь, мабуть, мертвий пейзаж. Аж космічний. Ось таке сильне*

враження⁴» (Г.О., жен., 49 лет, преподаватель университета, г. Ивано-Франковск, 17.07.2014 г.).

Вот эпизод, связанный со смертью Сталина, в биографии самого старшего из опрошенных респондентов. Здесь трагикомически сливаются детское ощущение непонятности смерти и чувство лицемерия взрослых при оплакивании тирана. *«А ще смерть Сталіна. Як Сталін помер також мої батьки в школі працювали, і мене привели в школу. Був клуб. І там на сцені поставили так портрет Сталіна: вбрали його в квіти і такою чорною лентою. І всі там мовчки стояли. Ну, а я ще був 5 років. Дитинадесь хоче бігти. Тихенько-тихенько. Всі тихо стояли. Хтось з дітей одне другому показав язика. Вивели. Тут не можна⁵» (П.М.А., муж., 66 лет, пенсионер, г. Ивано-Франковск, 25.07.2014 г.).*

А вот переживание смерти близкого человека. *«Це коли мені було п'ять років помер мій хресний батько. А в нього не було дітей, він дуже мене любив. <...> Я самих похоронів, самої його смерті як би не знала. Я тоді була тут. На Україні. Він лежав хворий. А потім батько повіз його в Москву на лікування, і він помер. От. І там де я була, то туди прийшла просто телеграма. Мені сказали, і от, якби спитали, чи я знаю, хто там, то я знала, хто він. Я так думаю, що дорослі не розуміли, наскільки я, ну, це зрозуміла. Це було, ну якось дуже серйозно. Перша смерть в моєму житті. Мабуть, було нерозуміння, як це так - він помер. Я його мертвим*

⁴ «Ну из таких достаточно сильных эпизодов, и это примерно, я так думаю, в возрасте от трех до пяти, то один эпизод - это мороз. Мороз больше пятидесяти градусов. То есть даже на Севере после 42° уже большинство предприятий не работали, а только работали, что, ну там, водонапорная, больница. 42° - это была такая температура, при ней частично ограниченный день был. И это было где-то под новый год. Я, значит, с побратимом отца, так как они в больнице, так как родители у меня в больнице, но они все равно работали, то он пришел за мной. И мы идем. Ну, это было в Инте. Коми ССР. Двести километров от Воркуты. И вот мы идем по улице. И это такая абсолютная тишина. При таком морозе, знаете, какая-то метафизическая тишина. Я такой тишины больше не слышала. Это такая чрезвычайная тишина. То есть я не знаю, какой там час был. Это могла быть и три часа. Но это было темно. С одной стороны, звездное небо, такая глубокая тьма, глубокое звездное небо. И вот такая тишина звенит. Звенящая такая тишина. Тишина звенит. Ну, вот эта звенящая тишина. Было так необычно. Никого нет. Ни воробья, ни собаки, ни человека. Абсолютно никого. Ну такой какой-то, наверное, мертвый пейзаж. Даже космический. Вот такое сильное впечатление»

⁵ «А еще смерть Сталина. Как Сталин умер также мои родители в школе работали, и меня привели в школу. Был клуб. И там на сцене поставили так портрет Сталина: одели его в цветы и такой черной лентой. И все там молча стояли. Ну, а я был 5 лет. Ребенок где-то хочет бегать. Тихо-тихо. Все тихо стояли. Кто-то из детей один другому показал язык. Вывели. Здесь нельзя»

не бачила. І був якийсь протест⁶» (Г.О.Д., жен., 49 лет, преподаватель университета, г. Ивано-Франковск, 17.07.2014 г.).

В отмеченном выше нет различий между Донбассом и Галичиной. Но в Галичине больше трагизма в подобной памяти. Различие здесь фиксируется по линии «доверие – недоверие» к тогдашней социальной действительности. В Донбассе у большинства населения существовало базовое доверие к ней, в Галичине его не было. *«Я помню, мой отец был на целине. И он оттуда приехал, и привез мне детский велосипед. Помню до сих пор, такой самый обыкновенный, трехколесный велосипед. Переднее колесо большое такое и там педали на нем, и два маленьких колеса. Еще были две маленькие подножки, чтобы стать. И вот я помню, сестра старше меня, она ехала, а я становился там, и она меня возила. Вот это помню»* (В.Л., муж. 62 года, преподаватель университета, Старобельск, 2.02.2015 г.). *«Це мені було десь років п'ять. Село в Тернопільській області. Село, про яке я знаю тільки те, що там якийсь ставок є, і, що на ставочку там десь ми плавали на човні, малесенький човник був. Зроблений з верби. Ми поверталися звідти з ставка, а в село прийшли солдати. Це було, мабуть, 52-го року, це мені було 4 роки. Колонна солдатів, може рота. То ще на дворі було не дуже тепло, не дуже холодно. Солдати були, мали такі скатки з шинелей через плече. Мені сказали, щоб тебе тут не було, і страшенно перелякалися всі люди в селі. Тишина така стала. Ніхто на вулицю носа не висунув. Солдати в село прийшли. Як прийшли солдати втікати треба. Солдати пройшли собі через село. Чи вони там зупинялися, чи не зупинялися, я не знаю. Але що вже сусіди всі один другому, тишина і всьо, було не було, ніхто нічого⁷»* (П.М., муж., 66 лет, пенсионер, г. Ивано-Франковск, 25.07.2014 г.).

⁶ «Это когда мне было пять лет умер мой крестный отец. А у него не было детей, он очень меня любил. <...> Я же похорон, самой его смерти как бы не знала. Я тогда была здесь. На Украине. Он лежал больной. А потом отец повез его в Москву на лечение, и он умер. Вот. И там, где я была, то туда пришла просто телеграмма. Мне сказали, и вот как бы спросили, я знаю, кто там? Я знала, кто он. Я так думаю, что взрослые не понимали, насколько я, ну, я это поняла. Это было, ну как-то очень серьезно. Первая смерть в моей жизни. Пожалуй, было непонимание, как это так - он умер. Я его мертвым не видела. И был какой-то протест»

⁷ «Это мне было лет пять. Село в Тернопольской области. Село, я знаю только то, что там какой-то ставок, и, что на пруду там, где мы плавали на лодке, маленький челнок был. Сделан из ивы. Мы возвращались оттуда от пруда, а в село пришли солдаты. Это было, пожалуй, 52-й год, мне было 4 года. Колонна солдат, может рота. Это еще на дворе было не очень тепло, не очень холодно. Солдаты были, имели такие скатки из шинелей через плечо. Мне сказали, чтобы тебя здесь не было, и очень испугались все люди в селе. Тишина такая установилась. Никто на улицу нос не казал. Солдаты в деревню пришли. Как пришли солдаты, бежать надо. Солдаты прошли

Нужно подчеркнуть, что негативизм в восприятии действительности вовсе не связан с материальными трудностями. На Востоке Украины в послевоенное время они были ощутимее. *«...Было мне 4 годика. Пришла бабушка в гости и дала мне кусочек сахара на день рождения. А грудки были большие, аж синие. Вот она поколола ножом, и дала мне кусочек сахара на день рождения. Я помню с 4-х лет себя»* (И. В., жен., 61 год, госслужащая, пос. Троицкое, 25.02.2015 г.). *«И, вот, первые мои такие детские воспоминания – это, то жилье, где мы проживали. Бабушка моя родная, мама отца, потом родители, нас двое с братом. Жилье такое глинобитное – мазанка, очеретом⁸ покрытая, по размерам, ну, очень небольшое помещение. Если одним словом выразить – это бедность, очень большая бедность. Питание такое скудное. Вот сейчас, наверное, люди не знают, что такое тюря. Это, когда берется вода, соль, ложка постного масла, крошится хлеб туда и вот люди это едят. Потом там, разные другие радости бедняков, типа того там, килька дешевая, картошка вареная. То есть первые годы моего детства были очень бедными»* (П. С., муж., 54 года, учитель, г. Старобельск, 08.02.2015 г.). Но при этом респонденты вспоминают открытость человеческого общения. *«Из раннего детства могу вспомнить, то, что на улице люди были очень общительными, не было тогда в каждом дворе своей скважины для воды, приходили к колонке одной на улице, общались. Если у кого-то возникали какие-то проблемы, друг другу помогали. Вот, у нас в Украине есть такая традиция – толока, когда соседи помогают друг другу. Ну, вот, это и в нашей местности, и в городе Старобельске имело место. Помню, когда глину нужно было набрасывать на потолок, приходили соседи и помогали. Потом, естественно, застолье после этой работы было. Люди садились, кушали, выпивали, естественно. И, вот, из детских воспоминаний, песни, которые люди пели. Украинские обязательно, потом, например, «За туманом нічого не видно». Русские: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня». То есть двуязычность в среде сознания формировалась, наверное. И двуязычность сразу с детства воспринималась. Проблемы не было»* (П. С., муж., 54 года, учитель, г. Старобельск, 08.02.2015 г.).

В Галичине для первых детских воспоминаний характерна некая сшибка метанарративов, несоединимых между собой. Это заметно не только в биографиях людей старшей возрастной группы, но и у людей среднего возраста. *«Я завжди чомусь хотіла бути якоюсь правильною. Я, як була мала, молилася і до Бога і до Леніна. Ну так було, хоча батько казав, він завжди, я ще того не розуміла, він багато таких історій мені*

себе через село. Или они там останавливались, или не останавливались, я не знаю. Но что соседи уже все один другому, тишина и всё, было не было, никто ничего»

⁸ Очерет (укр.) – камыш.

розказував. А я настільки вірила вчителю і тому, що я вчила. Ну, я старалась, вчилась я не погано, так я думаю, Боже, в мене тато бандерівець! А я от цього «бандерівець», спочатку не могла зрозуміти. Коли вже потім ставала старша, тато мені почав пояснювати багато речей, до мене починало воно доходити. Але я так думала, Боже, як це я, це страшно знати то, що не можна знати⁹» (В.О., жен., 43 года, предприниматель, г. Дрогобыч, 02.08.2014 г.).

Для детей Донбасса советского времени все пространство СССР представлялось своим. «Наверно, годика 4, я себя помню, когда в первый раз мы поехали к папиному отцу в Армению. Вот это да! Действительно помню нашу поездку, то бишь полет на самолете. Это было очень круто для ребенка! (Смеется). Родственников моих я увидела в первый раз. Огромная семья, нас очень хорошо приветствовали. Я вообще была белая-белая девочка, курчавая. А Вы представляете, какие у меня братья и сестры? Они все смуглые. И в принципе, как начиналось утро, звонок в дверь, и все время стояло много деток, просили, чтобы Света вышла погулять (смеется)» (К. С., жен., 46 лет, продавец, пос. Троицкое, 19.02.2015 г.).

Иная ситуация была у детей Галичины этого периода. Она их толкала к обособлению и к двоємислію. «Оточення я сприймав, як середовище, в якому я живу, але в тому середовищі, були іногородці люди, яких потрібно було остерігатися. Це були люди, в першу чергу, російськомовні. Бо в нас тут однозначно панувала українська мова. Люди, які були на партійній роботі, люди військові, з ними краще не товаришувати. Хай вони собі будуть, хай вони будуть дуже добрі люди. Але з ними краще нічого не мати спільного. То не то. В своєму середовищу всьо, а оті от чужі – ні¹⁰» (П.М., муж., 66 лет, пенсионер, г. Ивано-Франковск, 25.07.2014 г.). «Від малку знала, що є правда, яку не можна в школі говорити, є правда, ну, просто така правда, яку можна, ну, дома, наприклад, сказати. Це було від

⁹ «Я всегда почему-то хотела быть какой-то правильной. Я, как была маленькой, молилась и Богу, и Ленину. Ну, так было, хотя отец говорил, он всегда, я еще этого не понимала, он много таких историй мне рассказывал. А я настолько верила учителям и тому, что я учила. Ну, я старалась, училась я не плохо, так я думаю. Боже, у меня папа бандеровец! А я вот этого «бандеровец», сначала не могла понять. Когда уже потом становилась старше, папа мне начал объяснять многие вещи, ко мне начинало оно доходить. Но я так думала, Боже, как это я, это страшно знать то, что нельзя знать».

¹⁰ «Окружение я воспринимал, как среду, в которой я живу, но в той среде, были иногородцы люди, которых нужно было остерегаться. Это были люди, в первую очередь, русскоязычные. Потому что у нас здесь однозначно царил украинский язык. Люди, которые были на партийной работе, люди военные, с ними лучше не дружить. Пусть они будут, пусть они будут очень хорошие люди. Но с ними лучше ничего не иметь общего. Это не то. В своей среде всё, а те от чужие – нет»

найменшого часу, тому мені здається, що вже в три роки якесь уявлення в мене про це було. Ну, тобто офіційне життя. Воно, ну.... великою мірою брехливе, великою мірою, скажімо, якщо в ньому, сказати правду, воно може тебе знищити, чи твоїх рідних може знищити, тому якби треба тут виставляти якусь мімікрію. Так приблизно. А правду надо знати¹¹» (Г.О., жен., 49 лет, преподаватель университета, г. Ивано-Франковск, 17.07.2014 г.). Это задавало болезненность, изломанность видения окружающей действительности, недоверие распространялось не только на чужих, но и на своих. «Принаймні навіть цікаво було, що наші батьки <...> інколи удвох сідали і прораховували провокаторів. Тобто вони обговорювали якусь людину, чи є вона провокатором, чи не є провокатором. І нас при цьому не виганяли з кімнати. Ну, тобто нас ніхто не заставляв це слухати. Тобто ми могли собі тихенько сидіти і слухати. Чи могли шастати туди сюда...¹²» (Г.О., жен., 49 лет, преподаватель университета, г. Ивано-Франковск, 17.07.2014 г.).

Различие в первых детских воспоминаниях между двумя регионами стирается у поколения, выросшего в независимой Украине. У его представителей они связаны с некими приключениями, утверждающими ребенка как самостоятельную личность. «Это Новый год у бабушки на работе, на её предприятии. У нас в Старобельске находится предприятие по ремонту железной дороги - ПМС 222. Вот каждый год там проходил новогодний утренник. Это, наверное, мне было года четыре, да, где-то так. Я помню, потому что это первый, пожалуй, утренник, когда мы пошли без родителей, только с бабушкой. И как всегда - подарки, подарки, подарки, куча сладостей. И тогда я познакомился, по-моему, то ли с начальником, то ли с директором железной дороги на том предприятии. И я ему тогда сказал, что он бабушке плохо, мало зарплаты платит. Ну, как-то так. Что не хватает ей мне на подарки. И вот после этого бабушка говорит, что, она часто вспоминает это, что её вызывали после этого: «Что ж Вы так внуку рассказываете такое?» Ну, всегда

¹¹ «С малых лет знала, что есть правда, которую нельзя в школе говорить, правда, ну, просто такая правда, которую можно, ну, дома, например, сказать. Это было от самого детского времени, поэтому мне кажется, что уже в три года какое-то представление у меня об этом было. Ну, то есть официальная жизнь. Она, ну во многом лживая, во многом, скажем, если в ней, сказать правду, она может тебя уничтожить, или твоих родных может уничтожить, поэтому если нужно, ну, тут выставлять какую-то мимирию. Так примерно. А правду надо знать»

¹² «По крайней мере даже интересно было, что наши родители <...> иногда вдвоем садились и просчитывали провокаторов. То есть они обсуждали какого-то человека, является ли он провокатором, или не является провокатором. И нас при этом не выгоняли из комнаты. Ну, то есть нас никто не заставлял это слушать. То есть мы могли себе тихонько сидеть и слушать. Могли шастать туда-сюда ...»

прямолинейно говорил я. Как-бы вот этот период, а потом я только в садике себя помню» (В.Д., муж., 25 лет, менеджер по продажам, г. Старобельск, 03.02.2015 г.). «Пам'ятаю, як цукерки мені дарували на маминій роботі. А ще тоді такий прикол був, дві співробітниці дають мені цукерку, одна типу прикольна така, з коробки, в упаковці, в такій гарній фользі, а інша звичайна якась, обична конфета. Я взяв обидві, і тій, що дала велику, сказав: «Велике дякую!», а тій, що просто конфету, просто дякую. Вони там з мене ржали. Мені тоді років 4 було може¹³» (Ю.Л., муж., 24 года, самозанятый, г. Львов, 10.09.2014 г.).

Сама предметность детских впечатлений у этого поколения изменилась. *«...Пам'ятаю як на море їздив, як перший комп'ютер побачив. Він був розміром з кімнату. На маминій роботі, там дуже шумно було і запис відбувався на бобіни. А засоби виводу, тобто монітори, вони ще двоколіорові були: зелені і чорні, щось таке, були в іншій кімнаті. Пам'ятаю, що там навушники були потрібні, щоб заходити в ту кімнату. Мені тоді було роки 3-4. Пам'ятаю на своїх очах всю еволюцію техніки комп'ютерної взагалі. Пам'ятаю, що спочатку були бобіни, перфокарти пам'ятаю, їх використовували для передачі даних. Потім великі дискети, коли привезли більші часні такі комп'ютери – монітори 15-ки такі, полуокруглі. Монітор стояв на процесорі. Здоровезні дискети такі. Потім формат 3-А змінився. Ну, і так далі¹⁴» (Ю.Л., муж., 24 года, самозанятый, г. Львов, 10.09.2014 г.). «Мы переехали. Я помню вот именно первый класс, помню вот этот вот шахтёрский городок. Мы не в Лисичанске жили, рядом. Прямо как пригород Лисичанска - Приволье. Вот, а там новые дома такие были, но больше такого типа как общежития. То есть общая кухня, туалет, ванная на две квартиры, ну на две комнаты. Вот мы так жили. Помнится, что вот так три дома*

¹³ *«Помню, как конфеты мне дарили на маминой работе. А еще тогда такой прикол был, две сотрудницы дают мне конфету, одна типа прикольная такая, из коробки, в упаковке, в такой хорошей фольге, а другая обычная какая-то, обычная конфета. Я взял обе, и той, что дала большую, сказал: «Большое спасибо!», а той, что просто конфету, просто спасибо. Они там с меня ржали. Мне тогда года четыре было может»*

¹⁴ *«... Помню, как на море ездил, как первый компьютер увидел. Он был размером с комнату. На маминой работе, там очень шумно было и запись происходила на бобины. А средства вывода, то есть мониторы, они еще двухцветные были: зеленые и черные, нечто такое, были в другой комнате. Помню, что там наушники были нужны, чтобы заходить в ту комнату. Мне тогда было года 3-4. Помню на своих глазах всю эволюцию техники компьютерной вообще. Как компьютеры, процессоры, которые там. Помню, что сначала были бобины, перфокарты помню, их использовали для передачи данных. Затем большие дискеты, когда привезли более частные такие компьютеры - мониторы 15-ки такие, полуокруглые. Монитор стоял на процессоре. Здоровенные дискеты такие. Затем формат 3-А уменьшился. Ну, и так далее»*

стоят буквой «П», и вся детвора сбегается туда. Все играют, у каждого там свои истории. А я помню, что как бы там жили все рабочие люди. Этот городок собственно и был создан для того, чтобы люди там работали. Вот первые воспоминания у меня - вообще голое поле вокруг, какие-то, не знаю, там какие-то новостройки. Ну, мы любили постоянно на стройках играть. Куча детей постоянно, потому что семьи все молодые» (Н.А., муж., 29 лет, специалист по продажам, г. Старобельск, 04.02.2015 г.).

Гендерных отличий в первых детских воспоминаниях, как не странно, не много. У женщин чаще в сравнении с мужчинами встречается нарратив ожидания отца. В обоих регионах они вспоминают, как ждали своих отцов из далеких командировок с подарками. *«Тато, який приїжджав з поїздок. Тато працював, він їздив по всьому Союзу і ми його чекали, коли він приїжджав з Росії і привозив якісь тоді смаколики¹⁵» (П.О., жен., 34 года, предприниматель, г. Дрогобыч, 02.08.2014 г.). «...Мы жили - поселок городского типа - в Марковке. Отец мой учился в Донецке, в Сталинской школе, он ездил на сессию и весной он возвращался с сессии, а мне мама говорила: Смотри, Тань, вот вдалеке за лугом папа идет, он сегодня приезжает. И она меня на тропиночку становила, и по этой тропиночке я бежала сначала с горки... У нас дом был на возвышенности, а внизу пойма реки, луг большой и мост через реку и это где-то ну, наверное, километра полтора видимости» (П.Т., жен., 58 лет, музейный работник, пос. Новописков, 09.06.2015 г.).*

Женщины также утверждают, что уже в детстве были обеспокоены проблемой красоты. *«Я не помню, наверно, лет..., ну, годика два, наверное, мне было. Я еще помню такой момент: он [отец – И.К.] с работы пригласил фотографа, и мама одела меня в белое-белое платьице, под любимую абрикосу поставила. Абрикоса цветет, я в белом платьице и вот эта тренога, фотоаппарат этот, и этот момент. Еще, наверное, я не совсем уверено стояла на ногах, потому что на фотографии и часть руки маминой» (П.Т., жен., 58 лет, музейный работник, пос. Новописков, 09.06.2015 г.). «Любила я собі почепляти вишні на вуха, і то були мої перші такі дитячі прикраси¹⁶» (П.Т., жен., 48 лет, учительница, пос. Троицкое, 10.05.2015г.).*

¹⁵ «Папа, который приезжал из поездов. Папа работал, он ездил по всему Союзу, и мы его ждали, когда он приезжал из России и привозил какие-то тогда вкусности»

¹⁶ «Любила я себе прицепить вишни на уши, и это были мои первые такие детские украшения»

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Отличия в нарративных презентациях школьных лет фиксируются в зависимости от возраста респондентов. Их региональная принадлежность создает скорее фон общего течения школьной жизни.

Для старшего поколения школа была серьезным учреждением, связанным с получением новых знаний и умений. С ней связывали перспективы будущей жизни. Учителя же были помощниками в реализации этих перспектив и в целом пользовались уважением. В любом случае, у старшего поколения фиксируется устойчивый нарратив настоящего учителя. *«Школа, безусловно, очень много дала для формирования. Я очень благодарен все своим педагогам, своей 2-ой школе старобельской. Люди добросовестно относились к своей работе и к нам, к детям, по-человечески. Поддерживали, помогали, подсказывали. Знания давали очень хорошие. Дали во 2-ой школе профессию слесаря и водителя категории «С», водитель грузовых автомобилей»* (П. С., муж., 54 года, учитель, г. Старобельск, 08.02.2015 г.). *«Справді школа була для нас рідним домом. Якщо у нас проходив тиждень якогось там предмету, то обов'язково цей тиждень закінчувався шкільним вечором. Готувалася програма під керівництвом вчителя цього предмету. Саме наші хлопці, до речі, організували в школі перші дискотеки. Такі примітивні. Там десь якись ліхтарики ледве-ледве блимали, але це все було зроблена своїми руками¹⁷»* (П.Т., жен., 48 лет, учительница, пос. Троицкое, 10.05.2015г.). *«Вчителі були дуже хороші, відносилися до нас добре, як пояснювали нам, що, діти – вчиться, бо як не будете вчитися нічого з вас не буде, а будете вчитися, так станете людьми. Особливо пригадую собі свого вчителя з креслення. Старий, ще австрійський випускник Празької Політехніки, інженер гідропоруд. Електростанції, греблі - оце була його спеціалізація. «Старий кавальєр», як у нас кажуть, неодружений, холостяк. Йому уже було за 60 років, але він нам роздавав готувальні, олівці, навчив нас креслити, орієнтуватися на площині, де зображене якесь креслення у просторі, щоб ми могли то всьо зібрати¹⁸»* (П.М.А., муж., 66 лет,

¹⁷ «Действительно школа была для нас родным домом. Если у нас проходила неделя какого-то предмета, то обязательно эта неделю заканчивалась школьным вечером. Готовилась программа под руководством учителя этого предмета. Именно наши ребята, кстати, организовали в школе первые дискотеки. Такие примитивные. Там где-то какие-то фонарики едва мерцали, но это все было сделано своими руками»

¹⁸ «Учителя были очень хорошие, относились к нам хорошо, объясняли нам, что дети - учиться, потому как будете не учиться ничего из вас не будет, а будете учиться, так станете людьми. Особенно вспоминаю своего учителя по черчению. Старый, еще австрийский, выпускник Пражской Политехники, инженер гидросооружений. Электростанции, плотины - это была его специализация. «Старый кавалер», как у нас

пенсіонер, г. Ивано-Франковск, 25.07.2014 г.). *«Німецької було багато. В нас кожен день була німецька. В нас були сильні вчителі і грамотні дуже. В нас була дуже хороша вчителька математики, яка навчила і мислити і аналізувати. Такий штрих. Вона доводить якусь теорему на дошці, а хтось там каже: «А! Не правильно. Ви там написали $a^2 + b^2 = c^2$, а так не получается». Ну, тобто, може вчитель помилилася, може учень побачити помилку. Вона так дивиться. Якщо дійсно правильно дитина сказала, вловила цю помилку, вона відразу ставила п'ять. Вона казала: «О! Молодець! Я даю нову тему, це ж дитина не просто переписує, а вона бачить, що вона переписує. От. Вона нас за це хвалила. Потім ми з іншими вчителями мали на цьому фоні конфлікт. Інші такого не сприймали. Але вона оце, мабуть, з четвертого класу вела і вона це дуже в нас заклала, що треба не просто сприймати, треба думати, що ти сприймаєш¹⁹» (Г.О., жен., 49 лет, преподаватель университета, г. Ивано-Франковск, 17.07.2014 г.).*

Конечно, нарратив советской школы не такой идеальный, как это может показаться из приведенных выше высказываний. В тот период, когда данный институт был реальностью, его деятельность воспринималась через противоречие «справедливое – несправедливое». *«В мене на школу є відчуття образи. Ну, фокус такий, що школа у нас була трохи елітарна і от у нас в класі було троє дітей, у яких батьки не мали вищої освіти. Ну, і я в тому числі. Ну, я це компенсувала відмінними оцінками, п'ятірками, олімпіадами, таке все решта, але ну при тому всьому навіть вчителі, які до мене добре ставилися, то я б сказала, що перед деякими дітьми вони просто заіскували²⁰» (Г.О.Д., жен., 49 лет,*

говорят, не женатый, холостяк. Ему уже было за 60 лет, но он нам раздавал готовальни, карандаши, научил нас чертить, ориентироваться на плоскости, где изображены некие чертежи в пространстве, чтобы мы могли это все собрать»

¹⁹ *«Немецкого языка было много. У нас каждый день был немецкий. У нас были сильные учителя и грамотные очень. У нас была очень хорошая учительница математики, которая научила и мыслить, и анализировать. Такой штрих. Она долдонит какую теорему на доске, а кто-то там говорит: «А! Неправильно. Вы там написали $a^2 + b^2 = c^2$, а так не получается». Ну, то есть, может учитель ошибиться, может ученик увидит ошибку. Она так смотрит. Если действительно правильно ребенок сказал, уловил эту ошибку, она сразу ставила пять. Она говорила: «О! Молодец! Я даю новую тему, это же ребенок не просто переписывает, а он видит, что он переписывает». Вот. Она нас за это хвалила. Потом мы с другими учителями имели на этом фоне конфликт. Другие такого не воспринимали. Но она, наверное, с четвертого класса вела, и она это очень в нас заложила, что надо не просто воспринимать, надо думать, что ты воспринимаешь»*

²⁰ *«У меня на школу есть чувство обиды. Ну, фокус такой, что школа у нас была немного элитарная и вот у нас в классе было трое детей, у которых родители не имели высшего образования. Ну, и я в том числе. Ну, я это компенсировала отличными*

преподаватель университета, г. Ивано-Франковск, 17.07.2014 г.). В Галичине важным было также происхождение учителей. *«Моя вчителька з історії, Анастасія Григорівна Гачинська, українка з східних областей України, член партії, секретар партійної організації в школі, відповідальна, серйозна, дуже гарна і добра вчителька була в нас. Вона була учасником Великої Вітчизняної війни, вона на фронтах, не знаю правда ким вона була чи якимось там журналістом, чи що. Але дівчушкою вона як попала на фронт з 41-го року, то не з 44-го, а з 41-го, відступила з Радянською армією на схід. Пізніше повернулася назад. Приїхала сюди у Франківськ. Ми з нею до її смерті підтримували дуже дружні стосунки. Вона нам розповідала програму гарно, добре, нічого лишнього вона в нас не питала, ми їй нічого лишнього не казали. Але фахово, і як педагог, як класний керівник вона була на своєму місці. Дуже гарна і добра людина. Згадую її з приємністю²¹»* (П.М., муж., 66 лет, пенсионер, г. Ивано-Франковск, 25.07.2014 г.).

Вообще, большинство людей старшего поколения могли бы повторить: *«Я вообще любил учиться. Без отвращения какого-то я садился за учебу. Я приходил, я делал уроки. Все»* (В.Л., муж. 62 года, преподаватель университета, Старобельск, 2.02.2015 г.).

Люди, которые сейчас пребывают в среднем возрасте, столкнулись со школой в период её институциональной трансформации. *«Змінювалися навчальні програми. Не було усталеної програми з історії, як викладач історії приходив на урок з такою величезною стопкою (6-8 підручників): Грушевський, Крип'якевич, ще 5-6 різних авторів. Не було усталеної програми з багатьох дисциплін, окрім технічних. Розрізнялись методології та погляди, переглядалась програма з історії, української мови. Ну, як? Змінювалися обсяги матеріалів, що викладалися. Ну, для мене це було не*

оценками, пятерками, олимпиадами, такое все остальные, но при всем даже учителя, которые ко мне хорошо относились, то я бы сказала, что перед некоторыми детьми они просто заискивали»

²¹ *«Моя учительница по истории, Анастасия Григорьевна Гачинская, украинка с восточных областей Украины, член партии, секретарь партийной организации в школе, ответственная, серьезная, очень хорошая и добрая учительница была у нас. Она была участницей Великой Отечественной войны, она на фронтах, не знаю правда кем она была или каким-то там журналистом, что ли. Но девчушкой она как попала на фронт с 41-го года, это не с 44-го, а с 41-го, отступила с Советской армией на восток. Позже вернулась назад. Приехала сюда в Франковск. Мы с ней до ее смерти поддерживали очень дружеские отношения. Она нам рассказывала программу хорошо, ничего лишнего она у нас не спрашивала, мы ей ничего лишнего ни говорили. Но профессионально и как педагог, как классный руководитель она была на своем месте. Очень хороший и добрый человек. Вспоминаю ее с удовольствием»*

так суттєво, я визначився, що я буду їти на технічну спеціальність²²» (Т.Б., муж., 37 лет, системный администратор, г. Ивано-Франковск, 07.08.2014 г.).

Молодое поколение имело дело с дезориентированным и дезорганизованным институтом. У этого поколения нормой стало игнорирование школьных требований. *«І школу пам'ятаю. Теж там дуріли. В театр ходив. Як грати, мається на увазі, в групу театральну в школі. Теж було круто. На гастролі їздили. На День Перемоги перед ветеранами виступали. 10-ий клас я весь прогуляв. Тому що в 9-му я ходив на всі уроки і в мене виникло відчуття, що життя пропливає повз. І весь 10-ий клас я майже пропустив. Я гуляв з двома дівчатами, ну, типу це були мої подруги. Десь на стройці ми гуляли весь день. Був день пригод. Ми брали якусь їжу з собою і просто йшли гуляти цілий день. Лазили, сміялись, було весело²³»* (Ю.Л., муж., 24 года, самозанятый, г. Львов, 10.09.2014 г.). Прилежание в подобной ситуации могло стимулироваться только какими-то внешними по отношению к школе мотивами. *«Я була тихою людиною в школі, вчилася, щоб батьки гордились²⁴»* (П.О., жен., 34 года, предприниматель, г. Дрогобыч, 02.08.2014 г.).

Ситуация институциональной кризисности школьной жизни, провоцирующая противостояние учащихся общему порядку школы, вовсе не исключает тяги к настоящим учителям. Однако их образ у молодого поколения существенно изменился. На первый план вышли не профессиональные, а чисто человеческие характеристики, ставшие примером для подражания. Жизнь при этом представляется полем борьбы, а учителя дают образец поведения на этом поле. *«...Жизнь началась стандартно: садик, школа. Школа очень сильно повлияла. Скажем так, несколько преподавателей, которые очень сильно повлияли вообще на мировоззрение. Это преподаватель по математике, за что я очень*

²² «Менялись учебные программы. Не было устойчивой программы по истории, когда преподаватель истории приходил на урок с такой огромной стопкой (6-8 учебников): Грушевский, Крип'якевич, еще 5-6 разных авторов. Не было устоявшейся программы по многим дисциплинам, кроме технических. Различались методологии и взгляды, пересматривалась программа по истории, украинскому языку. Ну, как? Менялись объемы материалов, которые преподавались. Ну, для меня это было не так существенно, я определился, что я буду идти на техническую специальность»

²³ «І школу помню. Тож там дурчилися. В театр ходил. Как играть, имеется в виду, в группу театральную в школе. Тож было круто. На гастроли їздили. На День Перемоги перед ветеранами виступали. Десятий клас я весь прогуляв. Потому что в 9-м я ходил на все уроки и у меня возникло ощущение, что жизнь проплывает мимо. И весь десятый класс я почти пропустил. Я гулял с двумя девушками, ну, типа это были мои подруги. Где-то на стройке мы гуляли весь день. Был день приключений. Мы брали какую-то еду с собой и просто шли гулять целый день. Лазили, смеялись, было весело»

²⁴ «Я была тихим человеком в школе, училась, чтобы родители гордились»

благодарен и в жизни мне потом его уроки очень сильно пригодились, не только по математике, а как человека, как педагога. И это преподаватель по истории и праву, аналогично. В любой момент я сейчас в городе встречаю, есть о чём поговорить. Всегда интересуются. И от кстати скажу... Чем они меня привлекают? Тем, что изначально как-то у меня так сложилось: я отношусь очень строго к справедливости. То есть на меня не влияет статус человека, его материальное состояние, социальная, ну, ступень его в обществе. Для меня главной была справедливость. И эти люди ценили это и всегда поступали справедливо. Скажем так, в школе часто бывают такие случаи, да и не только в школе, вообще в преподавании, это личностное отношение к человеку, скажем так. Кто-то нравится, кто-то не нравится. От этого зависит оценка там, либо отношение. И эти люди как-то дали мне понять, что нужно относиться ко всем равно, соответственно и этих преподавателей уважали очень сильно в школе» (В.Д., муж., 25 лет, менеджер по продажам, г. Старобельск, 03.02.2015 г.).

Молодые люди запомнили школу как место самопрезентации. «Ну, спочатку я така трохи скромна була, і я це розуміла і хотіла якось себе, ну, не знаю розв'язати, якось більш. Ну, я спілкувалась з дітьми, але дуже всього встидалася. От і я почала всюди виступати і брати активну участь. Я почала у всяких гуртках, ну де тільки можна, я туди ходила. Я пам'ятаю у нас навіть був гурток азбуки Морзе, ну ми туди записалися і ходили. Дуже цікаво, от. Потім завжди брала участь у всяких заходах, тобто в розказуванні віршів, ведучою дуже часто виступала, навіть була міс школи. Хоч я дуже цього встидалася, не хотіла виступати, але, ну так вийшло, якось я навіть сама в заявці себе не подала, так вийшло, що мене взяли. Я ж дуже така в очках ходила колись, ну, така, не вважалася такою самою красивою дівчиною. І маленька. Я дуже маленька була. Всі такі дівчата в нас були високі, от, але нічого, я виграла (Сміється). Школа мені дуже подобалася²⁵» (В.П., жен. 21 год, официант, студентка-

²⁵ «Ну, сначала я такая немного скромная была, и я это понимала и хотела как-то себя, ну, не знаю, раскрепостить как-то больше. Ну, я общалась с детьми, но очень всего стеснялась. Вот и я начала везде выступать и принимать активное участие. Я начала во всяких кружках, ну где только можно, я туда ходила. Я помню у нас даже был кружок азбуки Морзе, ну, мы туда записались и ходили. Очень интересно, вот. Затем всегда участвовала во всяких мероприятиях, то есть в рассказывании стихов, ведущей очень часто выступала, даже была мисс школы. Хотя я очень этого стеснялась, не хотела выступать, но, ну так получилось, я даже сама в заявке себя не подала, так получилось, что меня взяли вот. Я очень такая в очках ходила когда-то, ну, таковая, не считалась такой самой красивой девушкой. И маленькая. Я очень маленькая была. Все такие девушки у нас были высокие, вот, но ничего, я выиграла (смеется). Школа мне очень нравилась»

заочница, г. Ивано-Франковск, 05.08.2014 г.). У некоторых звездность начинается с детского сада. *«Детский сад - это были воспоминания очень яркие. Не хочу хвастаться, но была звездой. Это не очень правильно, как сейчас я понимаю по своей специальности, профессии, так как я психолог. Было выделение меня из группы. Анализируя данную ситуацию, могу сказать, что было ярко, было весело. И это мне очень много дало в жизни. Я думаю это и последовало выбору данной профессии. А школа дала мне начало моему увлечению волейболом. Я и сейчас играю с удовольствием. Школа дала много знаний, умений и навыков, которые я использую так же и сейчас. Которые помогли мне поступить в высшее учебное заведение. ВУЗ научил быть более дерзкой что ли»* (Ж.Т., жен., 24 года, психолог в школе, пос. Троицкое, 18.02.2015 г.).

Существенно отличаются нарративные презентации внешкольной жизни у представителей разных поколений. Есть и определенные региональные различия у старшего поколения. Так, у его представителей в Донбассе внешкольная жизнь была связана с большим обществом, с участием в решении важных общественных проблем. *«Была я пионером. И тогда в школе была тимуровская команда. Я направляла эту тимуровскую команду. И вот мы, по примеру тимуровцев, шли в лес, там у нас такое болото, рос очерет, а этот очерет всегда заготавливали на парники, на крышу. Крыли крышу им. И мы тащили большие вязанки этого очерета, и принесли одной бабушке во двор ночью, и накрыли ей сарай очеретом. Потому что у нее внутри лежал уголь, дрова, и они мокли. И нам стало бабушку жалко, мы уворовали эти снопы и укрыли очеретом этот сарай, чтобы спасти дрова бабушкины. Это тоже о многом говорит. Сейчас я это понимаю, тогда я этого не понимала. Потому, что прихожу домой, а отец говорит: «Та йшов на работу, і бачу, там у Михайлівни очеретом накрить сарай. Ну, надо ж було ще обрізати очерет». Я ж тогда бегом к своим одноклассникам, к своей тимуровской команде, сказала, что нужно еще обрезать. А чем обрезать? Да только серпом и ножом. Мы поваровали дома серпы и ножи и пошли ночью обрезать очерет. И на утро говорит отец, иду, а у Михайливы очерет обрезаний. Это все вы делали? Да мы. Это тоже повлияло на жизнь, понимаете, это тоже. Как-то в этом возрасте мы считали себя взрослыми, что мы можем, такое доброе дело делаем. А потом же это все раскрылось, мне было так приятно сказать папке, что это сделали мы. А чего ж ти не сказала мені, не сказала мне, что вы решили это сделать. Я бы пришел к вам и помог бы вам это сделать. Там укрепить этот очерет, что б он держался хорошо. Но, нам же хотелось самим это сделать»* (И. В., жен., 61 год, госслужащая, пос. Троицкое, 25.02.2015 г.). *«Когда я работала комсоргом, был у нас главтоком - такой Владимиров Василий Алексеевич. Не хватало рук на току работать, он всегда ехал ко мне: давай, товарищ, комсорг,*

давай организовывай молодежь. На току готова пшеница, она сырая, может загореться, сгнить. И я бегала, собирала молодежь. Или забегаю в клуб, они там, я им говорю, что мы собираемся на ток, через полчаса, что бы были на току. И работали. Это просто нужно было видеть нас тогда. Как работали все, с энтузиазмом все работали. Было интересно жить, и пусть не так мы питались, как бы хотелось в то время, но работать было очень интересно» (И. В., жен., 61 год, госслужащая, пос. Троицкое, 25.02.2015 г.). В Галичине подобных нарративных презентаций вообще не зафиксировано.

Чем моложе респонденты, тем сильнее чувствуется сдвиг поколения к индивидуализму. Эти тенденции не имеют региональной привязки. *«Як було, ще в школі вчилася, я от інакше так дуже болісно відчувала. Тому що дехто навіть наді мною підсміювався, бо всі думали, от кажуть вискочка, що їй більше всього треба. Я не знаю, може моїй натурі так більше всього треба. Знаєте, в мене була потреба постійно комусь допомогти. Я якась така була довірлива. Якось могли тою довірливістю, навіть, скористатися²⁶» (В.О., жен., 43 года, предприниматель, г. Дрогобыч, 02.08.2014 г.). «Я сейчас гражданский человек, ничем не обязанный, если, как говорится, и был такой долг перед Родиной, я его вполне искупил. Я отслужил в армии, я отучился в университете, я пополнил ряды специалистов в стране, я закончил школу, я работаю, плачу налоги, веду здоровый образ жизни, в дальнейшем буду восполнять генофонд страны и так далее и тому подобное. Да, но так у нас скоро будет страна амазонок и пенсионеров» (В.Д.А., муж., 25 лет, менеджер по продажам, г. Старобельск, 03.02.2015 г.).*

Все поколенческие группы противопоставляют своё детство, детские формы активности, образу жизни, формам активности современных детей. Это касается как тех, кому минуло 60 лет, так и тех, кому едва за 20-ть. *«Я еще был подростком и научился играть на гитаре. Я научился в 60-е годы, когда на улицах в городах и селах пели такие блатные или полублатные песни. И я еще помню к нам приезжал к бабушке парень из Ростова, он так пел хорошо. У него были песни такие, я вот до сих пор помню слова и мелодию песен: «Здравствуйте, мое почтение, я южанин без сомнения. Наш Ростов горит в огне реклам. Здесь услышишь звуки пения, здесь пивные заведения, здесь узнаешь гордость наших дам». Вот такие песни. А он такой интересный был парень и играл хорошо на гитаре. Ну, и*

²⁶ «Как было, еще в школе училась, я вот иначе так очень болезненно чувствовала. Потому что кое-кто даже надо мной посмеивался, потому что все думали, вот говорят вискочка, что ей больше всего нужно. Я не знаю, может моей натуре так больше всего надо. Знаете, у меня была потребность постоянно кому-то помочь. Я какая-то была доверчива. То могли той доверчивостью даже воспользоваться»

потом, я, когда учился в техникуме, тут в техникуме был вокально-инструментальный ансамбль. И я интересовался, ходил к ним на репетиции, знал уже многие песни. Я еще начинал на семиструнной гитаре, и я начал переучиваться на шестиструнную гитару. Руководитель со мной немного занимался – это я по собственной инициативе. Не то, что там музыкант, которого можно брать, готовый, может что-то сыграть, а я наоборот у него учился, и он мне не отказывал. Вообще вот раньше были такие люди, много было таких людей, которые могли тебе помочь, если у тебя есть стремление к чему-то. Мне кажется, сейчас таких людей намного меньше. Люди устали от общения» (В.Л.Ц., муж. 62 года, преподаватель университета, Старобельск, 2.02.2015 г.).

«Играли в чехарду, играли в волейбол, играли в пионербол. Было много всего такого интересного, которое сейчас мне кажется, наши дети совершенно такими играми не занимаются, кроме компьютеров.» (К. С., жен., 46 лет, продавец, пос. Троицкое, 19.02.2015 г.). «Ну, навіть от коли я зараз виходжу, я живу в тому самому районі, як і в дитинстві, так я не бачу таких взагалі... Діти, вони або сидять в телефонах, всі кучкуються. Взагалі їх не видно ніде. Тобто, колись якось було живіше²⁷» (В.П., жен. 21 год, официант, студентка-заочница, г. Ивано-Франковск, 05.08.2014 г.).

Упадок общения сопровождается и снижением интереса к чтению у детей. «У нас вимагали по програмі – ми читали. Оте, що сьогоднішня молодь цього не робить. Окрім інтернету, треба ще й щось читати. зокрема класику. Байрона чи Дюма. Дюма мені подобався. Треба читати не тільки українську літературу, треба читати і російську²⁸» (К.Я., муж., 53 года, преподаватель университета, г. Дрогобыч, 01.08.2014 г.). «...На жаль діти у нас зараз над книгою недовго сидять, в кращому випадку перечитають хрестоматію, якісь уривки, а зрозуміти де ми і що ми тільки за допомогою хрестоматії ми не можемо. Треба серйозно ставитися до вітчизняних не тільки історії, а й літератури²⁹» (П.Т., жен., 48 лет, учительница, пос. Троицкое, 10.05.2015г.).

²⁷ «Ну, даже вот когда я сейчас выхожу, я живу в том же районе, как и в детстве, так я не вижу таких вообще ... Дети, они либо сидят в телефонах, все кучкуются. Вообще их не видно нигде. То есть, когда-то было живее»

²⁸ «У нас требовали по программе - мы читали. Вот то, чего сегодняшняя молодежь не делает. Кроме интернета, надо еще и что-то читать. в частности классику. Байрона или Дюма. Дюма мне нравился. Надо читать не только украинскую литературу, надо читать и русскую»

²⁹ «... К сожалению дети у нас сейчас над книгой недолго сидят, в лучшем случае перечтут хрестоматію, какие-то отрывки, а понять где мы и что мы только с помощью хрестоматіи мы не можем. Надо серьезно относиться к отечественным не только историй, но и литературе»

ЮНОСТЬ

Нарратив юности в обеих регионах реконструируется как расширение жизненных горизонтов – географических, интеллектуальных, поведенческих. Юность связана с первым опытом работы, с армией, с получением высшего образования.

Особенно ярко такой образ юности представлен в нарративных презентациях старшего поколения жителей Донбасса. *«... Наверное, важным событием было окончание школы. Я еще оканчивал восьмилетнюю школу. И у нас были, как мне и сейчас кажется, хорошие, подготовленные учителя. Ну, и после этого я поступил в техникум. Да, в Старобельске. Сельскохозяйственный техникум. Проучился я там 3,5 года. Ну, там тоже, кстати, были высококвалифицированные преподаватели по общеобразовательным предметам. Особенно, вот я до сих пор помню, преподавателя химии, преподавателя физики, русского языка и литературы»* (В.Л., муж. 62 года, преподаватель университета, Старобельск, 2.02.2015 г.). Этот же респондент продолжает: *«Я думаю, что до армии, я нигде, кроме как в Старобельске, в Луганске, и не был. Так же, вот, проехал полстраны. Призывался из Луганска, и, вначале, приехал в Алма-Ату, Казахстан, а оттуда приехали в Узбекистан в Самарканд. Я там был в учебке полгода, а затем снова уехал в Казахстан, в поселок Учарал, это на самой границе с Китаем. Ну, это, наверное, повлияло. Ну, и, конечно же, общение с солдатами, сослуживцами. Я служил в авиации, наша часть называлась: (неразборчиво) системы управления, УАСУ. И там были ребята, которые, как правило, оканчивали среднюю школу, заканчивали техникум. Были из разных мест ребята. Вот, у нас был друг из Москвы, потом из Московской области. Ну, вот, были разные ребята. И у нас еще были офицеры двухгодичники. Это молодые люди, которые окончили университет, и призывались лейтенантами, офицерами, призывались в армию. Мы с ними общались. Они были немного старше нас, но мы с ними общались. Некоторые из них на меня оказали большое влияние. Я не без их влияния, твердо собрался после армии поступать в институт, высшее учебное заведение»* (В.Л., муж. 62 года, преподаватель университета, Старобельск, 2.02.2015 г.). И он реализовал задуманное: *«Ну, и потом, конечно же, значимым событием была учеба в институте. В Луганском, в Ворошиловградском, тогда он назывался, педагогическом институте на историческом факультете. Ну, вообще, трудно переоценить значение этого периода обучения в моей жизни. Потому что, я и тогда понимал, как я меняюсь вообще. Стал говорить иначе, стал думать иначе, иначе стал аргументировать свои выводы, оценки. Стал во*

многом другим человеком» (В.Л., муж. 62 года, преподаватель университета, Старобельск, 2.02.2015 г.).

Юность связана для этих респондентов с открытием мира и его открытостью. *«Потом, что еще интересного вспомнить, летом студенты ездят в стройотряды. Мне тоже повезло после второго курса. Это 80-тый год, год Олимпиады московской. Наш донецкий стройотряд поехал в Тюменскую область, там есть город Тобольск – родина Менделеева. И вот там большая стройка шла, связанная с нефтепроводами, газопроводами. А мы помогали строить большой комбинат по выпуску железобетонных изделий. Я первый раз увидел, как люди живут в российской глубинке. Эти деревянные дома, мощеные деревянные тротуары, спуски, видел государственную рентерею, хранилище золотого запаса Российской империи. Кремль тобольский. У нас на факультете СТЭМ был, студенческий театр эстрадной миниатюры, и мы перед жителями Тобольска выступали на стадионе, там, сценки какие-то показывали. Ну, и 80-ый год – это, в общем-то, еще не кризис, да, но меня поразило, насколько бедные были тогда магазины в Тобольске. Из продуктов фактически ничего не было, кроме консервов минтая. Сигарет мне нельзя было купить. Только какие-то вьетнамские дешевые сигареты без фильтра. Начинаешь курить и вместо табака какую-то табачную пыль вдыхаешь»* (П.С., муж., 54 года, учитель, г. Старобельск, 08.02.2015г.).

В Галичине в этой возрастной группе юность в целом была такой же. *«Поступав на історичний факультет. Тоді поступали не так, як сьогодні, цілим класом – поступали одиниці. З класу було п'ятеро тих, хто закінчив вищі навчальні заклади, інші влаштовували своє життя в середніх технічних навчальних закладах... Поступав я на історичний факультет Львівського університету. Здав всі чотири екзамени. За конкурсом не пройшов. Я собі загадує одне: мушу після школи пройти, мушу здати на відмінно. Два на «відмінно» екзамени, два – на «чотири». Після цього я був призваний в армію, пройшов два роки срочну службу. Пройшов сержантську школу, після цього прослужив півтора роки в Казахстані, в Джезказганській області, закрите місто Приозьорськ; було два таких закритих міста: Ленінськ і Приозьорськ. Про Ленінськ більше знають, бо там космонавти приземлялись, а Приозьорськ – це на озері Балхаш. Важко було привикати до тих умов, після Карпат приїхати в Казахстан, де навіть трави немає і двадцяти відсотків кисню в повітрі не вистачає, то ясно, що ці умови дуже важкі. Але тоді це все сприймалося як*

належне, раз посилають³⁰» (К.Я., муж., 53 года, преподаватель университета, г. Дрогобыч, 01.08.2014 г.).

В некоторых биографиях минорности и надрыва здесь добавляет шлейф, связанный с репрессиями против родителей, более того, общее чувство инаковости региона, его неблагонадежности. *«Я поступала тут в медінститут, мені поставили по біології трійку. Хоча я прекрасно ще й зараз усвідомлюю, що відповідь була на п'ять з плюсом. Там на додатковому питанні мене почали так колошматити, не давати часу на думання і таке все решта. І з третього чи четвертого додаткового питання я десь там підзапоролася. Пізніше хтось там казав, не знаю звідки ця інформація, що мало бути два, ну вже два незручно було ставити. І, знаєте, такий цікавий момент, приймав у мене мужчина і я пам'ятаю, що він був у червоних шкарпетках³¹» (Г.О., жен., 49 лет, преподаватель университета, г. Ивано-Франковск, 17.07.2014 г.).*

У большинства представителей этого поколения есть юношеский опыт включения в трудовой коллектив. Часто именно он становился трамплином для поступления в ВУЗы. *«Ну, наверное, нужно пару слов сказать о работе на железнодорожной станции, все-таки это 5 лет. Это пребывание в рабочем коллективе, это тоже очень сильно влияет. Железная дорога – это государство в государстве называют. Там свой устав дисциплинарный, свои порядки, дисциплина, очень хорошая организация в том плане, что не терпят пьянства, людей увольняют.*

³⁰ *«Поступал на исторический факультет. Тогда поступали не так, как сегодня, целым классом - поступали единицы. Из класса было пятеро окончивших высшие учебные заведения, другие устраивали свою жизнь в средних технических учебных заведениях ... Поступал я на исторический факультет Львовского университета. Сдал все четыре экзамена. По конкурсу не прошел. Я себе загадываю одно: должен после школы пройти, должен сдать на отлично. Два на «отлично» экзамены, два - на «четыре». После этого я был призван в армию, прошел два года срочный службу. Прошел сержантскую школу, после этого прослужил полтора года в Казахстане, в Джезказганской области, закрытый город Приозёрськ; было два таких закрытых города Ленинск и Приозёрськ. О Ленинске больше знают, потому что там космонавты приземлялись, а Приозёрськ - это на озере Балхаш. Трудно было привыкать к тем условиям, после Карпат приехать в Казахстан, где даже травы нет и двадцати процентов кислорода в воздухе не хватает, ясно, что эти условия очень тяжелые. Но тогда это все воспринималось как должное, если посылают»*

³¹ *«Я поступала здесь в медінститут, мне поставили по биологии тройку. Хотя я прекрасно и сейчас понимаю, что ответ был на пять с плюсом. Там на дополнительном вопросе меня начали так колошматить, не давать времени на осмысление и такое все остальные. И с третьего или четвертого дополнительного вопроса я где-то там подзапоролась. Позже кто-то там говорил, не знаю откуда эта информация, что должно было быть два, ну уже два неудобно было ставить. И, знаете, такой интересный момент, принимал у меня мужчина и я помню, что он был в красных носках»*

Очень строго требуют, все по-деловому. Лишнего ничего не спрашивают, но к работе тебя не допустят, до тех пор, пока ты не сдашь, так, очень четко, все экзамены на знание технической эксплуатации, правил движения, сигнализации, техники безопасности. То есть работа 5 лет на железной дороге меня очень дисциплинировала, приучила к порядку, к четкости, к организации, к ответственности. Я очень благодарен тем людям, с которыми работал. Было понятие такое в советское время – рабочий класс, что это очень гордое звание. Я считаю, что на железной дороге работали, по крайней мере, у нас на станции Старобельск, люди, которые могут гордиться этим званием. Я пришел, я ничего не знал, мне все показали, мне рассказали. Меня опекали, меня поддерживали, взаимовыручка какая-то была. То есть самые лучшие остались у меня воспоминания от работы на железной дороге» (П. С., муж., 54 года, учитель, г. Старобельск, 08.02.2015 г.). «Після війська я звільнився в запас в листопаді 80-го року. Пішов працювати тут же через тиждень. Не було так як зараз, що ніхто не цікавиться. Я знав, що якщо я протягом місяця не влаштуюся десь на роботу, участковий прийде і поцікавиться: чому це ви, шановний, ніде не працюєте. Ну тим більше я знову збирався вступати в університет, значить я пішов працювати в себе в селі в радгосп, робітником. Пропрацювавши декілька місяців – мене прийняли кандидатом в члени партії. Я це все прекрасно розумів, що через це дорога до університету значно відкривається. Якись там великі погляди, ідеї в двадцять років я не дуже розбирався, але оскільки тоді була квота, що на одного інтелігента треба чотирьох робітників, а оскільки я робітник, то я пройшов достатньо успішно³²» (К.Я., муж., 53 года, преподаватель университета, г. Дрогобыч, 01.08.2014 г.).

В Галичине работа в коллективах промышленных предприятий даже детям репрессированных и неблагонадежных открывала путь к высшему образованию. «Якось виникло у мене таке бажання продовжити своє навчання на стаціонарі. Я переговорив, щоб мені дали направлення з заводу на стаціонар. Згода. Ти того заслужив. Вперед. Я ще підмовив двох своїх товаришів, котрі зі мною разом вчилися на вечірньому і працювали разом

³² «После армии я уволился в запас в ноябре 80-го года. Пошел работать здесь же через неделю. Не было так как сейчас, что никто не интересуется. Я знал, что, если я в течение месяца не устроюсь где-то на работу, участковый придет и спросит: почему это вы, уважаемый, нигде не работаете. Ну, тем более, я снова собирался поступать в университет, значит я пошел работать у себя в селе в совхоз, рабочим. Проработав несколько месяцев - меня приняли кандидатом в члены партии. Я это все прекрасно понимал, что через это дорога в университет значительно открывается. Какие там большие взгляды, идеи в двадцать лет я не очень разбирался, но поскольку тогда была квота, что на одного интеллигента надо четырех рабочих, а поскольку я рабочий, то я прошел достаточно успешно»

на заводі. Вони в цеху похлопотали також, щоб їм дали направлення з заводу на стаціонарне навчання в інститут. І ми перейшли на стаціонарне навчання. Закінчили Інститут нафти і газу в 1972 році, спеціальність: машини і обладнання нафтогазової промисловості³³» (П.М., муж., 66 лет, пенсіонер, г. Ивано-Франковск, 25.07.2014 г.). «Так от, фурнітурний завод був приналежним до лісової промисловості, бо це мебельна. Мебельна – до лісової, до деревообробної, деревообробна до лісової, тра-та-та. І, значить, тоді ж заводи, «рабочая смена», кожного року посилали два студенти-робітники на навчання. Це вже я пропрацювала два роки, я вже була якийсь комсомольський, робітничий ключ, якісь там... Заводу треба було послати робітника на навчання. Відповідно робітники були такі, що їм цього навчання тисячу років було не треба. І мені запропонували, вже не пам'ятаю хто, здається, в профкомі. Мені запропонували. Це цільове направлення заводу в Лісотехнічний інститут³⁴» (Г.О., жен., 49 лет, преподаватель университета, г. Ивано-Франковск, 17.07.2014 г.).

В юности начиналось карьерное продвижение. Если человеку нравилась его работа, то оно могло стать путем на всю жизнь. Поэтому респонденты очень тепло отзываются о предприятиях, где началась их трудовая жизнь. «Згадую підприємство це, на якому працював, найприємнішими спогадами мого життя. Оскільки там пройшли кінець мого дитинства, початок юності. І там з хлопчиська я став людиною дорослою, там прийшов той час, коли я одружився. Звичайно, що йшов ріст вгору по драбинці: інженер-конструктор, начальник...ну, спочатку, конструктор 3-ої, 2-ої, 1-ої, начальник конструкторського бюро. Начальником конструкторського бюро я був майже 10 років. Завод дуже

³³ «Как-то возникло у меня такое желание продолжить свое обучение на стационаре. Я переговорил, чтобы мне дали направление с завода на стационар. Согласие. Ты того заслужил. Вперед. Я еще подговорил двух своих товарищей, со мной вместе учились на вечернем и работали вместе на заводе. Они в цехе похлопотали также, чтобы им дали направление с завода на стационарное обучение в институт. И мы перешли на стационарное обучение. Закончили Институт нефти и газа в 1972 году, специальность машины и оборудование нефтегазовой промышленности»

³⁴ «Так вот, фурнітурний завод належав до лісової промисловості, тому що це мебельна. Мебельная - до лесной, к деревообрабатывающей, деревообрабатывающая к лесной, тра-та-та. И, значит, тогда же заводы, «рабочая смена», каждый год посылали два студента-рабочих на обучение. Это уже я проработала два года, я уже была неким комсомольским, рабочим ключом, каким-то там ... Заводу надо было послать работника на обучение. Соответственно рабочие были такие, что им этого учения тысячу лет было не надо. И мне предложили, уже не помню кто, кажется, в профкоме. Мне предложили. Это целевое направление завода в Лесотехнический институт»

приємно згадую³⁵» (П.М., муж., 66 лет, пенсіонер, г. Ивано-Франковск, 25.07.2014 г.).

Вновь-таки опыт старшего поколения не следует во всем идеализировать. Жизненные перспективы могли быть надежными только при соблюдении достаточно жестко очерченных границ. Приближение к властным позициям даже на низовом уровне заставляло совестливых людей задаваться проблемой справедливости. *«...Мне не особенно повезло, допустим с первым секретарем. Мне и потом ребята говорили: Татьяна, ты не в то время пришла на работу в райком комсомола. - Потому что, ну, просто это человек такой был, первый секретарь, - карьерист, собственник, ну, такой эгоист. Вот такой факт. Это, собственно говоря, негативное впечатление сразу произвело на меня. Первые дни работы, значит, пока не было заводделом учащейся молодежи, пришла разнарядка из обкома комсомола на «Артек». Ну, как известно, в «Артек» отправлялись только, подбор был только детей рабочих и колхозников. И эти документы уже были в процессе работы, заорг готовил, эти документы у меня уже на столе лежали, лежал пакет документов вот. Ну я, в конечном итоге, подписываю эти документы, должна подписать эти документы, и для того, чтобы убедиться и, так сказать, не попасть в вагон некурящих и не подставить себя, я набираю номер телефона родителя, девочка которого должна поехать в «Артек». Набираю рабочий телефон, мне отвечают из приемной: организация такая-то. Я говорю: у вас работает Валерий Иванович, они говорят: работает, я говорю: он водителем работает, а девушка улыбается и говорит: извините, это наш начальник. Ну и, соответственно, конечно, выяснение отношений с заоргом, а потом с первым секретарем. Я говорю: так дело, у нас работы не будет нормальной, если в дальнейшем вы будете себя так вести» (П.Т., жен., 58 лет, музейный работник, пос. Новопсков, 09.06.2015 г.).*

Нынешние молодые люди свою юность описывают через нарратив одинокого героя. *«Это было после вступительных экзаменов в университет, после поселения в общежитие. Когда ты приезжаешь из деревни, и ты вроде и сам, и маму не хочешь тащить. Ну, в общем, поступала я сама, несмотря на современное общество, что все с родителями, я поступала сама. Были вступительные экзамены, сама их*

³⁵ *«Вспоминаю предприятие это, на котором работал, самыми приятными воспоминаниями моей жизни. Поскольку там прошли конец моего детства, начало юности. И там из мальчишки я стал человеком, взрослым, там пришло то время, когда я женился. Конечно, шел рост вверх по лесенке: инженер-конструктор, начальник ... ну, прежде всего, конструктор 3-я, вторая, первая, начальник конструкторского бюро. Начальником конструкторского бюро я был почти 10 лет. Завод очень приятно вспоминаю»*

сдавала и в общежитие селилась. Когда куча, куча родителей, и ты стоишь ребенок из деревни, и когда все вроде и городские, но с родителями, тоже поддержка. И ты сам» (Ж.Т., жен., 24 года, психолог в школе, пос. Троицкое, 18.02.2015 г.). «Сам выбрал специальность, никто не подталкивал. Много задают вопросов, почему я не пошел на конкретно педагога. Сказал, что, ну, чувствую, что не моё» (В.Д., муж., 25 лет, менеджер по продажам, г. Старобельск, 03.02.2015 г.).

У современных молодых людей часто специальность по образованию и род трудовой деятельности не совпадают. *«По специальности я преподаватель украинского языка, литературы и истории, ну, а занимаюсь на данный момент продажами, то есть специалист по продажам» (Н.А., муж., 29 лет, специалист по продажам, г. Старобельск, 04.02.2015 г.).*

В этой среде распространено чувство неуверенности в завтрашнем дне. Одиноким герой полагается только на самого себя. *«Типу, ніщо тебе не застрахує від того, що тебе просто звільнять. Тут ти не залежиш ні від чого. Тут ти як вінтик в колесі. Ти заробляєш ту саму кількість грошей. Ти місяць попрацював, місяць прожив і все. Тобто у тебе від того нічого не лишилось. В якийсь момент тебе звільняють і ти розумієш, що ти просто згаяв час. Коли ти працюєш на себе, ти накопичуєш певний матеріал, який тобі з часом починає щось приносити. І відчуття відповідно теж, тому що цей продукт, який ти зробив його сам. Це твоє, а не чиесь³⁶» (Ю.Л., муж., 24 года, самозанятый, г. Львов, 10.09.2014 г.).*

Государство для молодых людей выступает внешней силой, которая постоянно чего-то требует от граждан, не предлагая ничего взамен. Недоверие к власти обострилось во время общественного кризиса и войны в Донбассе не только по причине игры в поддавки с террористами. У новой власти не изменилось отношение к людям, как расходному материалу. *«У меня погиб друг на ВАУШе в Луганске, 22-а года парню. Был застрелен двумя пулями в грудь и в голову. Три раза матери говорили, что он умер, потом жив, потом умер, потом жив. И, скажем так, уже новое государство похоронило его как обычного человека, скажем так. Да, это было в начале июня. И я скажу, что похоронили как обычного человека: без флага Украины, без формы, без трёх почетных выстрелов, без наличия*

³⁶ «Типа, ніщо тебе не застрахує від того, що тебе просто уволить. Здець ты не зависиць ні от чого. Здець ты як винтик в колесі. Ты зарабатываешь то же количество денег. Ты месяц поработал, месяц прожил и все. То есть у тебя от этого ничего не осталось. В какой-то момент тебя увольняют, и ты понимаешь, что ты просто потерял время. Когда ты работаешь на себя, ты накапливаешь определенный материал, который тебе со временем начинает что-то приносить. И ощущение соответственно тоже, так как этот продукт, который ты сделал его сам. Это твоё, а не чье-то»

на похоронах военных людей, без даже военкома хотя бы, который его отправил в армию, скажем так. Он сам со Свердловска. Его привезли за деньги сослуживцев, потому что у государства не было денег даже на похороны человека, который защищал государство. Зато у нас есть «Небесна сотня», а человек, который погиб в форме, и дословно скажу слова полковника, который командовал всем Восточным округом: «Сколько там за сына хотите? 400 тысяч хватит?» (В.Д., муж., 25 лет, менеджер по продажам, г. Старобельск, 03.02.2015 г.).

Среди современной молодежи распространен конкубинат, иносказательно именуемый гражданским браком. Официальный брак оценивается как неоправданный риск, а дети в таких отношениях воспринимаются как большая проблема. «Нет, я не женился, считаю в данной ситуации — это неверно по одной простой, даже брать не ситуацию в стране, скажем так, накалённую, а по одной простой причине, что, скажем так, наше общество сейчас в двадцать пять лет не готово содержать семью. Если наши родители женились в восемнадцать-двадцать лет и были уже состоявшимися личностями с постоянной работой, с целью какой-то в жизни, они хотели детей, дом. Всё у них было, всё стандартно по накатанной. Скажем так, будет ребёнок, дом, учиться, мы работаем, у нас есть сберкнижка, у нас есть то, у нас есть то, всё. То на данный момент я могу сказать, что у нынешнего поколения двадцать-двадцать восемь лет ничего нет, своего ничего нет и ничего не появится без помощи родителей, без помощи извне. Скажем так, у единиц только получается» (В.Д., муж., 25 лет, менеджер по продажам, г. Старобельск, 03.02.2015 г.). «...Наприклад, питання сім'ї, так. Як можна зараз сказати, от я хочу дитину, якщо ти не в курсі навіть, що буде завтра. Це невідомо і тим більше зараз. Долар може підскочити і всі ціни в два рази можуть підскочити. А ти заробляєш так само. Що буде ще завтра, полетять якісь бомби, а ти ту сім'ю плануєш, ну, блін. Не все так просто, є така таблиця, піраміда Маслоу, коли нижні шари піраміди не прикриті, то казати щось про верхні, любов і ще щось бажання...³⁷» (Ю.Л., муж., 24 года, самозанятый, г. Львов, 10.09.2014 г.).

³⁷ «... Например, вопросы семьи, да. Как сейчас сказать, вот я хочу ребенка, если ты не в курсе даже, что будет завтра. Это неизвестно и тем более сейчас. Доллар может подскочить, и все цены в два раза могут подскочить. А ты зарабатываешь так же. Что будет еще завтра, полетят какие бомбы, а ты ту семью планируешь, ну, блин. Не все так просто, есть такая таблица, пирамида Маслоу, когда нижние слои пирамиды не прикрыты, то говорит что-то о верхние, любовь и еще что-то желание...»

ПЕРЕХОД К ВЗРОСЛОСТИ

Переход от юности к взрослости наиболее четко маркирован и осмыслен у старшего поколения. Как правило, люди этого поколения могут даже назвать событие, ставшее для них знаковым в переходе к взрослости. Суть же здесь в принятии ответственности за других. *«Когда моему сыну сделали операцию, вот с этого периода, как будто во мне что-то внутри перевернулось. Потому что я почувствовала такую ответственность за жизнь ребенка, что, мне кажется, я в этот период, когда он лежал в больнице, я постарела, поумнела, пересмотрела все моменты своей жизни на сто лет вперед. Это такой груз был, когда он лежит и смотрит на тебя этими глазенками и ему плохо. Вот это сильно отражается в жизни. И оно не забывается. То, что я перенесла – это очень сложно. Ну и, конечно, когда я сидела в зале и меня избирают секретарем партийной организации. Я выхожу и смотрю в зал, и там сидят седые люди с орденами»* (И. В., жен., 61 год, госслужащая, пос. Троицкое, 25.02.2015 г.).

Взрослость предполагает способность материально обеспечивать себя и других. *«Я поняла, когда я стала взрослым человеком, это когда я закончила школу. Я поехала учиться. Это уже самостоятельность, которая была без родителей. Дальше однозначно это, когда я пошла работать, и я получила первую зарплату. Вот это те, которые денежки твои личные, ты распоряжаешься ними как хочешь, и на эту первую зарплату я купила себе французские духи. У меня зарплата была семьдесят пять рублей, за пятьдесят пять рублей я купила французские духи «Опиум» (смеётся)»* (К. С., жен., 46 лет, продавец, пос. Троицкое, 19.02.2015 г.).

Представители нынешнего молодого поколения сами критерии взрослости разделяют со старшим поколением. Вот один из них рассказывает, что во время учебы вынужден был ухаживать за престарелой бабушкой. *«Пришлось как-то быстро повзрослеть, потому что всё-таки я не просто переехал к бабушке жить. Она там как бы какую-то основную работу делала, всё остальное висело на мне. Там, где-то забор чуть упал, где-то там с домашней птицей, с животными этими всеми... Нужно было работать»* (Н.А., муж., 29 лет, специалист по продажам, г. Старобельск, 04.02.2015 г.).

Но молодые респонденты интерпретируют критерии взрослости чаще всего индивидуалистически. Различий в этом между Донбассом и Галичиной не фиксируется. Один из них рассказывает о своем опыте жизни в Тунисе, куда он был приглашен как специалист. Там он на какой-то момент почувствовал себя самодостаточным. Для него быть взрослым – это быть независимым, более широко, быть свободным. *«Коли я був сам,*

повністю незалежний і був призначений сам собі, тобто я міг робити що завгодно без всіляких там морально-етичних засуджень і так далі. Це не означає, що почав одразу бігати з трусами на голові, п'яний, чи щось таке. Не знаю, відчуття свободи. От воно було. Коли ти отримував багато грошей, в тебе було що їсти, де жити. Ти був впевнений певний період, що так буде. У тебе були друзі, сусіди. Ти живеш у власній квартирі³⁸» (Ю.Л., муж., 24 года, самозанятый, г. Львов, 10.09.2014 г.).

Для некоторых молодых людей переход от юности к молодости – это некий итеративный процесс, предполагающий повторения и возвраты. *«Та я досі не перетворився. Ну, типу, кажуть, що дорослі, це відповідальність за власне життя і плюс відповідальність ще за когось. Я не можу сказати, що я зараз повністю можу відповідати за своє життя. За свої вчинки так, але от за життя складно, тому що, якби я лишився сам без якоїсь допомоги близьких людей, навряд чи я би зараз міг повністю розібратись із своїм життям. Це ще не відбулось напевно <...>³⁹» (Ю.Л., муж., 24 года, самозанятый, г. Львов, 10.09.2014 г.).*

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показал, что социальная трансформация, которую пережила Украина, нашла отражение в биографических нарративах людей разных возрастных когорт. В самой старшей возрастной группе оптика видения прошлого настроена так, что в нем воспринимается в первую очередь позитивное. Особенно это чувствуется в Донбассе, где детство и юность представлялись периодом постоянного расширения жизненных горизонтов для человека, его/её движением навстречу обществу. Переход к взрослости связывается с принятием ответственности не только за себя, но и за других.

Чем моложе респонденты, тем заметнее в их биографических нарративах индивидуалистические установки. У самой молодой

³⁸ *«Когда я был один, полностью независимый и был предназначен сам себе, то есть я мог делать что угодно без всяких там морально-этических осуждений и так далее. Это не значит, что начал сразу бегать с трусами на голове, пьяный, или что-то в этом духе. Не знаю, ощущение свободы. Вот оно было. Когда ты получал много денег, у тебя было что есть, где жить. Ты уверен, что определенный период так будет. У тебя были друзья, соседи. Ты живешь в собственной квартире»*

³⁹ *«Да я до сих пор не превратился. Ну, типа, говорят, что взрослые, это ответственность за собственную жизнь и плюс ответственность еще за кого-то. Я не могу сказать, что я сейчас полностью могу отвечать за свою жизнь. За свои поступки да, но вот за жизни сложно, потому что, если бы я остался один без какой-либо помощи близких людей, вряд ли я бы сейчас мог полностью разобраться с жизнью. Это еще не произошло, наверное, <...> Этот процесс идет. Вот есть, вот было, вот нет. Дело в том, что это из-за того, что у нас просто экономически так сложилось»*

возрастной группы фиксируется нарратив одинокого героя. При этом, однако, одинокий герой часто обеспокоен проблемой справедливости в обществе. Но он не видит поддержки со стороны государства, которое представляется ему инстанцией, что-то постоянно требующей, но не предлагающей ничего взамен.

Межрегиональные различия биографических нарративов заметны у старшей возрастной группы. Чем моложе респонденты, тем их способы конструирования своих биографий ближе.

В биографиях жителей Донбасса и Галичины присутствует определенный поколенческий разрыв. Он не является радикальным, так как сохраняется ценностная преемственность. Биографии молодых людей свидетельствуют об их нестабильности. Молодые люди в целом восприняли логику поведения в условиях периферийного капитализма, который в настоящий момент сложился в Украине. Но являются ли они его сторонниками? Наши материалы заставляют в этом сомневаться. Но, какой выход они видят из нынешней ситуации, этого на основе полученных данных пока сказать нельзя. Для этого необходимы дальнейшие исследования. В любом случае, заметно, что условия для внутриукраинского диалога возрастают с переходом от старших поколений к младшим.

БИБЛИОГРАФИЯ

Brzechyn, K. (2003). Recepcja sporów pomiędzy pozytywizmem a narratywizmem w polskiej filozofii historii. *Ruch Filozoficzny*, tom LXX, nr. 3, 513 – 518.

Feldman, M. S., Sköldbberg, K., Brown, R. N., Horner, D.(2004). Making Sense of Stories: A Rhetorical Approach to Narrative Analysis. *Journal of Public Administration Research and Theory*, vol. 14, nr. 2, 147–170.

Hunter, S. V. (2010). Analysing and representing narrative data: The long and winding road / Sally V. Hunter // *Current Narratives*, nr. 2, 44-54.

Mitchell, M., Egudo, M. (2003). A Review of Narrative Methodology. <http://www.webpages.uidaho.edu/css506/506%20readings/review%20of%20narrative%20methodology%20australian%20gov.pdf> (access date. 14.12.2015).

Niezgoda, M.(2014). Czy pokolenie może być stracone? W: С. Щудло, П. Длугош (ред.). *Молодіжна політика: проблеми та перспективи: збірник наукових праць* (вип.5, 12 – 18). Дрогобич – Перемишль: Швидкодрук.

Schmid, W.(2010). *Narratology. An Introduction*, Berlin - New York.: Walter de Gruyter GmbH&Co KG.

Winogrodzka, D.(2014) Przeciw bezrobociu. Indywidualne strategie samopomocowe polskich młodych prekariuszy i prekariuszek. W: С. Щудло, П. Длугош (ред.). *Молодіжна політика: проблеми та перспективи: збірник наукових праць*, (вип.5, 248 – 253).Дрогобич – Перемишль: Швидкодрук .

Св. Августин. (1999). *Сповідь*. Видання 3-е, Київ: Основи.

Бауман, З., Донскіс, Л. (2014) Моральна спільнота. Втрата чутливості у плинній сучасності, Київ: ДУХ І ЛІТЕРА, КМБС.

Бек, У. (2000) Общество риска: На пути к другому, Москва: Прогресс-Традиция.

Габа, О. И. (2015). Протестные настроения молодежи: теоретическая и эмпирическая каузальные модели. В.: Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 1 (январь — февраль), http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/1/Gaba_Protest-Moods-Youth/ (access date. 05.09.2015).

Гогохія, Н. Т. (2009). Дитина в тоталітарному суспільстві: образ «вірного лєнінця» в офіційному дискурсі УРСР у кінці 1920 – 1930-х рр. <http://www.stattionline.org.ua/histori/103/17446-ditina-v-totalitarnomu-suspilstvi-obraz-virnogo-lenincy-a-v-oficijnomu-diskursi-ursr-u-kinci-1920-1930-x-rr.html> (access date. 15.08.2015).

Гогохія, Н. Т. (2012). Суспільство і діти. In: С. В. Кульчицький (ред.). Українське радянське суспільство 30-х рр. XX ст.: нариси повсякденного життя: Колективна монографія, Київ: Інститут історії України НАН України, 751 – 785.

Давлєтов, О. Р. (2006). Гітлерюгенд: від загону Адольфа Гітлера до єдиної державної молодіжної організації Третього рейху (1922 – 1939), Запоріжжя: Просвіта

Давлєтов, О. Р. (2015). Підготовка «покоління вовків»: вишкіл майбутніх виконавців Голокосту. (Нариси молодіжної політики НСДАП у 1922 – 1939 рр., Дніпропетровськ: Інститут «Ткума».

Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2015 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости) (2015), http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/36.htm (access date. 12.08.2015).

Кислова, О. Н. (2014). «Дополненная реальность» сквозь призму интернет-практик современного студенчества. В.: Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць, вип. 20, Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 351 – 356.

Кон, И. С. (2003). Ребенок и общество. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, Москва: Издательский центр «Академия».

Кононов, І. Ф. (2014). Адиктивна поведінка старшокласників м. Луганська: форми та динаміка, Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Соціологічні науки, пр. 10(293), 47 – 82.

Куруленко, Э. А. (1998). Историческая эволюция детства. Социокультурный аспект. http://www.ssu.samara.ru/~vestnik/gum/1998web1/soci/199810_702.html (access date. 17.08.2015).

Левинсон, А. (2005). Старость как институт. <http://www.strana-oz.ru/2005/3/starost-kak-institut> (access date. 17.08.2015).

Луков, В. А. (2012а). Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы. Статья 1. Социс, пр.1, 5 – 16.

Луков, В. А. (2012б). Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы. Статья 2. Социс, пр.2, 21 – 30.

Магун, В. С. (1996). Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи. <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/287/265> (access date. 11.08.2015).

Марченко, А. М. (2014). Протестні настрої молоді України або що відкрив Євромайдан, В: С. Щудло, П. Длугош (ред.). Молодіжна політика: проблеми та перспективи: збірник наукових праць, вип.5, Дрогобич – Перемишль: Швидкодрук, 90 – 97.

Мезенцев, К. В., Підгрушний, Г. П., Мезенцева, Н. І. (2014). Регіональний розвиток в Україні: суспільно-просторова нерівність і поляризація: Монографія, Київ: ДП «Прінт Сервіс».

Муздыбаев, К. (2004). Жизненные стратегии современной молодежи: межпоколенческий анализ. Журнал социологии и социальной антропологии, nr.1, 175 – 189.

Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России, (2005) (сост. Ю. Левада, Т. Шанин). Москва: Новое литературное обозрение.

Паниотто, В., Харченко, Н. (2012). Кризис в методах опроса и пути его преодоления, Социология: теория, методы, маркетинг, nr.1, 3-20.

Полутин, С. В., Тюлякова, О. Н. (2010). Социология молодежи: история становления и перспективы развития, Интеграция образования, том 58, nr.1, 108 – 11.

Рождественская, Е. Ю. (2012). Биографический метод в социологии. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Синельников, А. Б. (2011). Ценностные ориентации российской и европейской молодежи, Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, nr.1, 145-158.

Сокурянська, Л. Г. (2015) Протестний потенціал студентської молоді: чинники актуалізації. In: С. Щудло, П. Длугош (ред.). Молодіжна політика: проблеми та перспективи: збірник наукових праць, вип.5, Дрогобич – Перемишль: Швидкодрук, 75 – 82.

Троцук, И.В. (2006). Теория и практика нарративного анализа в социологии. Москва: Издательство «Уникум-центр».

Хобта, С. В. (2014). Особливості динаміки ціннісних орієнтацій шкільної молоді м. Луганська, Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Соціологічні науки, nr.10(293), 26 – 38.

Шмид, В. (2003). Нарратология, Москва: Языки славянской культуры.

Шумилов, А. В. (2014). «Сетевая молодежь» и инновационное проектирование государства In: С. Щудло, П. Длугош (ред.). Молодіжна політика: проблеми та перспективи: зб. наукових пр. (вип.5, 118– 122). Дрогобич – Перемишль: Швидкодрук.

Эрикссон, Э. (1996). Идентичность: юность и кризис, Москва: Издательская группа «Прогресс».

Ilyia Kononov

FROM CHILDHOOD TO ADULTHOOD: GENERATION, REGIONAL AND GENDER PECULIARITIES OF NARRATIVES OF CHILDHOOD AND YOUTH OF DONBASS AND GALICIA RESIDENTS

Narratives of childhood and adolescence are analyzed on the basis of empirical material resulting from biographical interviews conducted in two regions of Ukraine – Donbas and Galychyna. Particular attention is paid to the first impressions of childhood, as they are the starting point of constructing one's identity. For the older generations first impressions of childhood are associated with a certain existential experience which made them perceive the world and themselves in this world in an acute way. For the younger generations, the first experience is associated with a certain adventure, asserting the independence of the individual among young peers and adults. Childhood is primarily associated with the school learning for the elderly people, as for the youngsters it is associated with entertainment. Young years of the older generation are associated with

opening wide horizons of the world. For the youth they are connected with the fight for a place in life, self-presentation. Representatives of all generations share the opinion that maturity comes when a person takes full responsibility not only for oneself but for the others as well. Young people regard transition to adulthood as an iterative process, involving returns and repeating the steps.

Keywords: *narrative, biography, biographical interviews, childhood, adolescence.*

Illya Kononov – Professor, Doctor of Sociology, Head of the Department of Philosophy and Sociology of the Luhansk Taras Shevchenko National University (Starobilsk, Ukraine).

Scientific interests: spatiality sociology, sociology of regions, frontier sociology, sociology of politics.

E-mail: kononov_if@ukr.net

Rafał Boguszewski*

PORTRAIT OF POLISH YOUTH IN THE LIGHT OF THE "YOUTH 2013" SURVEY RESULTS

This article, based on the results of CBOS (Public Opinion Research Center) and KBPN (National Bureau for Drug Prevention) research entitled "Youth 2013", looks for answers to the questions about the condition of contemporary Polish youth, their system of norms and values, about plans for the future, as well as risks and concerns associated with this future. It illustrates trends in changes to lifestyles, attitudes and behaviours of young Poles.

Keywords: youth, lifestyle, transformation of values, attitudes, plans for the future.

Postmodern, ambiguous and ambivalent socio-cultural reality, which lends itself to constant fluctuations, leads to radical social change expressing itself in permanent self-creation (Cybal-Michalska, 2006, p. 60). This means constant change, uncertainty and instability. In a situation commonly diagnosed as crisis of values which characterise the postmodernism, criticism of successive reforms of the education system and risks in terms of the educational processes, even more important become questions about the condition of contemporary Polish youth, their system of norms and values, about plans for the future, as well as threats and fear connected with that future. Issues of broadly understood life aspirations of young people become determinant of the future society in all aspects of its operation, on the other hand, knowledge of the world of young people and their maladies creates an opportunity to undertake appropriate pedagogical activities towards young people (Dobrowolska-Łopuch, 2015).

Trying to answer the question about the condition of contemporary Polish youth, I will use results of the study "The consumption of psychoactive substances by school students YOUTH 2013" conducted by CBOS between 22 November and 12 December 2013 among secondary school students in their final year (high schools, technical institutes, basic vocational schools). The study sample had a random character and basic criteria for selection of the sample included: school type and location of schools in five types of settlements: village, city below 20 thousand residents, from 20 to 100 thousand residents, more than 100 thousand - up to 500 thousand residents, and over 500 thousand residents. The research tool was an auditorium questionnaire filled out by students during a one-hour lesson. In each randomly selected class all present at the lessons students filled out the questionnaire. In the sample there were 65

* **Rafał Boguszewski** – dr, Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego w Warszawie (Warsaw University of Life Sciences), Fundacja Centrum Badania Opinii Społecznej (Public Opinion Research Center).

Scientific interests: sociology of youth, youth's lifestyle.

E-mail: rafal_boguszewski@sggw.pl

schools and in each school one class was randomly selected. The total number of respondents was 1360.

An undoubted advantage of the study is its cyclical nature. Youth research carried out by CBOS according to the same methodology and using largely comparable research tool date back to 1990. In the years 1990-1998 these were the statutory CBOS surveys and in the years 2003-2013 CBOS carried out it at the request of and in cooperation with the KBPN. Although they are not panel surveys, they make a long history of research on young people's attitudes in the last twenty-five years.

WHAT CHANGES ARE IN YOUTH?

Today's youth in Poland, according to their declarations, is fairly well-off. Since the mid-nineties a threefold increase in the percentage of young people satisfied with the financial situation of their family was noted. In 1992 this percentage was 17% and in 2013 – 53%. At the same time the number of those who described material conditions of their families as bad significantly reduced (from 35% in 1992 to 11% in 2013) and those describing it as average (from 48% to 36%). Therefore it can be conducted that they are generation which has a completely different starting point than their peers several decades earlier and it has its consequences in certain life attitudes. Students which now leave secondary education are much more demanding than their peers two decades ago and believe that they deserve many things.

Today's youth, as opposed to that several years ago, is characterised by a much higher level of cultural capital which manifests itself, among other things, in better foreign language skills and higher technological competence. In the years 1996-2013 a number of respondents who declared communicative knowledge of at least one foreign language increased from 36% to 54%. Traditionally, it is mostly English (known by 91% of those who declare their communicative knowledge of a foreign language). Moreover, the young people almost without exception are "connected" to the Internet (access to the Internet at home declares 98% of the young people). This of course has good and bad sides. The advantage is undoubtedly more frequent communication and information possibilities, but there is also a problem of addiction to the Internet and to social networking sites, which leads to disorders that prevent proper functioning in everyday life. According to declarations of the surveyed adolescents the average time spent online is approximately three hours a day (mean = 3.03), one third of respondents stated that they surf the Internet more than three hours per day (30%), including one in eleven spending at least six hours per day online (9%).

An indicator of negative impact of the Internet on the daily lives of young people was created by counting responses indicating adverse effects⁴⁰ of surfing the net. It illustrates that most of the young people are, so called, average Internet users (78%), but one in five have problems due to the amount of time spent in the net (19%), and four in a hundred experience serious complications in everyday functioning (4%). Another negative manifestation of contemporary dominance of the Internet in the lives of young people is cyberbullying. Almost one in three students admitted that in his/her school there are situations of posting in the Internet images or movies discrediting friends, colleagues, teachers (29%).

Besides the negative consequences of the Internet other disturbing phenomenon observed for a long time among the youth is a growing consumption of alcohol. According to declarations, the percentage of respondents who during the month before the survey drank vodka increased between years 1992-2013 by as much as 40% (from 28% to 68%), while by 23% grew a number of beer drinkers (from 49% to 72%). And while monitored in this manner beer consumption rate in recent years is relatively stable and even slightly decreasing, in the case of consumption of vodka the trend is quite clear and systematic. Still slightly lower than at the beginning of the 90-ties is declared consumption of wine, but also a number of gourmets of this drink in recent years have slightly grown. According to the declarations of students from the end of 2013, 44% of them got drunk at least once during the month before the survey, including one in nine (11% of the total) who overused alcohol at least three times.

Another worrying issue is the use of drugs, for which young people now reach much more often than in the 90-ties. At the end of 2013 the number of those who admitted that they used drugs in the past year proved to be more than three times higher than in 1992 (18% vs. 5%). Currently, two fifths of respondents (40%) says that at least once in their lives they tried marijuana (growth in the period 2008-2013 by 10 percentage points), of which roughly one in eleven (9%) had a contact with this substance within 30 days before the survey. The number of both – occasional and regular smokers of marijuana – is

⁴⁰ Counted frequent or very frequent occurrence of situations in which respondents feel that life without the Internet would be boring, empty and joyless, sleep not enough or sleep too short by the fact that till the late night they are online, they prefer to spend time on the Internet rather than go out with others, their grades or learning suffered because too much time spent on the internet, they neglect household chores to spend more time on the Internet, they try to hide from others how long they were on the Internet, their family members complain about the amount of time they spend online. Kalka, J. (2014). Młodzież a Internet (Youth and the Internet), in: M. Grabowska, J. Kalka (ed.), Młodzież 2013, Opinie i diagnozy (Youth 2013, Opinions and Diagnoses), 28, 149-159.

steadily growing and that substance – as can be inferred from the declarations – is not being treated as a drug by some young people⁴¹.

The question of what influence drug using trends has not been fully answered yet. Of course, the Internet contributes to the problem. It provides easier accessibility to such intoxicants and the anonymity of the buyer and the seller. These phenomena can also be partly rooted in the family situation of young people in Poland. According to the declarations, at the end of 2013 13% of students leaving secondary schools were brought up in single-parent families or without both parents. Another problem is so called Euro-orphanhood. One in six students (17%) admitted that in the past 12 months at least one of his/her parents worked abroad (seasonally – 8% or permanently – 9%). As is clear from the analyses, this situation is conducive to the development of pathologies among children and adolescents. "The result of Euro-orphanhood and lack of care is truancy, neglect at school, school dropout, contact with alcohol, drug use and the entry in the pathological environment" (Kozak, 2010, p. 116). Also psychologists point out that travelling abroad in search of better paid work have many negative effects on children. Among those consequences attention should be given to reduction of desire to learn, deterioration of ratings, tendency to leave the lessons, decline of discipline, aggressiveness and emotional problems, hyperactivity, difficulty in concentration, impaired relationships with colleagues. The child can stand quite well staying one or both parents abroad if it does not last long. But when the parents' absence is prolonged and the child gets into the care of strangers or institutions, disorders such as neurosis, depression, and even suicide attempts often begin (Przyczynek, 2015).

PLANS AND CONCERNS RELATED TO THE FUTURE

In 2013 a significant topic was what the students of final classes of high schools plan to do after finishing school. Invariably, the vast majority of them (jointly 59%) plan to study, however, most of them plan to combine study with work (33% of responses). Only one in four respondents want to focus exclusively on studying (26%). One can therefore assume that today's youth in Poland is aware of the situation in the labour market and employers' expectations, i.e. education itself is no longer enough and increasingly an expected feature is the experience. Thus, young people often want to gain this experience during their studies. Emerging trends that can be noted in the plans of young people for the future include: decline of desire to continue learning among students of basic vocational schools, smaller interest in learning in post-secondary schools, and - above all - quite a significant increase in the number of

⁴¹ Drug use in the 30 days prior to the survey was admitted by 18% of respondents, and marijuana was used by almost one in fourth students (23%).

students planning emigration (between 2003 and 2013 the proportion of emigration declarations increased from 3% to 15%).

Economic emigration, as it turns out, is now the primary alternative for young people facing unemployment. In the case of a problem with finding suitable work, one in three students say that he/she would go abroad (33%) and this answer appears much more often than in previous years (since 1998 there has been an increase in such declarations by as much as 19 percentage points). In the face of the devaluation of education the willingness to continue education as a way to improve own situation in the labour market decreases (since 1998 the percentage of those who would decide to continue education facing the problem of unemployment after finishing school decreased from 33% to 10%). In recent years an entrepreneurial propensity of the young people also slightly weakened (between 2008 and 2013 the percentage of those who being unable to find work would decide to set up their own company decreased from 14% to 10%).

The need to seek alternatives in the face of unemployment must be for the young people something conscious and real. The data shows their concerns about the situation in the labour market. In recent years we have seen a fairly significant increase in the proportion of young people who feel more or less at risk of unemployment. In late 2013 such persons accounted for nearly two-thirds of all respondents (63%), of which one quarter were definitely afraid of unemployment (26%). Unemployment is not such a threat as in the early nineties (in 1992 the percentage of those who feared the difficulties involved in finding a job amounted to 77%), but is one of the highest in the history of surveys conducted by CBOS.

This growing threat of unemployment naturally is justified and is a response to the actual situation in the labour market in Poland. With the rise of unemployment rate the fear of unemployment among young people also increases. Although in 2013 the concerns of young people regarding employment rose faster than unemployment rate, however, there are analyses suggesting that the young people lost the most on the economic crisis in terms of their professional perspectives (Ministry of Labour and Social Policy, 2013; Tyrowicz, 2010), so that increased fears of students may appear, in this respect, to be warranted. With the increase in the level of education of the young people entering the labour market, the number of unemployed with higher education in Poland also grows.

It seems that negative perception of the situation in the labour market has an impact on the psychological indicators relating to self-esteem and confidence in own abilities. In recent years quite significantly decreased the proportion of young people who believe that success in life depends primarily on themselves; at the same time it can be observed that since 1996 there is a growing conviction that success in life is largely determined by factors unrelated to the individual.

We can, therefore, speak about a rise in uncertainty when it comes to a sense of the control of own live.

Since the last measurement, there was also a marked increase in pessimism in the perception of young people's own life perspectives. Although still a view that their perspectives are better than their parents prevails (52% of responses), but it is far less than in 2008 or 2010 (for the 2010-2013 period it declined by as much as 19 percentage points). At the same time significantly more often than in the two previous measurements, young people stated that their generation *is on a hiding to nothing* (increase from 14% to 23% since 2010).

The data cited above fit in with the concept of the risk society, according to which together with the general progress of civilization, regardless of tangible and educational differences, the uncertainties of own destiny and the risk of marginalization of entire generations exposed to the ghost of unemployment, cynicism of educational institutions, and moral loneliness inevitably increases (Beck, 2002, p. 15). Thus, fairly well educated youth, mostly satisfied with their material dimension, is forced to seek ever new possibilities to find themselves in the constantly changing ambivalent reality, increasingly - as it seems - bumping into a maze of uncertainty (Dobrowolska-Łopuch, 2015).

INTEREST IN POLITICS AND POLITICAL VIEWS

Negative rating of life's perspectives does not motivate today's youth to be active and willing to change this situation. You can even watch the growing passivity and discouragement in this regard. In the years 1996-2013 by 18 percentage points increased the percentage of the young people declaring their lack of interest in what is happening in politics. At the same time, from 17% to 11% decreased a number of declarations of high or very high interest in politics. Another indicator illustrating growing political alienation of people entering adult life is the highest in CBOS research proportion of the last class students of secondary schools who cannot clarify their political views (72% of respondents in 2013, when - for example - in 1996 it was 53% and in 2010 – 64%).

A decrease in interest in politics and increase in the proportion of the young people who cannot identify their political views on the scale left-right wing orientation determine the relation of students to existing in Poland political parties. In comparison with earlier measurements, in 2013 significantly increased a number of young people claiming that none of the parties operating on the Polish political scene meet their expectations (58%, an increase of 7 points compared to 2010). At the same time a group of respondents who cannot identify with any political party increased (21%, an increase of 5 points compared to 2010). As a result of these changes, today only one in five students in response to a question about their feelings towards existing political parties in

Poland, pointed the party which he/she has positive attitude to (21%). This is the lowest number recorded in CBOS surveys of adolescents.

Social helplessness and lack of interest in politics is closely associated with low level of active citizenship of the young people. Since the beginning of CBOS monitoring (late nineties) the percentage of the young people taking participation in elections to the student councils fluctuated at around 50%, while in 2013 61% of interviewees said that they never elected their representatives to the student councils (an increase from 2010 by 16%). Regular participation in such elections was declared only by 17% of respondents (decrease by 8%). On a relatively low level, unchanged for ten years, is affiliation with informal groups, associations, organizations and clubs. In 2013, as in previous years, this type of participation declared 32% of young respondents (15% reported involvement in sports associations, including fan clubs).

Also other studies confirm that the youth shows the least resources of associational-civil capital (Żukowski, Theiss, 2008, p. 17). The Poles generally, and especially young people, rarely get involved in the life of local communities and in solving social problems. They are also reluctant to associate and co-operate within civic organizations. These attitudes represent undoubtedly a threat to the development of civil society in Poland and may also raise concerns about the quality of social life in the future.

RELIGIOUSNESS OF YOUNG

Youth, according to many studies, is one of the groups, which are mostly subject to a process of secularization associated with rationalization, separation of the secular sphere from religious institutions and norms, disappearance of religious beliefs and practices and shift of religion to the private sphere. To some extent this is confirmed by the results of this youth study. According to the declarations, less than three-quarters of the final class students of secondary schools consider themselves believers – to greater or lesser extent (71%). Almost one-fifth describe themselves as undecided (18%) and one in ten declare lack of faith (10%). Since the mid-nineties we can observe slight changes in these declarations. In comparison with 1996, the proportion of people describing their faith as deep did not change. However, the percentage of respondents who see themselves as believers decreased by 9 percentage points (from 74% to 65%), while the rate of undecided increased from 14% to 18% and unbelievers increased from 5% to 10%. For comparison, among the young people the proportion of people describing themselves as believers (including deep believers) is lower than among adult population by 22 percentage points, while the undecided is higher by 13% and non-believers by 8%.

Although the majority of secondary school students define themselves as believers, their faith is qualitatively quite diversified. It turns out that only less

than a half of them declared unwavering faith in God (45%). Moments of doubt have one in four students (26%), while one in ten admit that he/she seems believe in God only sometimes (10%). Lack of faith in personal God and at the same time belief in the existence of some kind of Higher Power is expressed by 7% of respondents. There is similar number of those who are unable to assess whether God exists and they do not believe there is a way to check it out (6%), as well as those who declare their complete lack of faith in God (6%). Comparing that results to nationwide research – carried out in a similar time on a sample of adult inhabitants of the country – it can be stated that among young people doubts about the existence of God are much more common than among adults (42% vs. 31%). They totally reject the existence of personal God slightly more often than adult population (6% vs. 3%) and in his place put some kind of Higher Power (7% vs. 4%).

As for religious practices, the level of youth participation in masses, devotions and religious meetings has been reducing gradually over the years. Since 1996, the percentage of students declaring regular (at least once a week) participation in this type of practices have decreased from 62% to 43%. On the other hand the number of the young people practicing irregularly have increased (from 21% to 34%) and non-practicing have increased from 16% to 23%. Compared with the declarations of adult Poles, the proportion of regular practitioners among youth is lower by 6 percentage points (43% vs. 49%), and the number of totally non-practicing religiously almost twice higher (23% vs. 13%).

This data indicate quite clearly that youth is withdrawing from the so-called church religiousness - characterized by strong rootedness in religious practices. Moreover it reveals a slow but fairly steady increase in the proportion of the young people defining themselves as unbelieving persons. Intensification of changes in religiosity began to occur particularly clear in recent years. It happened because of certain, unobserved since 1989 on such a scale, social climate associated with the development of rationalist, humanist and free thinkers organizations and movements or even with the presence in parliament persons manifesting anti-clerical and anti-church views, promoting apostasy and calling for a radical separation of church and state. In this context, a further increase in atheists' attitudes among indifferent to religion young people may be assumed, as well as loosening of ties between young Poles' identity and their religious participation (Mariański, 2004, p. 112).

CUSTOMS OF YOUTH

Moving away from institutional religion and individualization of faith (which are increasingly often perceived in attitudes and behaviour presented by the youth), have led to harmonization of the privatised religiosity with youth

attitudes in the dimension of morality which, generally speaking, often are far different from the morality preached by the Church. For fifteen years invariably almost three of four students have been stating that there is nothing wrong in loving people having sexual relations – the wedding is not necessary to do this. Currently only 14% of respondents state that the first sexual contact of the young people should take place after marriage (since the mid-nineties this percentage has been steadily decreasing, from 23% in 1996). A view that the main purpose of sex in marriage is procreation has also relatively few followers among the young people. This opinion is shared by less than one quarter of respondents (24%), while more than half of respondents do not agree with this view (59%).

Attitudes to sexual behaviour are often the result of their own experiences in this regard. According to their declarations, a little more than a half of the final class secondary school students have already had a sexual initiation. The average age of first sexual intercourse for girls is 16 years and 10 months, while for boys it is 16 years and 6 months. Although factors related to religion promote delaying sexual initiation, even among young people visiting church every week 41% have already had their "first time" and the average age of initiation in this group is 16 years and 5 months. Young people are also no stranger to the phenomenon of the juvenile parenthood. Nearly two-thirds of the respondents confirm the presence in their communities people who have been parents before the age of 18.

As is clear from the studies carried out among the young people, self-definition as a believer and even regular participation in religious practices often do not imply acceptance of the basic truths of faith. Moreover it is often associated with a belief in the theories contradictory to the Catholic religion. Therefore, the model of institutional religiosity that is elicited by religious attitude fully reflecting identification with the doctrine of the faith (i.e. full acceptance of moral religious norms, confirmed by systematic participation in religious worship, and at the same time indicating the personal religious experience and involvement in religious communities – Zareba, 2010, p. 315), to a large extent lost its significance in the whole population, and especially among the young people.

Religious doctrine is definitely not the only legitimate source of the young people's worldview. "A modern man (including a contemporary young Polish Catholic) builds a worldview based on a variety of sources, drawing - consciously or unconsciously - from many religious traditions, science and media messages. Creating its own private universe of meanings, he or she does not feel the need to remain in harmony with teaching of own religious tradition. Often, it carries all sorts of contradictions and inconsistencies within the presented attitudes "(Borowik, 2001, p. 16).

This personalized look at the world, in which the only legitimate instance is own conscience, generates, as it seems, more and more selfishness among the young people and a total lack of trust in others. Invariably from many years the young people in Poland in the vast majority (approx. 80%) share the opinion that "in dealing with people they can't be too careful", additionally in recent years percentage of young people open to the others and convinced that "most people can be trusted" has decreased (from 13% in 2008 to 9% in 2013).

SUMMARY

To sum up, Polish youth 2013 is characterized by a relatively high material stability, incomparably higher than generations before. They are people with relatively high technological competence and knowledge of foreign language. They can be called the generation of the Internet ("connected"). Almost everyone has access to the network and uses the Internet on average three hours per day. On the other hand Polish youth graduating secondary schools is characterized by a high level of scepticism and criticism. They have a considerable level of political and civic alienation, accompanied by an almost universal lack of trust in others. In turn, the high level of scepticism and distrust promotes the growth of selfish attitudes.

In moral dimension the young people in Poland are characterized by a fairly large liberalism. Rather common is their acquiescence to various behaviours of a moral nature, especially related to sexuality, that are not consistent with the teaching of the Church. This lack of cohesion between the worldview of young people and the official interpretation of the Church makes that young people in Poland more and more often keen to define their faith as an individual matter. It results in irregular participation in religious practices. Increasingly popular in this group are also declarations of atheism.

In recent years a decrease of ambition and faith of young people in their own abilities, accompanied by an increase in feelings of helplessness (a kind of resignation) and a slight decline of youthful enthusiasm can be seen. It is difficult to talk about the trend in these dimensions and there is no certainty that further research will confirm these results. All these indicators represent, as it seems, the result of youth's reception of the current political and economic situation in the country and its consequences (mainly unsatisfactory situation in the labour market). The reality is treated as uncertain and unstable. It can be therefore assumed that with the economic recovery this negative trend may be reversed, or at least it will slow down.

However more disturbing is an increase in reluctance to cooperate resulting in a higher level of individualism and still strongly limited confidence of the young people to others (much lower than the national average - currently only 9% of the young people say that most people can be trusted). These

symptoms - as it seems - can pose a real threat to the development of civil society in Poland. This problem requires additional, more comprehensive, research.

The young people seem to be somewhat lost in the modern, pluralistic culture that is not necessarily telling them how to live. Contemporary, everyday experience shows the continuing volatility of social life associated with rapid changes in almost all areas of life and even fundamental revaluations, which happens in relatively short periods of time. All of this create a necessity of constant choices and continuous shaping of own biography which requires, on the one hand, creativity and openness, and on the other, responsibility and consistency. The combination of these features can often be problematic for young people.

BIBLIOGRAPHY

Beck, U. (2002). Społeczeństwo ryzyka. W drodze do innej nowoczesności. Warszawa: Wyd. Scholar.

Borowik, I. (2001). Pluralizm jako cecha przemian religijnych w kontekście transformacji w Polsce. W: I. Borowik, T. Doktor (red.), Pluralizm religijny i moralny w Polsce. Kraków: Zakład Wydawniczy Nomos, 13-46.

Cybał-Michalska, A. (2006). Tożsamość młodzieży w perspektywie globalnego świata. Studium socjopedagogiczne. Poznań: Wyd. UAM.

Dobrowolska-Łopuch, K. (2015). Młodzież czasów przemian społecznych. Pozyskano z: <http://prasa.wiara.pl/doc/2567040.Mlodziez-czasow-przemian-spolecznych> (pobrano 29.06.2015).

Eurostat. (2013). Youth unemployment. Pozyskano z: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Youth_unemployment (pobrano 11.02.2014).

Grabowska, M., Kalka, J. (red.). (2014). Młodzież 2013. Opinie i diagnozy, 28.

Grabowska-Lusińska, I., Jaźwińska-Motyłska, E. (2013). Znaczenie migracji w życiu zawodowym kobiet i mężczyzn. Kultura i Społeczeństwo, 3, 85-108.

GUS (2013). Migracje zagraniczne ludności. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny.

GUS (2014). Stopa bezrobocia w latach 1990-2013. Pozyskano z: http://www.stat.gov.pl/gus/5840_677_PLK_HTML.htm (pobrano 25.02.2014)..

Kalka, J. (2014). Młodzież a Internet. W: M. Grabowska, J. Kalka (red.). Młodzież 2013. Opinie i diagnozy, 28, 149-159.

Kowalczyk, K. (2013). Poakcesyjne migracje zarobkowe. Komunikat z badań CBOS nr 166/2013. Warszawa: Centrum Badania Opinii Społecznej.

Kozak, S. (2010). Patologia eurosieroctwa w Polsce. Skutki migracji zarobkowej dla dzieci i ich rodzin. Warszawa: Wyd. Difin.

Mariański, J. (2004). Religijność społeczeństwa polskiego w perspektywie europejskiej. Kraków: Zakład Wydawniczy Nomos.

MNiSW (2013). Szkolnictwo Wyższe w Polsce. Pozyskano z: https://www.nauka.gov.pl/g2/oryginal/2013_07/0695136d37bd577c8ab03acc5c59a1f6.pdf (pobrano 27.02.2014).

MPiPS (2013). Młodzi w liczbach. Załącznik nr 1 do Programu „Młodzi na rynku pracy”. Warszawa: Ministerstwo Pracy i Polityki Społecznej.

Przyczynek, K. Eurosieroctwo – problem naszych czasów. Pozyskano z: http://www.ppp.powiatbrzozow.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=163:eur-osieroctwo-problem-naszych-czasow&catid=38:rodzina&Itemid=29 (pobrano 07.07.2015).

Tyrowicz, J. (2010). Kto stracił na kryzysie. Pozyskano z: <http://rynekpracy.org/x/562118> (pobrano 16.01.2014).

UNESCO Institute for Statistics. (2014). Gross enrolment ratio in tertiary education, http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableView/tableView.aspx?ReportId=3345&IF_Language=eng (pobrano 27.02.2014).

Zaręba, S. (2010). Koncepcja religijności instytucjonalnej wśród teorii socjologicznych młodzieży. W: S. Zaręba (red.), Socjologia życia religijnego: tradycje badawcze wobec zmiany kulturowej. Warszawa: Wyd. UKSW, 303-319.

Żukowski, T., Theiss M. (2008). Stowarzyszeniowo-obywatelski kapitał społeczny. Komunikat z badań CBOS nr 133/2008.

Lucjan Miś*,
Katarzyna Ornacka*

CHILDREN'S SOCIAL CAMPAIGNS IN POLISH MASS MEDIA. RESEARCH STUDY ON SOCIAL MARKETING IN 2012

Social campaigns aim at informing as well as shaping attitudes towards phenomena recognized by the authorities or activists as important from a political or a social point of view. Children and young people are present in particular categories of social campaigns. Sometimes they are recipients of a campaign (e.g. they are warned against the dangers of the Internet), while in other cases they are presented as a social category which requires adults' special attention (their parents, teachers, neighbours, professionals, etc.).

Our study is devoted to the leading children's social campaigns on television and on the Internet. We would like to present an analysis of campaigns created both in our country and abroad, on a local, regional and global scale. We are interested in how children and young people are presented in them. We also aim at defining the main threats that television and the Internet pose for young people. Finally, we would like to pay attention to other people and organizations involved in social campaigns, such as parents, state agencies, NGOs or consumers in general. The results of the study relate to the involvement of social campaigns' creators as well as to their system of values and norms. They also stress the differences between national and international campaigns for children and young people.

Key words: children, social campaigns, social marketing, advertising market.

INTRODUCTION

Social campaigns have become an integral part of mass media recipients' everyday life in our country (Keler, Nózka, 2007). Social campaigns are present in the press, on the radio, on television and on the Internet and they influence listeners' and viewers' opinions and attitudes. They are led in the name of various social values, not in order to improve sales and increase profits, which is typical of commercial campaigns. However, more and more often the two seemingly divergent intentions are integrated. Consumers are both induced to

* **Lucjan Miś** - Professor (Jagiellonian University), Ph.D., sociologist, Institute of Sociology, Jagiellonian University

Academic interests: social problems theory, social constructionism, Video Home Training, Solution Focused Social Work.

E-mail: lucjan.mis@uj.edu.pl

* **Katarzyna Ornacka** – PhD, sociologist, Institute of Sociology Jagiellonian University.

Academic interests: sociology of childhood, social problems, children of “vulnerable identity” in social work, evaluation in applied sociology and social work.

E-mail: katarzyna.ornacka@uj.edu.pl

purchase certain goods and their attention is drawn to social problems and activities aiming at solving them. It seems that a certain feedback has now occurred. On the one hand, “applying rules, methods and tools (used once merely for contacting customers) by organizations fulfilling social goals and functions for contacting numerous recipients, representatives of different social groups” (Chlipała, 2010, p. 319) has become popular recently. On the other hand, social ideas and values (for instance fighting poverty or discrimination) are used for promoting commercial products or brands. Children are a suitable tool to achieve such goals as they are a highly rated category for the vast majority of recipients and for the most part they evoke positive emotions.

SOCIAL MARKETING RESEARCH

Commercial advertisements aim mainly at increasing customers’ interest in the product and consequently at purchasing it. On the other hand, “the aim of a social advertisement is to produce (or reduce) socially desirable (or undesirable) attitudes and behaviours” (Chlipała, 2010, p. 319). Children are present both in commercial and social advertisements. Social campaigns, led both by profit and non-profit organizations (such as foundations, associations, non-for-profit organizations), are usually addressed to adults, parents or legal guardians, although children are the recipients of the social campaigns, e.g. “Pij mleko, będziesz wielki” (“Drink milk, be great!”) (Zajączkowska, 2007). This campaign was produced by International Advertising Association and it was repeated several times with different campaign ambassadors. It was led in many countries in the world, including Poland.

Evans (2008) carried out analyses of sixteen social campaigns run in different parts of the world (such as Bangladesh, Kenya, Indonesia and, mostly, the USA) which were addressed to parents as well as both parents and children in order to promote physical activity, healthy diet (milk, fruit, vegetables), conscious Internet use, education and fighting addictions. Evans states: “Social marketing has been successful at changing a wide range of health behaviours, especially in the domains of tobacco use, nutrition and physical activity as well as HIV/AIDS. Social marketers have become increasingly adept at using commercial marketing strategies to craft competing messages and reduce the percentage of children and adolescents responding to commercial messages” (Evans, 2008, p.197). In other words, social marketing is a solution to negative effects of commercial advertisements, promoting unhealthy food (Rudawska, 2010) as well as inappropriate behaviour patterns, for instance behaviours that are risky in certain countries and social environments (Evans, 2008). Social marketing enables information on socially acceptable norms and values, relevant to the whole community, to be popularized.

RESEARCH METHODOLOGY IN CHILDREN'S SOCIAL CAMPAIGNS

Rapid mass media development in modern societies is the reason for more and more frequent contact with both commercial and social marketing. Data concerning the advertising market show unambiguously that the character of marketing has changed, from craft and artistic to industrial one. Małgorzata Bogunia-Borowska found out that for a certain period of time, namely over several months between 1999 and 2000 and between 2001 and 2002 “eleven social messages appeared” on channels TVN and TVP1 (Bogunia-Borowska, 2004, p. 138). The author refers also to the expert Adam Lura's opinion. He expects the role of social advertisements to be more and more significant. Such advertisements will counteract the increase in cultural and social disparities. At the moment there are hundreds of social campaigns which are additionally multiplied on various channels, on the radio, on television, on the Internet or outdoors. A growing presence of social campaigns and marketing activities in the media results in the fact that recipients encounter them even when they do not wish for it or they do not feel like dealing with them.

The main aim of our study was to analyze children's social marketing in Polish mass media. We were interested in the quantitative aspect (the number of advertisements) and the qualitative one (the message, its sender, its recipients and the advertising producers). We were not interested in messages merely making use of the image of children or showing children considering different age groups (adults and the elderly).

Our research on social campaigns was conducted crosswise and lengthwise (along timeline, longitudinally). Firstly, we carried out an analysis of contents put on the Internet portal “Social Campaigns” in 2012 (www.kampaniespoleczne.pl). We conducted an analysis of Polish and foreign campaigns, as for global campaigns however, due to the size of the article, were limited ourselves merely to the Polish ones. The portal “Social Campaigns” is an important source of knowledge of social marketing, it contains descriptions of a large number of Polish and foreign social campaigns, however it takes into consideration only the largest senders, disregarding contents published by smaller or niche ones. One should stress that other researchers also use contents of the portal to examine social campaigns concerning health, non-governmental organizations or commercial entities (Chlipała, 2010; Daszkiewicz, Waniowski, 2010; Rudawska, 2010). In order to level the effect of uniqueness of the year 2012 we conducted longitudinal research comprising the years 2000 to 2013. This research, unlike the crosswise one from 2012, did not have a comprehensive character, but an intentional one (due to the number of campaigns, namely a few thousand). We carried out analyses of campaigns

chosen by students within an evaluation project. Students collected data from social campaigns emitted in Poland (43 examples) and in the whole world (54 examples).

In 2012 the portal "Social Campaigns" recorded 23 Polish campaigns tagged as "children" (340 campaigns in the whole world). Four campaigns were excluded from the final analysis because the word "children" was used in them as a word-play, namely "dzieci-śmieci" ("children-rubbish" which rhyme in Polish) in the campaign "Wszystkie śmieci gminy są" ("All the rubbish of the community") or it was used in its secondary meaning, as in the campaign "Łódź – niekoniecznie urodziwa, ale kreująca" ("Łódź – not necessarily good-looking, yet creating"). Moreover, two campaigns aimed at directing people's attention to the situation of children beyond our country, in Chad and Georgia. Thus, as a matter of fact, nineteen out of twenty-three campaigns took into consideration children as a separate social category, a subject of marketing activities (see Table 1).

As it turned out, the majority of campaigns were addressed to recipients who were able to donate one percent of their income tax to non-governmental child welfare organizations. Such campaigns had mostly an "image" character, that is they aimed at building and consolidating a good image of their senders, e.g. Fundacja Polsat (Polsat Foundation), Agora (Agora Foundation) or "SOS – wioski dziecięce" ("SOS – Children's Villages") are all parts of corporate social responsibility. The above-mentioned foundations were their senders, as well as Fundacja Dzieci Niczyje (The Nobody's Children Foundation) and hospices for children in the regions of Malopolska and Silesia. Social campaigns were present in all media types, such as the press, radio, television, cinema and billboards, however most frequently they appeared on the Internet. Even such a limited sample of campaigns points to the power and the popularity of the Internet in social marketing. It is characteristic and paradoxical at the same time that social advertisements are often used in order to warn recipients (mostly parents) about the danger of using the Internet and electronic media by their children. This danger is a global issue and it is a subject of concern for experts representing different fields, e.g. American paediatricians (O'Keeffe, Clarke-Pearson, 2014).

Some of the campaigns aimed at fighting addictions, for instance "W którym świecie żyjesz?" ("Which world do you live in?") or "Dbaj o fejs" ("Take care of your face"). Polish Safer Internet Centre (Polskie Centrum Programu Safer Internet) was their sender. Other campaigns had different goals: institutional care for children, e.g. "SOS wioski dziecięce" ("SOS – Children's Villages") or "Nasz dom" ("Our home"), the fight against domestic violence, e.g. Fundacja Dzieci Niczyje (The Nobody's Children Foundation), and against social exclusion, e.g. Fundacja Agory (Agora Foundation) or Fundacja Św. Mikołaja (St. Nicholas Foundation).

It seems that social campaigns in 2012 served mainly to create a good image of their senders and to collect money for children by reminding people of donating one percent of their income tax. Adult members of society were recipients of the vast majority of social advertisements, with the exception of two campaigns: “Klub Pancernika klika w fotelikach” (“Armadillo Club’s members click in their safety seats”) and “W którym świecie żyjesz?” (“Which world do you live in?”). The goal of the first campaign was to make parents and children aware of the requirement of child safety seats, the latter focused on the problem of Internet addiction. “Child safety seats campaign” consisted of two parts: for adults (parents) and for children. The version for children included an animated film, visually and musically adapted for the youngest recipients. Also, children could get gadgets – mascots connected with the subject of children’s safety in cars. This campaign was launched by Motor Transport Institute (Instytut Transportu Samochodowego), a research center which used European funds (European Regional Development Fund). The latter campaign was designed for older children, junior high school and secondary school students. It underlined negative consequences of excessive computer use as well as of withdrawal from peer and family relations. This campaign was led in cooperation with a German organization “Kliksafe” which deals with Internet security and it included information on places where one could get help (“Helpline”).

A review of Polish social campaigns allows to state that in the first place they served to collect funds by commercial companies’ foundations (such as Polsat or Agora) in order to create a positive image (of a foundation and consequently of business) as well as by child welfare non-governmental organizations (“SOS – Children’s Villages”, “The Nobody’s Children Foundation” or Polish Red Cross). The campaigns were mostly launched before the time of making a donation of one percent of one’s income to non-governmental organizations. Only two campaigns were addressed to children (older and younger ones) and their message was adapted to their recipients’ developmental age. In other words, children in social campaigns in 2012 served mostly their senders’ purposes, namely corporate social responsibility, maintaining a good public image and collecting funds for the objects of the company. Our findings are consistent with other Polish authors’ research (Chlipała, 2010; Daszkiewicz, Waniowski, 2010).

The other source of information is the study of the most interesting social campaigns chosen by sociology students during their student internships. MA students collected the most relevant Polish (41) and foreign (54) social campaigns dedicated to children from eleven years (2001-2012), however in this article we have limited ourselves merely to the Polish ones. The senders of the campaigns were mostly foundations specializing in children’s issues. The majority of the campaigns were supported by The Nobody’s Children

Foundation which clearly predominated over other foundations, such as ABCXXI, Parasol (Umbrella), Mamy i Taty (Mums and Dads), etc. State institutions were also senders of the campaigns, e.g. the Ombudsman for Children, Ministry of Labour and Social Policy and National Police Headquarters ("Childhood without violence" led since 2001) as well as the Ombudsman ("Bad Touch", the second stage of the campaign). Firms that are run for profit, or commercial companies, which were senders of the campaigns were: a dairy company Danone with the campaign "Podziel się posiłkiem" ("Share your meal"), the Union of the Brewing Industry Employers in Poland with their campaign "Pozory mylą, dowód nie" ("Appearances can be deceptive, an ID is not") against selling alcohol to minors led together with National Police Headquarters, as well as advertising agencies (the above-mentioned IAA in Poland, Fischer&Zubek PR Partners – the campaign "Narkotyki? Na co mi to?" - "Drugs? What do I need them for?"). One may then confirm the existence of a certain relationship between commercial and charity activities. The results of our research confirm Magdalena Dudkiewicz's (2013) findings concerning the connection between business interests and aid institutions.

Business uses children as a carrier of persuasive contents (encouragement to drink milk or drinking alcohol in compliance with the law, that is the ban on selling alcohol to minors) and image ones (a positive self-presentation of a company as one taking care of children and teenagers or a socially responsible company, within the corporate social responsibility strategy). Children media campaigns were led mostly by large media foundations (Polsat, TVN and Agora) and state institutions (Ministry of Labour and Social Policy, the Ombudsman for Children). Consequently, "grass roots" organizations, rank-and-file ones, did not appear in the list of social campaigns at all. Magdalena Dudkiewicz also stressed this fact on the basis of her analyses of helping different categories of people, not just children. "Such a procedure however (that is gaining a status of a non-governmental organization by large media foundations and using one percent of citizens' tax – our annotation – LM, KO) is questionable, (...) as commercial entities use public funds" (Dudkiewicz, 2013, p. 232). Unique examples of smaller organizations are: Municipal Social Assistance Centre in Katowice with the campaign "Dzieci mają głos – usłysz go" ("Children have a voice – listen to it"), municipal offices in Łódź (the campaign "Tylko słabi gracze biorą dopalacze" - "Only poor players take designer drugs") and Kraków (the campaign "Dając pieniądze, odbierasz dzieciństwo" - "By giving money you take away childhood" led together with Social Prevention and Education Centre Umbrella). We can see that among self-government entities merely the biggest cities managed to organize social campaigns for children who are victims of domestic violence, who are addicted or who beg.

Out of 41 social campaigns the ones against family violence, such as “Nie zamykaj oczu na przemoc wobec dzieci” (“Do not turn a blind eye to violence against children”), and against sexual violence constituted a majority (12). Then came campaigns against drug addiction (“Drugs? What do I need them for?”), including campaigns against the so-called designer drugs (“Only poor players take designer drugs”), and campaigns promoting good parenting ideas, e.g. “Słowa dają moc” (“Words give power”) (4 each). Campaigns which aimed at helping the hungry and the poor (“Pajacyk” – “Little clown”) and campaigns against Internet and computer addiction followed (3 each). There were also single examples of campaigns encouraging to have more children, encouraging to drink milk, against orphanhood and loneliness, promoting healthy diet, promoting respect for intergenerational bonds (“Dziadkowie i wnuki – wspólna historia” – “Grandparents and grandchildren – common history”) and finally against divorces as being harmful for children.

It may be worth mentioning here that foreign social campaigns dedicated to children were similar to the Polish ones in terms of the frequency of campaigns against domestic violence and sexual violence, against addictions and poverty as well as campaigns helping orphans and adoptive families. Differences occurred as far as such phenomena as children obesity, child labour and decrease of the infant mortality rate were concerned. Such issues did not occur in the Polish material collected by students and among campaigns in 2012.

Polish social campaigns led in the last decade were above all designed to counteract negative phenomena, such as violence, addictions, poverty, starvation and sexual abuse on the Internet. They fulfilled the assumed functions, referred to by Bogunia-Borowska in the following way: “Social campaigns are supposed to purify the society of superstitions, injustice, conventional perception of reality, to teach how to be active and involved in the process of solving social problems (Bogunia-Borowska, 2004, p. 130). Positive role models were present in few campaigns promoting good parent-child communication and developing one’s interests (the campaigns “Cała Polska czyta dzieciom” – “All of Poland Reads to Kids” and “Mądra szkoła czyta dzieciom” – “A Smart School Reads to Kids” may serve as examples). In other words, campaigns were led for social groups and categories exposed to social exclusion (victims of violence, the poor, the lonely, the disabled, etc.)

Social marketing promoting good role models, showing successes, the power of children and parents, democratic group relations or building attentiveness and mutual respect constituted just a small percent of campaigns in Polish mass media (mostly television and the Internet). We may conclude that in the collected material campaigns stressing what should not be done or stressing the ways one should not behave in were dominant, with violence against children being particularly condemnable. The senders direct their attention mostly to the danger of exclusion and to potentially marginalized social groups.

Children and parents who achieved a success in the upbringing process or good relations in peer groups are exceptionally rare in Polish social campaigns. In our opinion, a balance between campaigns that warn, show potential danger and condemn inappropriate behaviour and the ones that demonstrate and publicize good role models and positive examples would be advisable.

CONCLUSIONS

The study of social campaigns relating to children enabled us to draw the following conclusions. Firstly, most of them were “image” campaigns. They aimed at building a positive image of companies, mostly the ones that operate in media business (private television stations and the press). Secondly, most of the campaigns were implemented in favour of a few foundations while thousands of other child welfare organizations were not present in the media. Thirdly, there was a significant spatial diversification among companies ordering advertisements as senders from Warsaw, Silesia and Malopolska predominated. Also Ministry of Labour and Social Policy as well as the Ombudsman for Children implemented social marketing programs in favour of children. Finally, a policy against domestic violence, sexual abuse and addictions was the topic of campaigns led both by state institutions and private foundations. To sum up, we may conclude that children’s social campaigns were mostly directed to adults, they served to build a positive image of private media and state authorities and that they mostly concentrated on the fight against addictions and violence.

Table 1. A list of social campaigns concerning “children” in 2012

No	NAME	SLOGANS	GENERAL CATEGORY	DURATION	SENDER	CONTRACTOR	RECIPIENT	MEDIA
1	”Wystarczy jeden gest by podarować dzieciom dom” (“One gesture is enough to give home to children”)	”Wystarczy jeden gest by podarować dzieciom dom” (“One gesture is enough to give home to children”)	image, 1%, social assistance	16.01-30.04	SOS -wioski dziecięce (SOS – Children’s Villages)	Saatchi pro bono	taxpayers	the press, radio, TV, outdoor, the Internet, cinema
2	„Pomagają, oglądając reklamy” (“They help by watching commercials”)		image, 1%, social assistance, Corporate Social Responsibility	22.11-07.12	Fundacja POLSAT (POLSAT Foundation)	POLSAT Foundation	POLSAT viewers	TV

3	„Umieram z głodu” („I’m starving”)	„In Chad every seven minutes one child dies of hunger. You can change it”	image, 1%, development assistance	12.11-31.03	UNICEF Polska (UNICEF Poland)	Foureyescre w FDR Studio, PanMedia, UNICEF Poland	potential benefactors	TV, the Internet, cinema, buses, airports, stations, fitness clubs
4	„Zmień głodne dzieciństwo na godne dzieciństwo” („Change hungry childhood into dignified childhood”)		consumerism and consumers social assistance, Corporate Social Responsibility	16.10-31.12	Polski Czerwony Krzyż (Polish Red Cross)	Saatchi Poland	potential benefactors customers	ambient media, billboards, leaflets, the Internet
5	„Powrót do szkoły” („Back to school”)	„Wybierz właściwie! Podaruj dzieciom przyszłość” („Choose well! Give future to children”)		22.08-30.09	SOS -wioski dziecięce w Polsce (SOS – Children’s Villages in Poland)	Team One	general public, adults	TV, the press
6	„Klub Pancernika klika w fotelikach” („Armadillo Club’s members click in their safety seats”)	„Nasza przyszłość w Waszych fotelikach” („Our future in your safety seats”); „Pancernik przypomina-rodzic zapina” („The armadillo reminds – parents fasten the belts”)	road traffic safety	01.08-31.08	Instytut Transportu Samochodowego (Motor Transport Institute)	Fabryka Komunikacji i Społecznej (Social Communication Factory)	parents and children	billboards TV, the Internet
7	„W którym świecie żyjesz?” („Which world do you live in?”)	„Ci, którzy żyją w wirtualnym świecie, tracą prawdziwe życie” („Those who live in the virtual world lose their real lives”)	prevention, health, addictions	17.07-30.09	Fundacja Dzieci Niczyje The Nobody’s Children Foundation), Naukowa i Akademicka Sieć Komputerowa Research and Academic Computer Network), Polskie Centrum Programu Safer Internet (Polish Safer Internet Centre)	Klicksafe, Polish Safer Internet Centre	children, teenagers, parents and legal guardians	TV, radio

8	„Reszta w Twoich rękach” („The rest is in your hands”)	„Pomóżmy dzieciom w Gruzji cieszyć się szkołą” („Let us help children in Georgia enjoy school”)	consumerism and consumers, Corporate Social Responsibility	31.05-30.09	UNICEF Polska (UNICEF Poland), Mennica Polska (Mint of Poland)	White Rabbit	consumers	TV, the Internet, the press, cinema
9	„Słowa ranią na całe życie” („Words hurt for the whole life”)	„Słowa ranią na całe życie. Pomyśl o tym, zanim zranisz dziecko słowem” („Words hurt for the whole life. Think of it before your start hurting your child with words”).	communication in a family, fight against violence	17.04-31.05	Fundacja Dzieci Nicij (The Nobody's Children Foundation)	Publicis	general public, adults, parents and legal guardians	the press, radio, outdoor, the Internet, ambient media
10	„Powiedz księgowej” („Tell your accountant”)	„A ty już powiedziałeś? Małopolskie hospicjum dla Dzieci czeka na twoją decyzję” („Have you told yet? Malopolska Children's Hospice is waiting for your decision”)	Image, 1%	22.03-30.04	Małopolskie Hospicjum dla Dzieci (Malopolska Children's Hospice)		Taxpayers	the Internet
11	„Dbaj o fejs” („Take care of your face”)	„Dbaj o fejs; kiedy publikujesz, kiedy wrzucasz zdjęcia” („Take care of your face when you share and upload photos”)	defense and security, CSR	20.03-31.12.	Fundacja Dzieci Nicij (The Nobody's Children Foundation), Naukowa i Akademicka Sieć Komputerowa (Research and Academic Computer Network)	VA strategic communications	Young social networks' users	the Internet
12	„Kampania 1% Fundacji Agory” (Agora Foundation 1% Campaign”)	„To nie jej wina, że na nią wypadło. Pomóż wyrównywać szanse dzieci z różnych środowisk” („It is not her fault that it happened to her. Help to create a level	image, 1%, fight against social exclusion	19.03-31.04.	Fundacja Agory (Agora Foundation)	Agencja Bardzo (Bardzo Agency), Lighcraft, Studio Papryka i Synowie (Paprika Sound Factory)	taxpayers	the press, outdoor, the Internet, radio, cinema

		playing field for children of different backgrounds")						
13	„Marzenia o nauce” („Dreams of studying”)	„1%Twojego podatku może spełnić niejedno marzenie o dalszej nauce” („1% of your tax can make more than one dream of further studying come true”)	image, 1%, fight against social exclusion	19.03-30.04	Edukacyjna Fundacja im. prof. R. Czerneckiego EFC (The Roman Czernecki Educational Foundation)	Duende Doradztwo (Duende Foundation), PZL, Papaya Studio	taxpayers	the press, the Internet
14	„1% dla przyjaciela” („1% for a friend”)	„Dogoterapia budzi radość życia i chęć do działania. Jeden 1% Twoich podatków oznacza szczęśliwy finał wielu takich historii” („Dog assisted therapy awakes the joy of life and willingness to act. 1% of your tax supports happy endings of many such stories”)	image, 1%	08.03-30.04	Fundacja Przyjaciół („A friend” Foundation)	Rosenbot	general public, disabled children’s parents, therapists, physiotherapists, volunteers	the Internet
15	„Dom dziecka nie dla dziecka” („Orphanages not for children”)	„Dom dziecka nie dla dziecka” („Orphanages not for children”)	image, 1%, communication in families	01.03-31.03	Towarzystwo Nasz Dom (Our Home Association)	Goodway Studio, Efektura	adults, taxpayers	TV, the Internet
16	„Ty decydujesz, komu przekażesz 1% podatku” („You decide to whom you donate 1% of your tax”)	„Ty decydujesz, komu przekażesz 1% podatku” („You decide to whom you donate 1% of your tax”)	image, 1%	06.02-30.04	Fundacja ProART (ProART Foundation)	ProART Foundation	taxpayers	the Internet
17	„Gramy dalej” („We play on”)	„Przekaż 1% podatku dla hospicjum Cordis w Katowicach” („Donate 1% of your tax to Cordis Hospice in	image 1%, social assistance	10.01-30.04	hospicjum Cordis (Cordis Hospice)	Katamaran, Agencja Reklamy OKAY radia Katowice (Radio Katowice Okay Advertising	taxpayers	TV, radio, the Internet

		Katowice"))				Agency)		
18	Fundacja POLSAT – „Jesteśmy dla dzieci” (POLSAT Foundation – „We are for children”)		image, 1%, CSR	13.01-29.02	Fundacja POLSAT (POLSAT Foundation)	POLSAT Foundation	general public	TV
19	„Grunt to rodzina” (“Family is the basis”)	„Grunt to rodzina” (“Family is the basis”)	Fight against social exclusion	09.12-30.12	Fundacja Św. Mikołaja (St. Nicholas Foundation)	St. Nicholas Foundation	general public, adults	the press, radio, TV, billboards, posters in means of public communication

BIBLIOGRAPHY

Bogunia-Borowska, M. (2004). Reklama jako tworzenie rzeczywistości społecznej, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Chlipała, P. (2010). Komunikowanie wartości w świetle analizy kampanii społecznych. In: Poznań: Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Poznaniu, nr 135.

Daszkiewicz, M., Waniowski, P. (2010). Wykorzystanie komunikacji marketingowej w kreowaniu wizerunku polskich fundacji. In: Poznań: Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Poznaniu, nr 135.

Dudkiewicz, M. (2013). Populiści dobroczynności. Medialne informowanie o pomaganiu. Warszawa: Instytut Spraw Publicznych.

Evans, D.W. (2008). Social Marketing Campaigns and Children’s Media Use. In: The Future of Children, vol. 18, nr 1, Spring 2008, pp. 181-203.

Keler, K., Nózka, M. (2007). Granice i zastosowania reklamy społecznej, Zeszyty Pracy Socjalnej (zeszyt 13), Kraków: Instytut Socjologii Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Rudawska, I. (2010). Marketingowe kampanie społeczne o tematyce zdrowotnej. In: Poznań: Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Poznaniu, nr 135.

O’Keefe, G., Clarke-Pearson, K. (2014). The Impact of Social Media on Children, Adolescents, and Families. In: Pediatrics, 2011, 127, p. 801-802.

Zajączkowska, J. (2014). Zdrowie w polskich kampaniach reklamowych. In: K.Keler, M.Nózka. Granice i zastosowania reklamy społecznej, Zeszyty Pracy Socjalnej (zeszyt 13), Kraków: Instytut Socjologii Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Петр Длугош*

ПОТЕРЯННОЕ ЛИ ПОКОЛЕНИЕ? ПАТРИОТИЗМ, ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ НАРОДАМ И ОЦЕНКА ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПОЛЬШЕ УКРАИНСКИХ СТУДЕНТОВ

Статья представляет результаты социологического опроса студентов из Украины, обучающихся в Польше (выборка квотная, опрошено 250 человек). Результаты исследования показывают, что только треть опрошенных выражают патриотические чувства к своей стране и народу. Патриотизм⁴² респондентов проявляется главным образом в чувстве гордости от принадлежности к украинскому народу, а также в уважении государственных символов. Намного меньшее количество респондентов заявило о готовности связать свою жизнь в будущем с Украиной, а также бороться за ее независимость. Наибольшей симпатией среди респондентов пользуются поляки, а наименьшей – русские. На вопрос о своих жизненных шансах по отношению к поколению родителей респонденты отвечают, что сегодня эти шансы выше, и можно в большей мере, чем было прежде, реализовывать свои намерения и жизненные устремления.

Ключевые слова: украинские студенты в Польше, патриотизм, социальная дистанция, потерянное поколение, жизненные шансы.

Дискурс потерянного поколения в общественных науках имеет длинную историю. В межвоенный период в романе Эриха М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» была описана молодежь, вынужденная расстаться со своими мечтами и оставить свою молодость, сражаясь за родину на фронтах Первой мировой войны (Remarque, 2010).

Современное понимание «потерянного поколения» ретерпело изменения. Сегодня оно относится главным образом к анализу жизненных шансов молодежи. Прежде всего подчеркивается его экономический аспект. Потерянное поколение проявляет себя в ситуации кризисов, которые ударяют по молодежи и ограничивают ее жизненные шансы на рынке труда, на жилищном и потребительском рынках. Молодежь, подвергнутая блокаде входа во взрослую жизнь, *implicite* именуется потерянным поколением (Niezgoda, 2014). При попытке поставить более точный диагноз молодежи, является ли она потерянным поколением, следует принять во внимание два вопроса: объективные характеристики ситуации данного поколения (экономическую, политическую,

* **Петр Длугош** – PhD, социолог, Жешувский университет, Высшая государственная восточноевропейская школа в Перемышле.

Научные интересы: социология образования, социология молодежи, молодежь украинско-польского пограничья.

E-mail: ptc@wp.pl

институциональную среду) и субъективные – самооценку собственной ситуации (Niezgoda, 2014, с. 12).

Вслед за Мангеймом, можно предположить, что в странах постсоветского пространства, в условиях происходящих там трансформационных процессов молодежь является ценным ресурсом, способствующим модернизации этих обществ (Mannheim, 2011). В связи с этим эмиграция молодежи, особенно отток динамичных, креативных, инновационных людей, будет большой утратой для этих государств. В такой ситуации пребывает и Украина, в которой происходят радикальные изменения, к тому же и военные действия.

Обозначим несколько аргументов, которые указывают на ценность молодежи в Украине для развития общества. Во-первых, молодежь может составить будущие экономические и политические кадры реформирующегося государства. Во-вторых, в современных парадигмах социальных перемен главную роль играют индивидуумы, личности, граждане (Sztompka, 2005). Именно они своими действиями и активностью могут привести к социальным переменам.

В-третьих, особенную роль в этих переменах могут играть молодые люди, которые не обременены старыми навыками родом из прошедшей эпохи (*homo sovieticus*) (Sztompka, 2000) и которые находятся, в какой-то мере, вне системы (Mannheim, 2011). Они только подготавливаются к выполнению ролей во взрослом обществе. В связи с этим важен вопрос, хотят ли те, кто может выполнять важные функции, и те, кто своими действиями в своей повседневной жизни может укреплять новый порядок, работать на благо своей родины.

Если они не хотят на родине учиться, жить, работать, уезжают за границу и не намерены возвращаться назад, не отождествляют себя с государством, народом, то в этом случае они являются, можно сказать, потерянным поколением для Украины.

В эти важные моменты, когда Украина находится на драматической исторической развилке, патриотизм молодежи может быть ресурсом, который будет использован для модернизации страны.

Целью настоящей статьи является предоставление ответов на следующие вопросы:

1. Насколько патриотично настроена по отношению к Украине молодежь, которая выехала из Украины и учится в Польше. Каким образом пребывание в Польше отражается на отношении к собственной стране?
2. Каким является отношение к другим народам?
3. Как они оценивают свои жизненные шансы? Оценивает ли молодежь хуже или лучше, по сравнению с поколением родителей, свои возможности для реализации целей и жизненных устремлений?

Статья базируется на результатах эмпирического исследования, осуществленного в марте 2015 г. среди студентов государственного и частного высших учебных заведений. Оба вуза расположены в Подкарпатье (регион Польши, граничащий с Украиной): один – в Перемышле, второй – в Жешуве. Выбор вузов для исследования был осуществлен целенаправленно.

Объем выборки составил 250 студентов, из которых 146 (58%) участв в Жешуве, 104 (42%) – в Перемышле. Большинство опрошенных приехали на обучение из Западной Украины (60%). Треть студентов – из Центральной Украины (34%), а Восточной – только 6%. Среди респондентов женщины составили 55%, а мужчины – 45%. Большая часть студентов заканчивала общеобразовательные школы– 84%, выпускники техникумов – 10%, а 6% –профильные лицеи. Значительно чаще респонденты были представителями города (77%), чем села (23%). Свою материальную ситуацию как плохую оценили 23%, как среднюю – 60%, как хорошую – 17%.

ПАТРИОТИЗМ

Первый рассматриваемый нами вопрос касается отношения к собственному народу. Нас интересует восприятие украинскими студентами своего народа, пребывающими за границей. Изменяется ли после выезда из своей страны отношение к собственному народу?

Данные таблицы 1 показывают, что почти половина респондентов считает, что украинцы как народ похожи на другие народы, не выделяясь ни в положительную, ни в отрицательную сторону. Треть из них не смогла ответить на этот вопрос, 15% констатировало, что украинцы лучше других народов, у них больше ценных черт. 8% респондентов выбрали ответ, что у украинцев меньше ценных черт, чем у других народов. Следовательно, среди опрошенных студентов доминирует мнение, что украинцы являются таким же народом, как и другие.

Таблица 1. Сравнительная характеристика украинцев
с другими народами (в%)

Согласен ли ты с утверждением, что в украинцев больше ценных качеств, чем у других народов?	%
У украинцев больше ценных качеств, чем у других народов	15
У украинцев меньше ценных качеств, чем у других народов	8
Украинцы не отличаются в этом отношении от других народов	46
Трудно ответить	31

Отвечая на вопрос (таблица 2), чувствуют ли обучающиеся в Польше украинские студенты гордость за свое государство и народ, почти треть констатировала, что чувствует исключительно гордость. Пятая часть анкетированных указали, что с чувством гордости иногда чувствовали и стыд. Для трети эти чувства двойственны, появляющаяся гордость соседствует со стыдом. Только 4% испытывает чувство стыда. Не смогли на этот вопрос ответить четверть опрошенных. Данные показывают, что свыше трех четвертей опрошенных студентов имеют положительные эмоции, связанные со своей страной и народом.

Таблица 2. Ощущение гордости за свое государство и народ украинскими студентами, обучающимися в Польше (в%)

Что ты ощущаешь, думая об Украине и украинцах	%
Исключительно гордость	27
Гордость, но иногда также стыд	22
Иногда гордость, иногда стыд	29
Стыд, но иногда также гордость	2
Исключительно стыд	2
Сложно сказать	20

Уезжая из Украины, студенты могут быть в некоторой степени быть далеки от проблем, которые в данный момент являются актуальными в Украине, и отчасти испытывать фрустрацию, что в своей стране они не могут получить желаемое образование, и желаемый уровень жизни (Długosz, 2015; Youth of Ukraine – 2015, 2015). Чувство фрустрации может проявляться как в позитивных, так и в негативных эмоциях по отношению к собственному государству, народу.

Интересен профиль студентов-патриотов, которые, несмотря на выезд из Украины, проявляют любовь к родине. Чтобы узнать, кем являются патриоты, был сконструирован индекс патриотизма⁴³. Респондентов, отметивших в двух вопросах положительное отношение к народу и государству, и получивших, соответственно, 2 балла, оказалось лишь 7%. Респондентов, выбравших один ответ, было 28%. Отсутствие выбора анализируемых ответов зафиксировано у 66% студентов.

В таблице 3 представлен регрессионный анализ влияния выделенных переменных на патриотизм студенческой молодежи.

⁴³ Индекс создан на базе двух ответов: «У украинцев больше ценных качеств, чем у других народов» на вопрос «Согласен ли ты с утверждением, что у украинцев больше ценных качеств, чем у других народов?» и «Исключительно гордость» – на вопрос «Что ощущаешь ты, думая об Украине и украинцах».

Таблица 3. Анализ регрессионной переменной патриотизм

	В	Значимость
Оптимизм	0,375	000
Материальные условия	-0,287	000
Профессиональный статус	0,219	0,16
Место проживания	0,283	001
Количество баллов в аттестате зрелости	0,225	001
Удовлетворенность жизнью	0,327	000

Регрессионный анализ объясняет целых 38% дисперсии зависимой переменной, которой является патриотизм. Наибольшую величину среди других переменных получил оптимизм $\beta=0,327$. Если кто-то убежден, что в Украине молодежь имеет шансы на реализацию жизненных целей и верит, что в ближайшее время произойдет улучшение этой ситуации, то это положительно сказывается на уровне патриотизма. Удовлетворенные жизнью студенты чаще склонны к патриотизму $\beta=0,327$. Чем лучше материальные условия, тем меньше патриотизм. Богатство не способствует любви к родине $\beta=-0,287$. Более низкий профессиональный статус увеличивает уровень патриотизма $\beta=0,219$. Чаще, чем у городских, патриотизм проявлялся у студентов из сельской местности $\beta=0,283$. На любовь к родине влияли также школьные достижения. Чем больше баллов, тем выше патриотизм $\beta=0,225$.

Подытоживая, можно сказать, что любовь к родине была в корреляционной зависимости с общим оптимизмом. Более высокий уровень патриотизма определен у тех респондентов, которые считали, что положение молодежи ближайшие годы улучшится, и которые были удовлетворены жизнью.

УКРАИНСКИЕ СТУДЕНТЫ В ПОЛЬШЕ И УКРАИНСКИЕ СТУДЕНТЫ В УКРАИНЕ О ПАТРИОТИЗМЕ

Обучающиеся в Польше украинские студенты ответили также на вопрос, касающийся разных аспектов патриотизма. С одной стороны, благодаря этому вопросу были измерены более глубокие слои патриотизма. С другой – полученные ответы были сравнены с ответами, предоставленными студентами, обучающимися в Украине, с целью проверки, имеет ли эмиграция из страны существенное влияние на уровень патриотизма.

К вопросу была применена семибалльная шкала, на которой респонденты должны были выразить свое отношение к родине. Полюса шкалы отображали положительное или отрицательное отношение, а центральная позиция носила нейтральный характер (таблица 4).

Такое сравнение является возможным благодаря использованию аналогичного вопроса, на который отвечали студенты из всех регионов Украины в рамках исследования, проведенного Харьковскими социологами (2008-2009 гг., объем выборочной совокупности 3058 студентов, руководиталь проекта – Л. Сокурянская) (Арбеніна, 2012, с. 59).

Результаты сравнения ответов двух групп студентов оказались довольно любопытны. Что касается чувства гордости за украинское гражданство, то было зафиксировано, что чаще эту гордость демонстрировали украинские студенты, обучающиеся в Польше. Они также реже декларировали негативное и безразличное отношение к этому вопросу. Подобным образом был оценен аспект украинской самоидентификации, измеряемый утверждением, что Украина – это моя родина. Здесь обе группы студентов проявили почти идентичный подход. Кроме того, и студенты, обучающиеся в Польше, и студенты из украинских вузов выразили желание трудиться на благо родины.

Разница появилась в очередном анализируемом аспекте. Студенты, учащиеся в Польше, реже, чем студенты, обучающиеся в Украине, признавались, что свою судьбу и свое будущее связывают с Украиной. Разница составляла 13 процентов.

Таблица 4. Разные аспекты патриотизма среди украинских студентов, обучающихся в Польше и Украине (в %)

	Студенты, обучающи еся в Польше	Студенты, обучающи еся в Украине	Студенты, обучающи еся в Польше	Студенты, обучающи еся в Украине	Студенты, обучающи еся в Польше	Студенты, обучающи еся в Украине	
Я горжусь, что являюсь гражданином Украины	Положительное отношение		Нейтральное отношение		Негативное отношение		Мне стыдно, что я – гражданин Украины
	77	60	13	23	10	16	
Украина – это моя родина	81	78	10	12	9	10	Украина для меня – чужая страна
Я хочу работать на благо	60	63	22	23	18	14	Я не считаю, что нужно что-либо сделать на благо страны
Свою судьбу и будущее я связываю с Украиной	43	56	26	25	31	20	Я мечтаю сбежать из этой страны
Я очень уважаю символы Украины,	86	68	5	22	9	10	Символы Украины вызывают у меня

такие как: гимн, флаг							отрицательные чувства
Я готов отдать жизнь за Украину в случае угрозы для ее суверенности и целостности	54	56	19	25	28	17	Суверенность и целостность Украины не столь важны для меня, чтобы я отдавал за них жизнь

Чаще, по сравнению со студентами украинских вузов, уважение к символам Украины выражали студенты из Украины, обучающиеся в Польше. Разница составляла 18%. Готовность отдать жизнь за Украину декларировало, по сравнению со студентами, обучающимися в Украине, немного меньшее количество студентов в польских вузах.

Результаты сравнения ответов обеих групп студентов, таким образом, показывают, что анализ отношения к национальной символике показывает, что более патриотичными являются украинские студенты польских вузов. В свою очередь, студенты, обучающиеся в Украине, в большей мере представляют патриотизм как «действие».

Если речь идет о работе для Украины и чувстве гражданской идентификации, то отношение к этим вопросам было идентичным в обеих группах. Возможно, обучающиеся в Польше студенты компенсируют эмиграцию из Украины сильным патриотизмом в символической области. Они не видят для себя в Украине жизни и будущего, но, обучаясь за границей, стараются помнить о родине и хорошо о ней говорить. Можно сказать, вслед за Станиславом Оссовским, что для обучающихся в Польше украинских студентов патриотизм входит в область праздничных ценностей, а для студентов украинских вузов – это ценность повседневная (Ossowski, 1967). Само решение остаться и учиться в Украине является доказательством того, что эти студенты не только положительно высказываются о своей родине, но, прежде всего, действительно хотят строить ее лучшее будущее. Таким образом, можно утверждать, что, с одной стороны, мы имеем дело с «патриотизмом слова», а, с другой, – с «патриотизмом действия».

ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ НАРОДАМ

В исследовании был предусмотрен также вопрос об отношении к другим народам. В связи с тем, что студенты учатся за границей, им был задан также вопрос об отношении к другим народам при помощи классической шкалы Э. Богардуса. Эта шкала использовалась для

измерения расовых, этнических, религиозных дистанций. На этой 7-бальной шкале показателем наименьшей дистанции было разрешение на бракосочетание с представителем данной нации респондента или члена семьи, а наибольшая дистанция выражалась желанием изгнания представителя данного народа из Украины. Чем ниже среднее арифметическое, тем меньше социальная дистанция и больше симпатия к народу.

Наибольшей симпатией респондентов (таблица 5) пользовались поляки (2,17), затем – немцы (3,14). Среди дружественных народов были чехи (3,70), литовцы (3,80), белорусы (3,83) и словаки (3,98). Более значительную дистанцию анкетируемые определяли к венграм (4,37), румынам (4,60), и наибольшую – к русским (6,05).

Таблица 5. Социальная дистанция украинских студентов к народам

	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение
поляк	2,17	1,519
немец	3,14	1,936
чех	3,70	2,058
литовец	3,80	1,876
белорус	3,83	1,797
словак	3,98	1,915
венгр	4,37	2,001
румын	4,60	2,041
русский	6,05	2,477

Что касается русских, то появляется также наибольшая величина стандартного отклонения, которая может означать, что отношение к ним анкетируемых было непоследовательным (характеризовалось большим разбросом ответов). Одна часть демонстрировала большую неприязнь, а другая – выражала положительное отношение. Самая низкая величина отклонения была у поляков, что может свидетельствовать о позитивном отношении всей группы опрошиваемых.

О том, что Польша является привлекательной страной для украинской молодежи, говорит тот факт, что украинцы чаще всего сюда приезжают учиться. Следует также помнить, что у части украинских студентов могут быть польские корни, особенно у учащихся в Перемышле.

В подробной раскладке ответов в таблице 6 видна структура дистанции к разным народам опрошенных студентов в Польше. Согласие на бракосочетание, свое или члена семьи, чаще всего появлялось относительно поляков и немцев. Среди наиболее часто приглашаемых

домой близких друзей указывались немцы, чехи, поляки. Набирать в группу приятелей чаще всего хотели литовцев и белорусов. Наиболее приемлемым соседом для анкетируемых был бы литовец и венгр. Своим начальником студенты выбрали белоруса, венгра. Право на свободное проживание в Украине наиболее часто предоставлялось словакам и румынам. Введения въездных виз опрашиваемые хотели в отношении русских, румын и венгров. Ответ «запретить въезд в страну» доминировал относительно русских.

Таблица 6. Отношение к другим народам по шкале Богардуса (в%)

	Бракосочетание с тобой или с родственниками	Был близким другом, приглашаемым домой	Был членом группы приятелей, к которой ты принадлежишь	Был соседом в моем доме или следующем	Был начальником на будущей работе	Мог иметь право на свободное проживание в Украине	Введение въездных виз в Украину	Изгнание из Украины
поляк	44	28	12	8	1	6	0	1
немец	19	36	9	7	13	10	4	2
русский	3	12	12	2	2	3	16	49
литовец	8	22	18	22	5	18	2	5
белорус	7	24	18	11	15	20	5	0
румын	5	18	9	12	13	23	13	6
венгр	8	20	7	15	14	21	13	3
словак	8	24	13	13	11	25	5	2
чех	11	29	17	8	9	17	7	4

На основании исследования подтверждаются предположения, что симпатия украинских студентов, обучающихся в Польше, к полякам достаточно высокая. Почти половина анкетируемых заявила, что соглашается на супружество, свое или кого-то из родственников, с представителями этой нации. Вероятно, симпатия к полякам является результатом культурной, языковой близости, а также помощи и поддержки, которую предоставляет Польша Украине. В глазах студентов Польша является западной страной и, в частности, поэтому украинская молодежь выбирает учебу в нашей стране. Если уровень симпатии к полякам будет по-прежнему настолько высок, то в будущем можно рассчитывать на приток украинской молодежи на учебу в вузы Польши.

ОЦЕНКА ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ

Молодежь сегодня принято считать прекариатом (Standing, 2015). Отсутствие профессиональных перспектив связано с исключением из потребительского рынка и низкой социальной позицией. Когда-то Ульрих Бек утверждал, что в данный момент целые поколения подвергнуты коллективной деградации (Beck, 2002). Гай Стэндинг считает, что сегодняшняя молодежь выталкивается с рынка труда, работает по краткосрочному контракту (договор подряда, заказа), несмотря на лучшее образование, она трудоустроена ниже своей квалификации и зарабатывает меньше, чем ее ровесники несколько лет назад (Standing, 2015). Впервые в истории молодежь не перепрыгнет позицию родителей (Bauman, 2012).

Это первое поколение, которое будет подвержено многообразным отклонениям от традиционного хода развития поколений. Продолжающийся конфликт на востоке Украины негативно влияет на всю экономику. Главной жертвой войны с Россией могут быть молодые люди. Во всем мире ухудшающаяся экономическая конъюнктура наносит удар, в первую очередь, по молодым. Не создаются новые рабочие места, сокращаются штаты сотрудников и снижается заработная плата. В результате происходит бунт молодежи, который проявляется эмиграцией из страны или же протестами против власти и общественного порядка. В Украине уже реализовывался сценарий бунта. Сегодня рождается вопрос – какие жизненные стратегии возьмет теперь на вооружение молодежь. Стратегии эти будут зависеть от определения ситуации сегодняшних общественно-экономических реалий в Украине.

Таблица 7. Оценка жизненных шансов по отношению к своим родителям (в%)

По отношению к поколению твоих родителей твоих шансов на:	Меньше	Столько же	Больше	Сложно сказать
Хорошее образование	7	24	65	5
Достойный уровень жизни	6	28	54	12
Счастье и успех в жизни	6	44	40	10
Приносящую удовлетворение работу	9	19	62	9

Представленные в таблице 7 данные показывают, что студенты, скорее всего, не думают о себе как о «потерянном поколении». Большинство из них считает, что их жизненные шансы в данный момент превышают шансы родителей, которые у них были более десяти лет назад. Целых 65% констатировали, что имеют более высокие шансы на хорошее образование, 62% считают, что в настоящее время легче найти хорошую работу, 54% уверены, что легче достичь высокого уровня жизни. И только в оценке шансов на счастье и жизненный успех опрашиваемая молодежь

более скептична, поскольку только 40% согласились, что эти шансы теперь выше.

Глобальная оценка жизненных шансов очень оптимистична, и, исходя из этих данных, сложно согласиться с тезисом, что это поколение является потерянными. Внимания заслуживает тот факт, что оценивая свои перспективы молодежь не учится в Украине, и только 15% намерены после окончания учебы вернуться в Украину, 52% хотят остаться в Польше, а 34% – выехать на запад.

На следующем этапе анализа был создан индекс жизненных шансов, в котором были суммированы все ответы, отмечающие более высокие жизненные шансы. Его минимальная величина составила 0, а максимальная – 4.

Таблица 8. Индекс жизненных шансов (в%)

Величина индекса	0	1	2	3	4
жизненных шансов	20	12	28	20	20

Проведенный нами регрессионный анализ дал возможность отследить факторы, влияющие на убежденность в лучших жизненных шансах молодого поколения. Из полученных результатов следует, что вставленные в модель переменные объясняют 43% вариативности зависимой переменной, каковой является индекс жизненных шансов.

Представленные в таблице 9 предикторы показывают, что на оценивание жизненных шансов молодежи влияют статус семьи респондента, его пол и школьные достижения. Чем ниже образование отца, тем лучше оценка шансов молодежи $\beta = -0,230$. Чем ниже профессиональная позиция отца, тем выше убежденность в увеличенных жизненных шансах молодого поколения $\beta = -0,322$. Студенты, которые не прибегали к помощи репетиторов, чаще были убеждены, что эти шансы более высоки. Чем выше оценки, тем выше уровень индекса жизненных шансов $\beta = 0,221$, и более это касается мужчин - $\beta = 0,207$.

Таблица 9. Анализ регрессионной переменной: индекс жизненных шансов

Объясняющие переменные	В	Значимость
Образование отца	-0,230	0,003
Профессиональная позиция отца	-0,322	0,009
Репетиторство	-0,255	0,003
Количество баллов в аттестате	0,221	0,011
Пол	0,207	0,017

Подытоживая, можно сказать, что мужчины с более низким социальным статусом, более высокими школьными достижениями, не пользующиеся услугами репетиторов, чаще убеждены, что в настоящее время легче, чем во времена их родителей, реализовать жизненные цели.

Это утверждение противоречит известным теориям, которые говорят о влиянии капитала на жизненные шансы и социальное воспроизводство (Bourdieu, 2005). Чем выше уровень социального, культурного, экономического капитала, тем выше шансы на достижение высокой социальной позиции. В анализируемых ответах наблюдается противоположная закономерность. Возможно, студенты из низших слоев в эпоху массового среднего и высшего образования чувствуют себя бенефициариями перемен и поэтому считают, что, по сравнению с поколением родителей, им живется лучше. Они также могут верить в меритократию и успех благодаря собственным заслугам.

В целом исследование показывает, что молодежь, в отличие от взрослых, лучше оценивает свою ситуацию. Мы можем наблюдать ситуацию, которую Энтони Гидденс называет поддерживаемым оптимизмом. Она появляется в ситуации риска и неопределенности (Giddens, 2008). Молодежь посредством такой реакции воодушевляет себя и защищается от пессимизма и отчуждения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что обучающиеся в Польше студенты, по сравнению со студентами, обучающимися в Украине, больше ценят национальные символы, такие как флаг и гимн, а также больше гордятся своей принадлежностью к украинскому народу. Студенты украинских вузов чаще намерены защищать родину от врага и более отчетливо намерены остаться в Украине. Наибольшую симпатию студенты, учащиеся в Польше, проявляют к полякам и немцам. Большинство опрошенных студентов считает, что не является потерянным поколением. Они лучше оценивают свои шансы на получение высшего образования, хорошую работу, высокие доходы, возможность основания семьи, достижение счастья. Чем ниже статус семьи респондента, тем чаще появляется убеждение, что молодежи живется лучше, чем родителям. Тезис о потерянном поколении, таким образом, не подтверждается. В сознании молодежи присутствует совершенно противоположный образ молодой генерации и ее жизненных шансов. Является ли исследованная молодежь потерянным поколением? Для Украины это может быть потерянное поколение, поскольку эта молодежь мигрировала на учебу за границу, но желания возвращаться в свою страну не очень торопится.

БИБЛІОГРАФІЯ

Арбеніна, В.(2012). Сутність, прояви та чинники формування громадянської ідентичності українського студентства. В: В. Арбеніна, Л. Сокурняська (ред.) Українське студентство у пошуках ідентичності. Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна.

Bauman, Z. (2012). To nie jest dziennik. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

Bourdieu, P. (2005). Dystynkcja. Społeczna krytyka władzy sądenia. Warszawa: Scholar.

Długosz, P. (2015). Zjawisko edukacji transgranicznej na przykładzie ukraińskich studentów na Podkarpaciu W: S. Schchudlo, P. Długosz (red.), Youth Policy: problems and prospects. Drochobycz-Rzeszów: Shvydkodruk.

Giddens, A. (2008). Konsekwencje nowoczesności. Kraków: Wyd. UJ.

Mannheim, K. (2011). Problem młodzieży w nowoczesnym społeczeństwie. W: K. Szafranec (red.), Młodzież jako problem i jako wyzwanie ponowoczesności. Toruń: Adam Marszałek. Remarque, E.M. (2010). Na Zachodzie bez zmian. Poznań: Rebis.

Niezgoda, M. (2014). Czy pokolenie może być stracone? W: S. Schchudlo, P. Długosz (red.), Youth Policy: problems and prospects. Drochobycz-Przemyśl: Shvydkodruk.

Ossowski, S.(1967). Z zagadnień psychologii społecznej. W: Dzieła, T 3, Warszawa: PWN.

Standing, G. (2015). Prekariat. Warszawa: PWN.

Sztompka, P. (2000). Trauma wielkiej zmiany. Społeczne koszty transformacji. Warszawa: ISP PAN.

Sztompka, P.(2005). Socjologia zmian społecznych. Kraków: Znak.

Youth of Ukraine – 2015, Kyiv 2015,

<http://www.gfk.com/ukua/insights/news/doslidzhennja-molod-ukrajini-2015> (access date. 20.12.2014).

Piotr Długosz

IS LOST GENERATION? PATRIOTISM, ATTITUDE TOWARDS OTHER NATIONS AND THE EVALUATION OF LIFE CHANCES OF UKRAINIAN STUDENTS STUDYING IN POLAND

The article presents the results of the survey research conducted among Ukrainian students studying in Poland on the sample of 250 respondents chosen with the use of the quota method. The results indicate that one-third of respondents have positive feelings towards their own country and nation. Patriotism among respondents is manifested mainly by pride of belonging to Ukrainian nation and respect to national symbols. To a far smaller degree the respondents plan to connect their future with Ukraine and fight for its independence. They feel the greatest sympathy to Poles. The greatest antipathy is felt to Russians. The respondents maintain that they have better life chances than their parents. They indicate that nowadays youth can get education more easily, get a good job, start a family and achieve happiness.

Keywords: *Ukrainian students in Poland, patriotism, social distance, lost generation, life chances.*

Piotr Długosz – PhD, sociologist, University of Rzeszow and East European State Higher School in Przemyśl.

Scientific interests: sociology of education and youth, youth of the Polish-Ukrainian borderland.

E-mail: ptc@wp.pl

Микола Сидоров *

ВИКОРИСТАННЯ ФАКТОРІАЛЬНОГО ДИЗАЙНУ ДЛЯ ВИВЧЕННЯ ЗНАЧУЩОСТІ ФАКТОРІВ ВИБОРУ СТУДЕНТАМИ РОБОЧОГО МІСЦЯ

У статті розглядаються пізнавальні можливості факторіального дизайну у дослідженні взаємозв'язку факторів, що впливають на вибір робочого місця студентами старших курсів на прикладі студентів магістратури факультету соціології Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Автор провів дослідження, у якому вдалося виділити низку факторів, що впливають на вибір робочого місця, та визначити їх пріоритетність і значущість для студента. У результаті було продемонстровано першочергову важливість таких факторів, як розмір зарплати, можливість кар'єрного та професійного зростання на робочому місці. Разом з тим значущість офіційності працевлаштування та роботи за фахом не була так сильно вираженою. Продемонстрована відмінність між перевагами чоловіків та жінок у виборі робочого місця.

Ключові слова: факторіальний дизайн в опитуванні, експеримент, віньєтка, регресійна модель, раціональний вибір робочого місця.

Вибір першого робочого місця після закінчення ВНЗ або під час навчання є важливим етапом у становленні особистості та фахівця. Роботодавцю важливо знати, що впливає на цей вибір, щоб забезпечити кращим потенційним молодим фахівцям умови, які б їх задовольнили, тим самим мінімізуючи витрати на процес взаємної адаптації. З іншого боку, ВНЗ мають брати до уваги ці фактори з огляду на ситуацію на ринку праці, щоб випускати більш підготовлених випускників для ринку праці. З огляду на це, дослідження чинників, що впливають на вибір першого робочого місця є надзвичайно актуальною проблемою.

Дослідженням проблем працевлаштування молоді займалось як багато вітчизняних науковців (Балакірєва, Валькована, 2006; Балакірєва, Яременко, Валькова, 2004), так і зарубіжних (Разумова, 2012; O'Higgins, 1997; Bundy, Norris, 2011; Chong Hui On, 2013; Dutta, Punnoise, 2010) та ін. Багато компаній проводили дослідження на цю тематику. Неодноразово робились спроби визначити та відсортувати за важливістю фактори, що впливають на вибір молоддю робочого місця. Так, Красноярським центром професійної орієнтації та психологічної підтримки населення у 2014 році

* **Микола Сидоров** – кандидат фізико-математичних наук, доцент кафедри методології та методів соціологічних досліджень факультету соціології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Наукові інтереси: методологія та методи соціологічних досліджень, використання сучасних методів збору та аналізу соціологічної інформації, використання парадигм у соціологічних дослідженнях, моделювання соціологічних процесів, аналіз невідповідей.

E-mail: msl23@ukr.net

було проведене дослідження (КЦПОиППН, 2014), у якому було проаналізовано причини звільнення з роботи та умови праці, які є найбільш важливими для осіб, які планують працевлаштуватися. Найвагомішим фактором вибору робочого місця у цьому дослідженні виявився розмір заробітної плати та стабільність роботи без загрози звільнення (по 4,65 балів на 5-бальній шкалі). Також високе значення мали легальність працевлаштування (4,61) та легальність виплати зарплати (4,54).

Дослідження 120 000 мешканців з 31 країни, серед яких 5 160 респондентів з Російської Федерації (Kelly Global Workforce Index, 2013), проведене Kelly Global Workforce Index (KGWI) у 2013 році показало, що головними факторами, на які звертають увагу опитані громадяни цієї країни при виборі робочого місця є бренд компанії – на нього звертають увагу 67% опитаних, на відміну від інших країн, де бренд компанії займає лише 2-е місце. Другим важливим фактором є зарплата (69% опитаних), на третьому – корпоративна культура компанії (59%).

Представимо результати дослідження проблем працевлаштування, яке було проведене 11-17 березня 2013 року науковцями факультету соціології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, в якому взяв участь 121 випускник факультету 2010-2012 років випуску ОКР «магістр» та «спеціаліст». Це опитування проведене з метою узагальнення факторів вибору робочого місця та визначення часу, який витрачали випускники на пошук робочого місця (Факультет соціології КНУ, 2013а; 2013б; 2013с). За результатами нашого дослідження (Факультет соціології КНУ, 2013б), серед факторів вибору роботи одним з найменш важливих факторів є рівень зарплати (20%), що досить неочікувано. Водночас, найважливішими виявилися такі: галузь діяльності компанії (60%), графік роботи (50%), кар'єрні перспективи (45%) та можливість навчатися на робочому місці (40%)⁴⁴

На наш погляд, проблемою у всіх цих дослідженнях є те, що для аналізу використовувалися набори ознак, не пов'язаних ситуативно чи системно. Іншими словами, кожна ознака, кожен фактор, що міг вплинути на вибір робочого місця, розглядався як окремо взятий і жоден із них не ставився у виняткову протиріччя іншим. Найбільше, що пропонувалося – проранжувати виділені ознаки.

Метою даної статті є виділення за допомогою факторіального дизайну значущих факторів, що можуть вплинути на вибір робочого місця на прикладі магістрів 1 та 2 року навчання факультету соціології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

⁴⁴ Тут використовувалась ознака з сумісними альтернативами, тому сума відсотків є більшою за 100

Для досягнення поставленої мети ми, спираючись на матеріали власних фокус-груп та інших досліджень (Факультет соціології КНУ, 2013b; KGWl, 2013; КЦПОиППН, 2014), виділили головні фактори, що можуть вплинути на вибір місця роботи. Далі зіставили їх взаємовідношення для різних категорій студентів та визначили їх значущість за допомогою лінійних регресійних рівнянь, побудованих на цих факторах.

Для формування анкети ми застосували так званий факторіальний дизайн (експериментальний дизайн) (Марченко, Сидоров, 2014; Auspurg, Hinz, 2015). Цей багатовимірний метод дослідження схожий до конджойнт аналізу, але має суттєву перевагу – він не вимагає специфічних методології та методу збору даних і може застосовуватись у масових опитуваннях. Метод факторіального дизайну дозволяє суттєво зменшити, порівняно з конджойнт аналізом, кількість експериментальних ситуацій у кожній анкеті завдяки специфічному формуванню наборів віньєток для респондентів та збільшити мінливість значень факторів у експериментальних ситуаціях, що приводить до зменшення рівня невідповідей та більшої схильності респондентів до співпраці. Це значно розширює область його застосування при високій надійності результатів. Певною незручністю є те, що факторіальна частина анкети може бути різною для різних респондентів або різних груп респондентів, що негативно відображається на вартості анкет для паперового опитування і є зовсім не суттєвою для електронних.

У дослідженні ми перевірили поставлену нами гіпотезу про те, що на вибір студентами робочого місця мають вплив такі фактори:

- можливість працювати за фахом;
- характер власності та масштаб діяльності компанії;
- можливості професійного, особистісного розвитку на робочому місці, можливість навчатись на робочому місці;
- можливості кар'єрного зростання;
- офіційність (легальність) працевлаштування;
- графік та характер роботи;
- розмір заробітної платні.

Ми виявили, якщо у анкеті респонденту задавати низку запитань стосовно різних факторів, які можуть вплинути на вибір робочого місця, то респондент обиратиме найзручніші для себе альтернативи, і ці відповіді будуть досить характерними для більшості респондентів. Очевидно, що на запитання про рівень зарплати, майже всі респонденти зазначатимуть максимальний розмір, а у запитанні про кар'єрне зростання, ймовірно, що переважна більшість обере його бажаність. Але така ситуація буде

спостерігатися тоді, коли оцінюються лише окремо взяті фактори, а не їх система.

Одним із розв'язань цієї проблеми, на наш погляд, є поєднання стандартних методів формування системи запитань у запитальнику та експериментального підходу, коли респонденту пропонують ситуацію, у якій він може опинитись, і йому потрібно оцінити своє рішення у цій ситуації. Саме експериментальні ситуації, вкладені у анкети, і дали назву цьому підходу – експериментальний дизайн. На відміну від звичайних анкет, різним респондентам може бути запропонована різна експериментальна частина анкети, тобто анкети будуть відрізнятися у різних респондентів. Це може створити певні труднощі при паперовому опитуванні, адже такі анкети не доцільно друкувати типографським шляхом, але не є проблемою при використанні електронних засобів збору інформації.

Прикладом такої експериментальної ситуації може слугувати запитання:

Уявіть, що Ви отримали таку пропозицію:

Робота не за фахом в міжнародній компанії, з можливістю професійного та особистісного розвитку на робочому місці, без можливості кар'єрного зростання. Вам запропонували офіційне працевлаштування та часткову зайнятість за фіксованим графіком роботи у офісі та зарплату від 2000 до 3000 грн.»

Чи можете Ви собі уявити себе працівником цієї компанії?
Позначте свою відповідь на шкалі від (-3) до (+3), де (-3) «Дуже малоймовірно», а (+3) - «Дуже ймовірно».

Дуже малоймовірно			Як ймовірно, так і малоймовірно			Дуже ймовірно
-3	-2	-1	0	1	2	3

У нашому дослідженні ми використали для формування експериментальних ситуацій такі рівні цих вимірів:

1) два рівні виміру ознаки «Робота за фахом» (робота за фахом, робота не за фахом)

2) три рівні виміру ознаки «Характер власності та масштаб діяльності компанії» (українська державна, українська приватна, міжнародна);

3) два рівні виміру ознаки «Можливості професійного та особистісного розвитку на робочому місці» (з можливістю професійного та особистісного розвитку/без можливістю професійного та особистісного розвитку);

4) два рівні «Кар'єрні перспективи» (з можливістю кар'єрного зростання, без можливості кар'єрного зростання);

5) два рівні ознаки «Тип працевлаштування» (офіційне, неофіційне)

6) три рівні ознаки «Графік роботи» (повний робочий день, часткова зайнятість за фіксованим графіком, вільний графік);

7) два рівні ознаки «Прив'язка до робочого місця» (робота в офісі, з можливістю роботи поза межами офісу)

8) п'ять рівнів ознаки «Заробітна платня» (до 2000 грн, від 2000 до 3000 грн, від 3000 до 4000 грн, від 4000 до 5000 грн, більше за 5000 грн).

Якщо спробувати з цих вимірів створити експериментальні ситуації, які відрізнялися одна від одної хоча б одним рівнем, то отримаємо $2 \times 3 \times 2 \times 2 \times 2 \times 3 \times 2 \times 5 = 1440$ різних експериментальних випадків.

Технологія аналізу відповідей на запитання такого плану вже досить розроблена і використовується, зокрема, у психології та, частково, соціології. За великим рахунком кожне таке запитання є свого роду експериментом, тому і сама методика називається експериментальним дослідженням або, так званим, факторіальним (експериментальним) дизайном. Також його іноді ще називають «опитуванням з використанням віньєток» («vignette survey»). Воно виступає таким собі поєднанням досить складних соціальних експериментів з масовими опитуваннями.

Отож, методика факторіального дослідження передбачає наявність в запитальнику одного або низки специфічних запитань, які називають «віньєтками», і кожна з таких віньєток формулює певну ситуацію, з якої респонденту у рамках експерименту потрібно знайти вихід. Цей метод вже застосовувався нами для пілотажного дослідження ролі ідеологічних чинників у дружніх стосунках (Марченко, Сидоров, 2014).

Одним з важливих кроків є визначення оптимальної кількості експериментальних ситуацій (віньєток) у кожній анкеті з точки зору мінімізації кількості невідповідей та уникання автовідповідей, коли респондент відповідає навіть не читаючи запитань. Дослідженнями цієї проблематики займалися Катрін Аушпург, Томас Хінц (Auspurg, Jäckle, 2012; Auspurg, Hinz, Liebig, 2009; Auspurg, Hinz, 2015) та інші. За їх рекомендацією ми обрали 10 віньєток у анкеті. Оскільки планувалось опитати 67 студентів магістратури факультету соціології (суцільне опитування), то зі всього простору у 1440 віньєток було обрано 670 (по 10 на респондента), для формування цієї вибірки ми використовували метод D-ефективного відбору (Auspurg, Hinz, 2015, с. 143). В результаті опитування було отримано лише 50 повністю заповнених анкет (решта – відмови або відсутність респондентів під час проведення дослідження).

Крім віньєток у анкеті була представлені запитання загального блоку стосовно статі, віку, походження та ін.

У результаті ми побудували регресійні рівняння, у яких залежною змінною була відповідь на віньєтку, тобто «Чи можете Ви собі уявити себе працівником цієї компанії?», а незалежними – всі виміри: «Робота за фахом», «Характер власності та масштаб діяльності компанії», «Можливості професійного та особистісного розвитку на робочому місці», «Кар'єрні перспективи», «Тип працевлаштування», «Графік роботи», «Прив'язка до робочого місця» та «Заробітна платня». У статистичній оболонці R результати побудови регресійної моделі мають вигляд таблиці (Таблиця 1), де у першому стовпчику – назва ознаки (у нашому випадку штучні ознаки, як компоненти номінальних та порядкових ознак), наступний – значення регресійного коефіцієнта відповідної ознаки, у останньому – рівень p-value критерія Стюдента для відповідного коефіцієнта при якому можна відхилити нульову гіпотезу, що сам коефіцієнт дорівнює 0. Чим меншим є це значення, тим більш значущою є ознака.

Таблиця 1. Загальна регресійна модель схильності до вибору робочого місця (відповідь на віньєтку)

Coefficients:	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)	-3.01955	0.27625	-10.930	< 2e-16 ***
Фах.не за фахом	-0.22080	0.14720	-1.500	0.134283
Тип.укр.приват.	-0.07006	0.18130	-0.386	0.699360
Тип.міжнар.	0.54013	0.18209	2.966	0.003163 **
ПрофЗрост.з можливістю	0.88156	0.14876	5.926	5.89e-09 ***
КарЗрост.з можливістю	0.55711	0.14788	3.767	0.000185 ***
Працевл.офіційне	0.28909	0.14983	1.929	0.054255 .
Час.частк.фікс.графік	0.08404	0.18360	0.458	0.647345
Час.вільний графік	0.10011	0.18136	0.552	0.581202
Місце.не в офісі	0.31299	0.14862	2.106	0.035717 *
Зарпл.2000-3000 грн	0.60626	0.23308	2.601	0.009576 **
Зарпл.3000-4000 грн	1.66981	0.23462	7.117	3.98e-12 ***
Зарпл.4000-5000 грн	2.22178	0.23483	9.461	< 2e-16 ***
Зарпл.>5000 грн	2.71738	0.22861	11.886	< 2e-16 ***

Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1

Слід зазначити, що при побудові даної регресійної моделі метою є не побудувати найкращу у сенсі рівня пояснення дисперсії залежної змінної, а оцінити повну модель з точки значущості вимірів (незалежні змінні).

У нашій моделі всі незалежні змінні не є метричними, тому автоматично будуються штучні змінні (dummy variables).

Ознака «фах» мала два рівні: за фахом та не за фахом. Як видно з таблиці характеристик моделі, альтернатива «за фахом» потрапила до константи (Intercept), а для альтернативи «не за фахом» була побудована дихотомічна штучна змінна. Студенти відзначають, що працювати за

фахом вони більш схильні, але ця відмінність не є значущою ($p\text{-value} = 0.134283 > 0.05$).

Як видно з моделі, найбільш суттєвими факторами виступають зарплата (всі штучні змінні цієї ознаки мають значущі коефіцієнти), можливість професійного зростання ($p\text{-value} = 5.89\text{e-}09$), бажання працювати у закордонній приватній компанії, можливість кар'єрного зростання. На рисунку (рис.1) зображені оцінки коефіцієнтів регресії з відповідними довірчими інтервалами

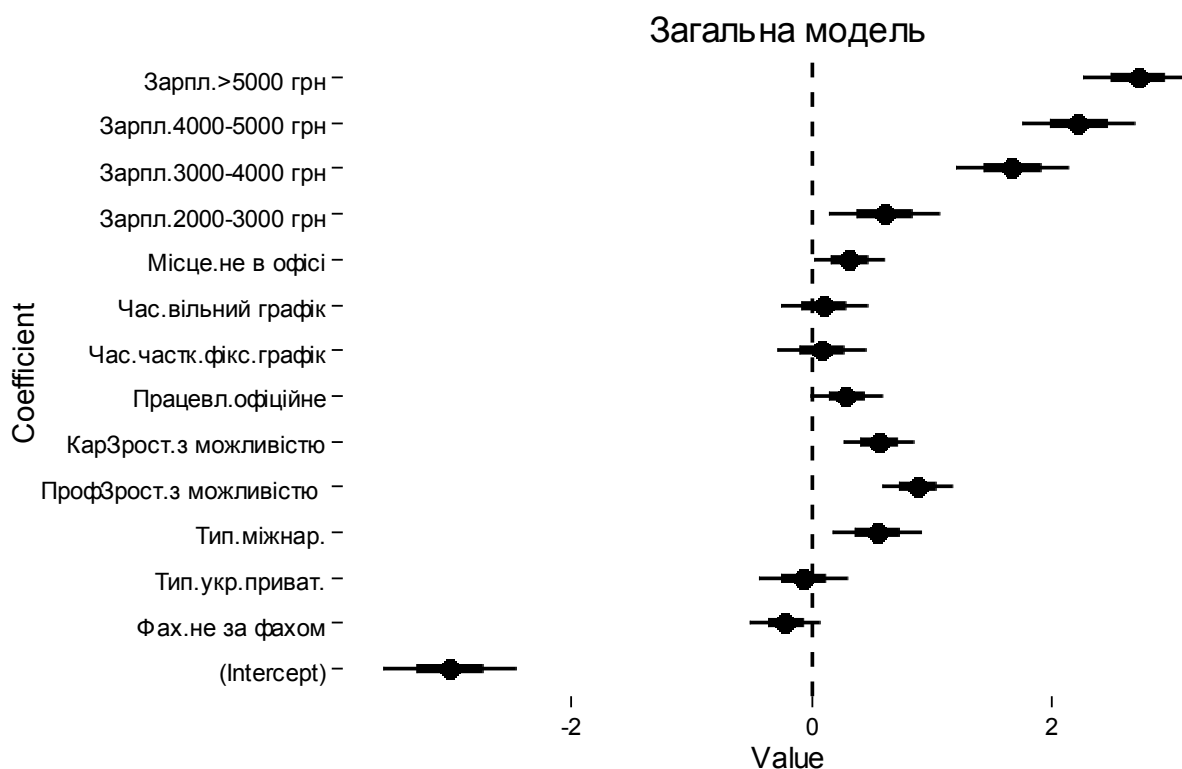

Рис.1. Загальна регресійна модель. Залежна змінна – відповідь на віньєтку, незалежні – 8 вимірів

Розглянемо тепер модель у розрізі ознаки «Стать респондента». Серед опитаних виявилось 12 студентів та 38 студенток. Таким чином, всього отримано 120 та 380 віньєток відповідно. Як виявилось, для чоловіків та жінок картина трохи відрізняється. На рис 2.a та 2.b, побудованими за результати регресійних моделей (Таблиця 2a та 2b) видно різний характер взаємного розташування значущості факторів впливу для чоловіків та жінок відповідно, але для більш детального аналізу є сенс звернутись до даних регресійної моделі (Таблиця 2a та 2b). Зазначимо, що самі коефіцієнти при однакових ознаках у різних категоріях можна порівнювати через те, що скрізь використовується одна і та ж модель.

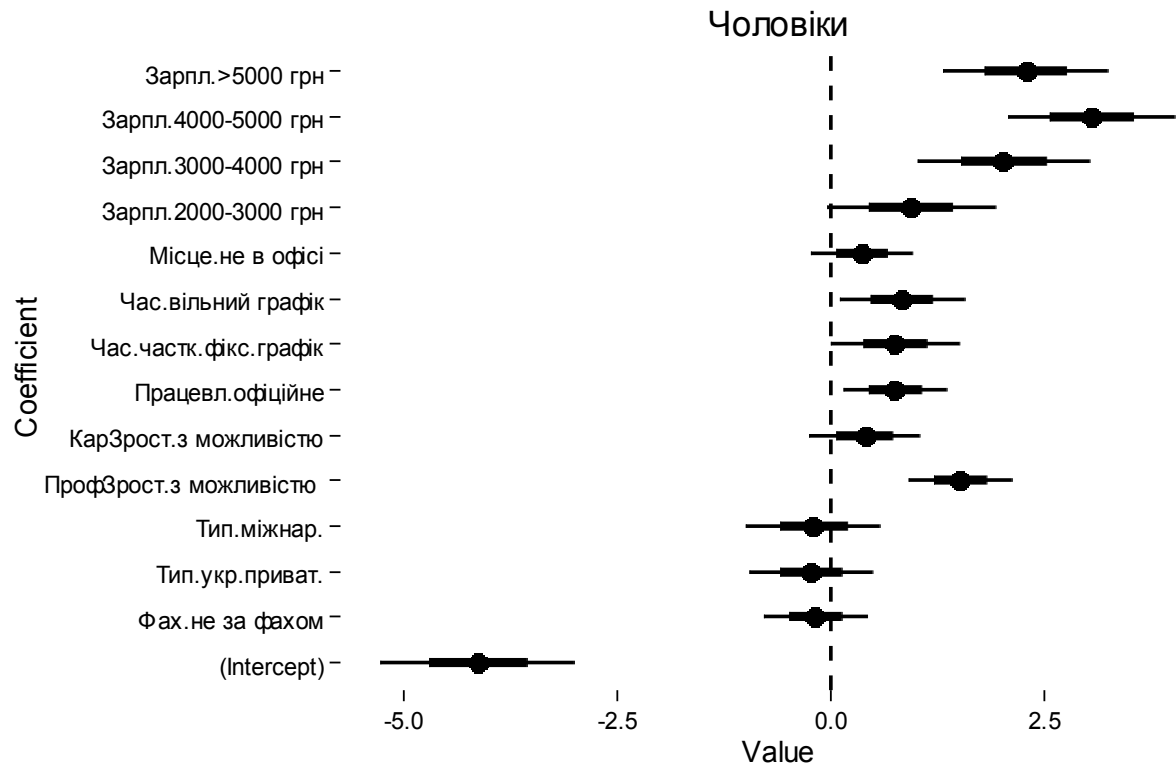

Рис 2.а. Регресійна модель для чоловіків (додаток 1а). Залежна змінна – відповідь на віньєтку, незалежні – 8 вимірів.

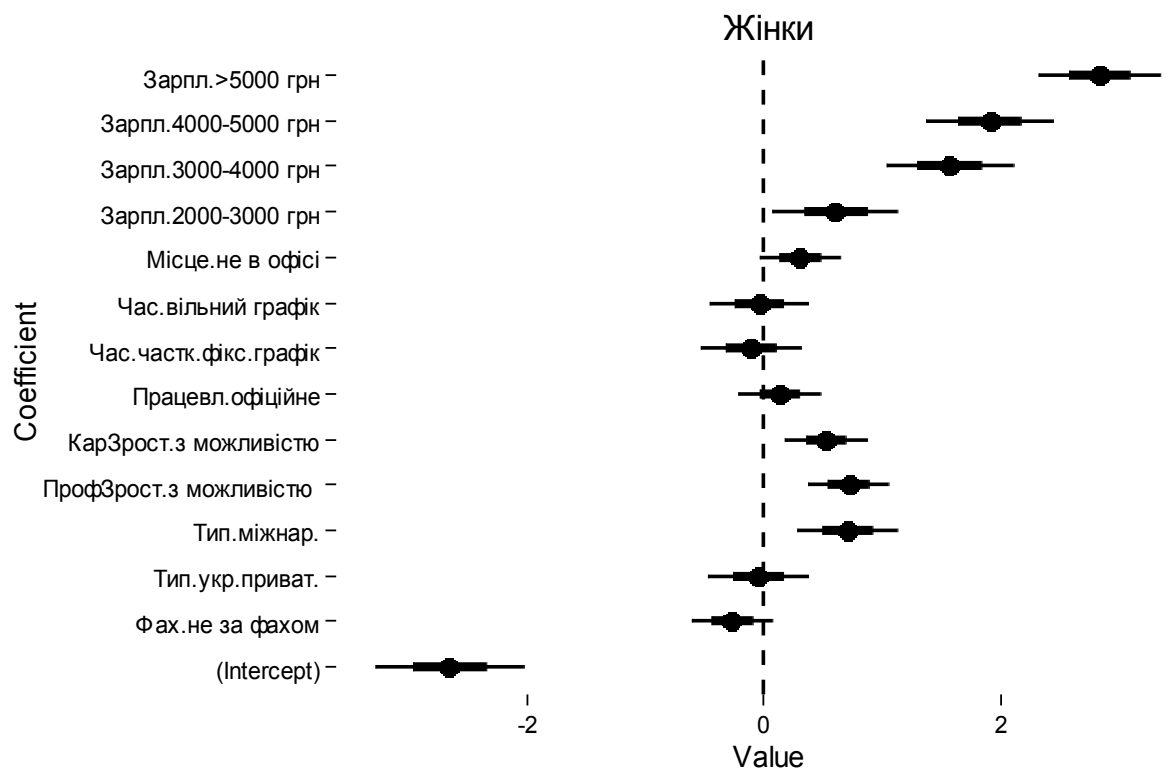

Рис 2.б. Регресійна модель для жінок (додаток 1б). Залежна змінна – відповідь на віньєтку, незалежні – 8 вимірів

Слід зазначити, що на графіках, зображених на рис. 2.а та рис. 2.б коефіцієнти регресії приймають значення у різних діапазонах, тому слід звертати увагу на масштаб графіків.

Отже, аналізуючи моделі, створені для чоловіків та жінок (див. Табл. 2а та 2б), доходимо висновку, що зарплата для чоловіків має більшу значущість, ніж для жінок (ознаки Зарплата 2000-3000 грн. , Зарплата 3000-4000 грн., Зарплата 4000-5000 грн. та Зарплата >5000 грн. у додатках 1а та 1б), а можливість кар'єрного зростання для жінок є значущою (0.52245 p-value=0.002401**), а для чоловіків – ні (0.3892 p-value=0.226493), тоді як схильність до вибору робочого місця, на якому можливе професійне зростання, у чоловіків вища (1.5040 p-value=2.76e-06 ***), ніж у жінок (0.71116 p-value=3.37e-05 ***). Також жінки більше б хотіли працювати у міжнародній компанії 0.70138 p-value=0.000894 ***, у той час, коли для чоловіків тип власності компанії взагалі не є значущим.

Таблиця 2а. Регресійні моделі за статтю. Чоловіки

Coefficients:	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)	-4.1302	0.5664	-7.292	5.77e-11 ***
Фах.не за фахом	-0.1843	0.3044	-0.605	0.546189
Тип.укр.приват.	-0.2320	0.3615	-0.642	0.522287
Тип.міжнар.	-0.2083	0.3912	-0.532	0.595584
ПрофЗрост.з можливістю	1.5040	0.3036	4.954	2.76e-06 ***
КарЗрост.з можливістю	0.3892	0.3199	1.217	0.226493
Працевл.офіційне	0.7446	0.3035	2.453	0.015801 *
Час.частк.фікс.графік	0.7452	0.3758	1.983	0.049977 *
Час.вільний графік	0.8306	0.3612	2.300	0.023431 *
Місце.не в офісі	0.3595	0.2965	1.212	0.228092
Зарпл.2000-3000 грн	0.9299	0.4907	1.895	0.060803 .
Зарпл.3000-4000 грн	2.0154	0.5041	3.998	0.000118 ***
Зарпл.4000-5000 грн	3.0418	0.4895	6.214	1.03e-08 ***
Зарпл.>5000 грн	2.2706	0.4854	4.678	8.59e-06 ***

Call:

lm(formula = vignette ~ Фах. + Тип. + ПрофЗрост. + КарЗрост. + Працевл. + Час. + Місце. + Зарпл., data = I[Л\$Стать == "чоловіча",])

Residual standard error: 1.584 on 106 degrees of freedom

Multiple R-squared: 0.4863, Adjusted R-squared: 0.4233

F-statistic: 7.718 on 13 and 106 DF, p-value: 1.447e-10

Таблиця 2 б. Регресійні моделі за статтю. Жінки

Coefficients:	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)	-2.65671	0.31171	-8.523	4.13e-16 ***
Фах.не за фахом	-0.27204	0.16809	-1.618	0.106438
Тип.укр.приват.	-0.05774	0.21081	-0.274	0.784320
Тип.міжнар.	0.70138	0.20940	3.349	0.000894 ***
ПрофЗрост.з можливістю	0.71116	0.16936	4.199	3.37e-05 ***
КарЗрост.з можливістю	0.52245	0.17091	3.057	0.002401 **
Працевл.офіційне	0.12672	0.17167	0.738	0.460869
Час.частк.фікс.графік	-0.11097	0.20923	-0.530	0.596156
Час.вільний графік	-0.04444	0.20869	-0.213	0.831469
Місце.не в офісі	0.30009	0.16972	1.768	0.077874 .
Зарпл.2000-3000 грн	0.59883	0.26385	2.270	0.023814 *
Зарпл.3000-4000 грн	1.56403	0.26702	5.857	1.05e-08 ***
Зарпл.4000-5000 грн	1.90193	0.26631	7.142	5.00e-12 ***
Зарпл.>5000 грн	2.83364	0.25705	11.024	< 2e-16 ***

lm(formula = vignette ~ Фах. + Тип. + ПрофЗрост. + КарЗрост. + Працевл. + Час. + Місце. + Зарпл., data = I[Стать == "жіноча",])

Residual standard error: 1.625 on 366 degrees of freedom

Multiple R-squared: 0.3596, Adjusted R-squared: 0.3369

F-statistic: 15.81 on 13 and 366 DF, p-value: < 2.2e-16

Особливо слід відзначити відмінність у моделі чоловіків та жінок значимість «графіку роботи». Для чоловіків значущою є можливість працювати не за фіксованим графіком – ознаки Час. частк. фікс. графік (0.7452, p-value=0.049977*) та Час. вільний графік (0.8306, p-value=0.023431 *) (див. Табл.2а), у той час, коли для жінок графік роботи є незначущим (див. Табл. 2б).

Наступним фактором розділення для порівняння у нашому дослідженні виступала наявність роботи у респондента на час опитування. Виявилось, що регресійні моделі для обох категорій майже не відрізняються за значущістю факторів крім одного – вплив зарплати «>5000 грн» у категорії тих, хто має роботу, більший за тих, хто не має – значущий регресійний коефіцієнт дорівнює 3.02147 (p-value < 2e-16***) порівняно з 2.22378 (p-value=2.44e-07***).

Також нами було проаналізовано вплив походження («З Києва», «Не з Києва») на значущість преференцій. Виявилось, що респонденти з інших міст швидше погоджуються на більш низьку зарплату (навіть «2000-3000 грн» є значущим з коефіцієнтом 0.67039 (p-value=0.016747*), порівняно з киянами (0.16075 (p-value=0.72406). Більш негативно ставляться до роботи

у офісі ті, хто походженням не з Києва, (регресійний коефіцієнт при змінній «Місце не в офісі» має додатне значення 0.41952 з $p\text{-value}=0.020738^*$ для некиян, порівняно з незначущим від'ємним коефіцієнтом у киян). Некияни більше хочуть працювати у міжнародних компаніях (значущий 0.74457 $p\text{-value}=0.000824^{***}$ порівняно з незначущим 0.05991 $p\text{-value}=0.86053$ у киян) та гірше за киян погоджуються на неофіційне працевлаштування (для ознаки «Працевлаштування офіційне» незначущий коефіцієнт -0.02128 $p\text{-value}=0.93889$ у киян порівняно зі значущим 0.35872 $p\text{-value}=0.049639^*$ не у киян).

ВИСНОВКИ

Використання методу факторіального експерименту дали можливість отримати результати дослідження, що дозволяють дійти висновку, що не всі фактори, гіпотетично виділені нами на основі проведених досліджень (Kelly Global Workforce Index, 2013; Факультет соціології КНУ, 2013b; КЦПОиППН, 2014) та сформульовані у гіпотезі, мають значущий вплив на вибір робочого місця студентами.

Так, робота за фахом не виявилася значущим фактором (коефіцієнт при ознаці «Фах. Не за фахом» є від'ємним, що свідчить про схильність до роботи за фахом, але не значущим), що впливає на вибір робочого місця, як і графік роботи та офіційність працевлаштування (коефіцієнт при «Працевлаштування офіційне» є додатнім, але майже завжди незначущим). А от найбільш значущими виступили зарплата та професійне зростання.

Якщо аналізувати комплексну схему впливу факторів, то виявляється, що у середньому респонденти готові пожертвувати графіком роботи, роботою за фахом та офіційністю працевлаштування задля того, щоб отримувати більшу зарплату та мати перспективи кар'єрного та професійного зростання.

Така відмінність у факторах між отриманими нами та описаними у (КЦПОиППН, 2014; Kelly Global Workforce Index, 2013; Факультет соціології КНУ, 2013b), на нашу думку, пояснюється тим, що у цих дослідженнях були опитані люди, які вже мають постійну роботу або часто вже змінили й не одне місце праці, а у нашому дослідженні – студенти магістратури, які, часто хоч і мають роботу, але головним чином працюють неповний робочий день, проходять випробувальний термін або мають підробіток. Відповідно, пошук «хоч якогось робочого місця» та пошук «достойного робочого місця» має трохи різні мотиваційні чинники.

Також досить цікавою є відмінність між преференціями жінок та чоловіків, що показано на рис 2а, 2б. Кар'єрне зростання, як і графік роботи, більш значущим виявились для жінок, ніж у чоловіків. Жінки

більше за чоловіків прагнуть працювати в іноземних компаніях з високою зарплатою, з кар'єрним та професійним зростанням. Чоловіки ж, у свою чергу, погоджуються на меншу зарплату та не сильно переймаються кар'єрним зростанням і формою власності компанії.

Ця відмінність, ймовірно, викликана як гендерними ролями, так і специфікою знань та вмінь, отриманих студентом під час навчання на факультеті соціології, а також соціально-економічною ситуацією у країні.

Жінки прагнуть зразу отримати більш стабільну роботу, а на чоловіків має більший вплив свобода на роботі. Ймовірно, також це зумовлено тим, що чоловіки намагаються спочатку отримати хоч якусь роботу, щоб потім продовжити шукати кращу.

Використання факторіального дизайну дозволяє обґрунтувати важливість факторів та її взаємозв'язок у виборі першого робочого місця випускниками факультету соціології.

У результаті дослідження виникла потреба у розширенні аудиторії (важливо долучити до дослідження також і колишніх випускників, які вже мають працевлаштування) та модифікації набору факторів можливого впливу, що і буде використано у подальших дослідженнях. Наприклад, нами не було враховано впливу престижності та надійності компанії, а також часу, який витрачатиме потенційний співробітник на те, щоб дістатись до місця праці тощо.

БІБЛІОГРАФІЯ

Auspurg, K., Hinz, T. (2015). Factorial Survey Experiment. Sage, Series: Quantitative Applications in the Social Survey, vol.175.

Auspurg, K., Hinz, T., Liebig, S. (2009). Complexity, Learning Effects, and Plausibility of Vignettes in Factorial Surveys. Paper accepted for the ASA-Conference 2009. Режим доступу <http://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/15080/Hinz%20etal.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (access date. 11.11.2015)

Auspurg, K., Jäckle, A. (2012). First Equals Most Important? Order Effects in Vignette-Based Measurement. ISER Working Paper 2012-01. University of Essex: Institute for Social and Economic Research.

Bundy, P., Norris, D. (2011). What Accounting Students Consider Important In The Job Selection Process. Journal of Applied Business Research, vol.8, 2, 1 – 6.

Dutta, A., Punnose, E. M. (2010). Factors Affecting Choice of First Employer: A Study of Indian Management Graduates. Global Business Review, 11, 435–448.

Kelly Global Workforce Index (KGWI) (2013): репутация и деньги поделили первое место. Режим доступу: <http://www.kellyservices.ru/RU/About-Us/News/09102013/#.Vcih7PmvGHs> (access date. 11.11.2015)

O'Higgins, N. (1997) The challenge of youth unemployment. Employment and Training Papers 7 (Action Programme on Youth Unemployment), 01 July, 1997.

On, Chong Hui (2013). Factors Affecting Job Selection Preferences Of Accounting Students in Malaysian Universities. University Tunku Abdul Rahman. – Режим доступу: <http://eprints.utar.edu.my/1013/1/AC-2013-1003339.pdf> (access date. 11.11.2015)

R Core Team (2015). R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. URL <http://www.R-project.org/>

Балакірева, О. М., Валькована, О.В. (2006) Проблеми працевлаштування та міграційні орієнтації молоді. Економіка і прогнозування, 4, 76 – 91.

Балакірева, О.М., Яременко, О.О., Валькована, О.В. (2004) Соціальні проблеми працевлаштування молоді. Київ: Державний ін-т проблем сім'ї та молоді.

КЦПОиППН (2014) Факторы, влияющие на выбор места работы. Результаты социологического исследования. Красноярский центр профессиональной ориентации и психологической поддержки населения, Режим доступа: <http://kcp24.ru/uslugi/provedenie-socziologicheskix-issledovanij.html> (access date. 09.08.2015)

Марченко, А.М., Сидоров, М.В.-С. (2014) Методичні особливості реалізації експериментального дизайну в опитуванні (на прикладі пілотного дослідження ролі ідеологічних чинників у дружніх стосунках). Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. (вип. 20, 116-122). Харків: ХНУ.

Разумова, Т.О. (2012) Выпускник высших учебных заведений на рынке труда. Экономика образования, 1, 111– 135.

Факультет соціології КНУ (2013a). Працевлаштування студентів факультету соціології. Діяльність після закінчення навчання <http://www.soc.univ.kiev.ua/uk/nauka/diyalnist-pislya-zakinchennya-navchannya> (access date. 11.11.2015)

Факультет соціології КНУ (2013b). Працевлаштування студентів факультету соціології. Фактори вибору робочого місця <http://www.soc.univ.kiev.ua/uk/nauka/faktori-viboru-robochogo-miscya> (access date. 11.11.2015)

Факультет соціології КНУ (2013c). Працевлаштування студентів факультету соціології. Пошук першої роботи <http://www.soc.univ.kiev.ua/uk/nauka/poshuk-pershoyi-roboti> (access date. 11.11.2015)

Mykola Sydorov

APPLICATION OF FACTORIAL DESIGN IN ESTABLISHING SIGNIFICANCE OF FACTOR OF STUDENTS' FIRST EMPLOYMENT CHOICE

The article examines analytical potential of factorial design in studying interrelationship of factors that influence the choice of first employment by graduate students on the basis of a sample of students of the Faculty of Sociology, Taras Shevchenko National University of Kyiv. The author conducted a survey with factorial design to identify a number of factors that influence the choice of employment by the sample and to determine their hierarchy of importance for students. The dimensions of the design included such factors as correspondence of work to one's educational background, type of ownership of the company, prospects of professional and personal development at the workplace, career prospects, type of employment, work schedule, remote or office work, and salary. Sampling was conducted by means of D-efficiency algorithm in R statistical program. Analysis resulted in a set of regression equations with vignette answer as the dependent variable and all dimensions as independent variables. The findings revealed that such factors as salary, career opportunities, and professional development at the workplace are of paramount importance. Men and women proved to have significant differences in the choice of employment. Meanwhile, official status of employment and its correspondence to the student's educational background

were proved to be less important. The findings departed from the original hypothesis, because it was based on studies of job choice by people with previous employments rather than by students, who, therefore, proved to have different preferences.

Keywords: *factorial design in the survey, experiment, vignette, regression model, rational choice of employment.*

Mykola Sydorov – candidate of physical and mathematical sciences (PhD), associate professor of methodology and methods of sociological research department of Sociology Faculty of Taras Shevchenko National University of Kyiv.

Research interests: methodology and methods of sociological research, the use of modern methods of collecting and analyzing sociological data, use of paradata in sociological research, modeling of social processes, analysis of nonresponse.

E-mail: ms123@ukr.net

Радослав Маженцки *
Лукаш Стах *

СЛАБЫЙ ДЕМОС? ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДЫХ ГРАЖДАН В ПОЛЬШЕ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Статья фокусируется на когнитивных компетенциях, касающихся мира политики среди молодых поляков, а также молодых граждан Европейского союза. В статье рассматриваются источники знаний о политической жизни, а также уровень интереса к политике. Кроме того, поднимается вопрос о доверии к политическим элитам, а также отношение к ним подрастающего поколения. В статье также рассматриваются связи между уровнем заинтересованности политикой и активностью в общественной и политической жизни. Уровень доверия к политикам небольшой, а заинтересованность политикой постепенно падает. Молодые люди не доверяют политикам и политически пассивны, в Польше также их социальная активность является низкой. Что интересное, по мнению респондентов, молодые люди должны быть активными в политической жизни, это лучший способ, чтобы изменить ситуацию. На самом деле, мы наблюдаем своего рода порочный круг - молодые люди не доверяют политикам, имеют небольшие или умеренные знания о политике, однако знают, что сделать, чтобы изменить это положение (напр. Политическая активность, баллотирование в выборах), но не хотят этого делать.

Ключевые слова: молодежь, познавательная компетентность, политическое знание, политическая культура, Польша, Европейский Союз.

ИНФОРМАЦИЯ – ЗНАНИЯ – ДЕЙСТВИЕ

Giovanni Sartori в книге «Homo videns. Телевидение и пост-мышление» пишет о гражданской кондиции современных обществ: «большая часть публики не знает почти ничего о публичных проблемах. Каждый раз, когда присматриваемся, открываем, что информационная база беднее, что не перестает нас удивлять» (Sartori, 2007, с. 71). Это утверждение оказывается еще более ярким, когда мы рассматриваем

*** Радослав Маженцки**, политолог и социолог в Институт политологии, Краковский педагогический университет.

Исследовательские интересы: молодые люди в политических процессах, политическая культура, гражданское общество.

E-mail: ip.marzecki@gmail.com

*** Лукаш Стах**, политолог, Институт политологии, Краковский педагогический университет.

Исследовательские интересы: Современные вооруженные конфликты, участие в политической жизни и гражданское общество в посткоммунистических обществах

E-mail: tenzan@tlen.pl

правильное классическое определение демократии, а именно «власть народа». В то время как реальная власть общества в большинстве современных демократий в основном ограничивается выбором своих представителей, законодательство о выборах имеет свои фундаментальные последствия для структуры представительных органов, законодательной и исполнительной власти и косвенно определяет стратегические направления внутренней и внешней политики.

Как утверждает Valdimer Orlando Key, мнение, выражаемое через граждан во время выборов, представляет голос, с которым руководители должны считаться (Key, 1961, с. 262). Поэтому одной из главных проблем политологической или социологической рефлексии должно быть состояние общественного сознания, а также общественная система знаний о проблемах, связанных с политикой и публичной сферой, поскольку они определяют рациональность человеческого поведения (избирательного), а затем – качество решений. Как пишет Sartori, «свободные выборы при сконфуженном общественном мнении ничего не выражают» (Sartori, 1998, с. 135). И далее: «Избирательная власть является гарантом демократии, однако реальную гарантию представляют условия, в которых гражданин получает информацию и подвергается давлению людей, формирующих мнение» (с. 116). Следует отметить, что состояние этого осознания будет зависеть также от чувства эффективности и, следовательно, уровня социально-политической активности граждан. Именно она является показателем качества демократии, поскольку активное гражданское общество (с высоким уровнем общественного капитала) может создавать не только реальный противовес (принцип check and balance), но и – как утверждает Ronald Inglehart – вызов для политической власти (Inglehart, 1999, с. 236).

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Современные общества в большинстве своем имеют очень критическое мнение о политическом классе. Это касается и стабилизированных западноевропейских демократий, и молодых демократий Центральной и Восточной Европы. Такое отношение наблюдается среди всех социальных и возрастных групп. Его характеризует, прежде всего, низкий уровень доверия к политикам, которое диагностируется в исследованиях путем одобрения или неодобрения заявлений такого типа: «большинство политиков достойно доверия» или «я верю, что депутаты осуществят обещания, сделанные в ходе избирательной кампании». Другим важным признаком общественного отношения к политике и политикам является так называемый политический цинизм, который, как определяют Peggy Schyns

и Margaret Nuus, «состоит в убеждении о неосведомленности и аморальности политиков, политических учреждений и/или политической системы в целом» (Schyns, Nuus, 2008, с. 112). В анкетах нередко такие заявления респондентов: «политики теряют контакт с людьми сразу после избрания на должность», «политики обманывают общество», «политики заботятся только о себе и определенной группе интересов». Масштаб нехватки доверия, а также критицизма по отношению к политикам не влияет непосредственно на уровень одобрения самой демократии. Кроме того, он не должен также свидетельствовать об апатии и политической пассивности, но только тогда, когда в обществе или отдельных общественных группах преобладает «чувство эффективности», которое, как считают Janine Dermody и Stuart Hanmer-Lloyd, является выражением убеждения, что гражданское действие приносит ощутимый результат, а также является производным состояния знаний гражданина о возможностях действий, полях активности, средствах и каналах коммуникаций, которые он может использовать. В этом смысле каждое общество (часто очень неравномерно) делится на две группы: с сильным и слабым чувством эффективности (Marzęcki, 2013, с. 55). Это дифференцирование имеет серьезные политические последствия: «лица, относящиеся к политике и политикам критически, с пренебрежением и большой долей недоверия, но декларирующее убеждение о возможности влияния на реальность, не чувствуют политической отчужденности в такой степени, как те, которые имеют слабый политический кругозор (убеждение о неэффективности)» (Marzęcki, 2013, с. 55–56).

Именно поэтому так важно знать, чувствуют ли себя политические партии, медиа или система образования ответственными за формирование сознательного и активного гражданина. Вышеупомянутый тезис особенно касается самых молодых граждан, а именно тех, чье отношение будет определять качество демократии в будущем. Таким образом, целью статьи является идентификация и презентация ключевых подходов молодого поколения поляков, которые определяют шансы и угрозы в отношениях с политической властью.

ОСЛАБЛЕННЫЙ ДЕМОС

Общественное мнение как «суверен демократической системы» (Szwed, 2003, с. 41) должно быть автономно (Sartori, 1998, с. 127), но вероятность этого зависит в значительной степени от качества информационных процессов, которым чаще всего выдвигают три обвинения:

- 1) Недостаток количественного (часто говорят, что слишком много информации, которую индивид не в состоянии собирать, анализировать, интерпретировать и понимать);
- 2) тенденциозности;
- 3) слабость качественного (Sartori, 1998, с. 137).

Научный анализ многих политических или публичных дебатов обнаруживает ряд дисфункций, ограничивающих рациональность гражданского подхода (Livingstone, Lunt, 1994). Тщательность и объективность информации должна играть в них значимую роль, поскольку «является она основным фактором, обуславливающим эффективное и прежде всего толковое участие граждан в общественно-политической системе, доступ к ней определяет знания, а, следовательно, также решения и качество действий в публичной сфере» (Szweđ, 2003, с. 38). Однако во времена так называемой телевизионной коммуникации, когда «телевидение признается наиболее популярным и влиятельным средством передачи информации» (Nowak, 2009, с. 202), сама информация трактуется скорее как продукт, чем ценность, поэтому процесс получения и передачи информации более широкой публике подчинен разнообразным маркетинговым стратегиям (Leckie, Given, Buschman, 2010; Habermas, 1989, с. 171).

Источник: Избирательная кампания и политическая деятельность в Интернете, CBOS, 98/2015, <http://www.cbos.pl>.

Рис. 1. Источники информации о кандидатах на президентские выборы в 2015 г.

Такой коммерческий подход преобразует сферу коммуникации (как публичной, так и политической), предопределяя доминирование

нескольких новых принципов: (1) политика – зрелище, которое разыгрывается политиками, выступающими в роли знаменитостей; (2) доминирование информации, лишенной важного значения, так называемый *soft news*; (3) избежание серьезных проблем и дискуссий; (4) представление политического соперничества как вида игры, конкурса или гонки (так называемый *horse race*) (Nowak, 2009, с. 205). Эффектом своеобразной «колонизации» медийного рынка через маркетинговую логику (сориентированную на экономическую выгоду) является таблоидизация передачи информации, которая, как считает Łukasz Bartosik, проявляется в нескольких измерениях. Во-первых, в техническом (уменьшение формата газет, первенство визуальных содержаний над текстом, миниатюризация, визуализация); во-вторых, в этическом (отсутствие внимания к надежности материалов, нечёткая видимость границы между рекламой и информацией, вынос сплетен на уровень информации); в-третьих, в структурном (меньше внимания посвящается политическим процессам, экономике и общественным изменениям, зато больше – частной жизни людей, развлечениям, спорту, погоде и тому подобному); в-четвертых, языковом (радикализация языка, эмоционализация перевода), в-пятых, в общественном (первенство пользователей и их потребностей) (Bartosik, 2009, с. 354–356). Логика средств массовой информации сформирована так, что она «колонирует» разные сферы жизни (некоторые без медиа не могут функционировать, например, политика) (McManus, 1994, с. 86). Thomas Meyer описывая симбиотическую зависимость, подчеркивая, что их следствием является трансформация поведения партийных лидеров таким образом, который позволяет выделить особенности, отвечающие критериям привлекательности СМИ (Meyer, 2002).

Следует заметить, что хоть изъяны и дисфункции информационных процессов ослабляют позицию граждан в отношениях с политической властью, слабость гражданского общества (а это касается большинства посткоммунистических обществ) также является фактором, стимулирующим эти негативные явления и процессы. Charles Wright Mill в «Элите власти» утверждал, что увеличивающийся разрыв между обществом и властью в США (половина XX века представляет собой ряд процедур, которые совершаются через ключевые сегменты в элите власти и общественных подходах граждан, которые все чаще показывают свою незаинтересованность политикой) (Mills, 1961). Относительно современного американского общества интересные данные, подтверждающие эти тенденции, представляет Robert Putnam, дополнительно признавая влияние телевидения, которое в значительной степени «организовывает» людям свободное время, необыкновенно деструктивным явлением для уровня общественного капитала (Putnam,

2008). Уже упомянутый Giovanni Sartori в описании изменяющейся роли граждан в постсовременном мире наблюдает негативный процесс «потери автономии общественного мнения», которое заключается в «деградации» статуса гражданина (относительно информированности о публичных вопросах) к «подгражданину» (Sartori, 2007, с. 94). Для существования и функционирования представительской демократии, как он утверждает, «достаточно, чтобы общество имело свое мнения – ничего больше..., но и внимание» (Sartori, 2007, с. 40). Практика и, в частности, количество лиц, которые подтверждают свою заинтересованность политикой, свидетельствует о другом. Едва ли каждый десятый поляк демонстрирует высокую заинтересованность в этой сфере, в то время как почти половина (44%) – низкий уровень или отсутствие интереса вообще (таблица 1).

Таблица 1. **Заинтересованность политикой в Польше и Европейском союзе**

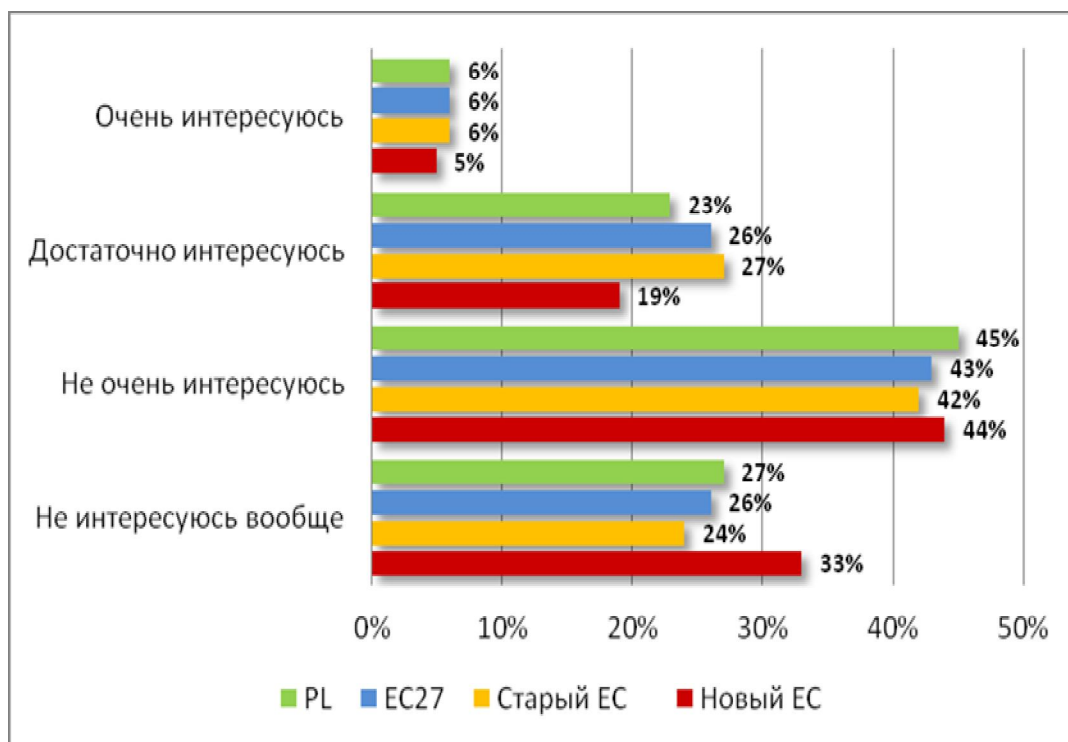
Уровень заинтересованности политикой	Польша	ЕС 28
Сильный	10%	17%
Средний	46%	46%
Слабый	24%	20%
Нехватка заинтересованности	20%	16%

Источник: Eurobarometer 83.1 (2015)

Подобная ситуация возникает и тогда, когда идет речь об уровне элементарных знаний о политике (напр., знания, касающиеся определенной личности). Показателями являются ответы поляков на вопросы о том, насколько им знакомы фамилии личностей, руководящих районами, областями и т.д. (вопросы были заданы под конец каденции местных властей в 2014 году). Оказывается, что фамилию войта, бургомистра, президента города не знало 20% опрошенных, информация о старосте была неизвестна 71%, а маршалка области – 87% респондентов (ранг выборов...) Незнание граждан в сфере публичных дел ослабляет «управляющий люд» (демос), который становится легко поддающимся манипуляциям и уговариванию. Кондиция демоса предопределяет качество политической коммуникации, в которой используются наиболее эффективные инструменты: упрощение, эмоциональность, неопределенность, конфликт.

МОЛОДЫЕ ГРАЖДАНЕ – БОЛЕЕ СЛАБЫЙ ДЕМОС?

Для формирования ключевых положений по отношению к политике важными являются четыре фактора. Во-первых, заинтересованность политикой (как в государственном, так и международном аспекте).

Источник: ESS, Round 5.

Рис.2. Заинтересованность политикой среди молодых граждан

Данные рисунка 2 демонстрируют очень похожую структуру заинтересованности политикой в Европейском союзе. Молодые поляки не являются исключением. Высокую степень заинтересованности подтверждает около 5–6% молодежи в ЕС. Однако большинство молодых граждан проявляют слабый интерес или его полное отсутствие. В новых странах ЕС эта группа составляет почти 80%.

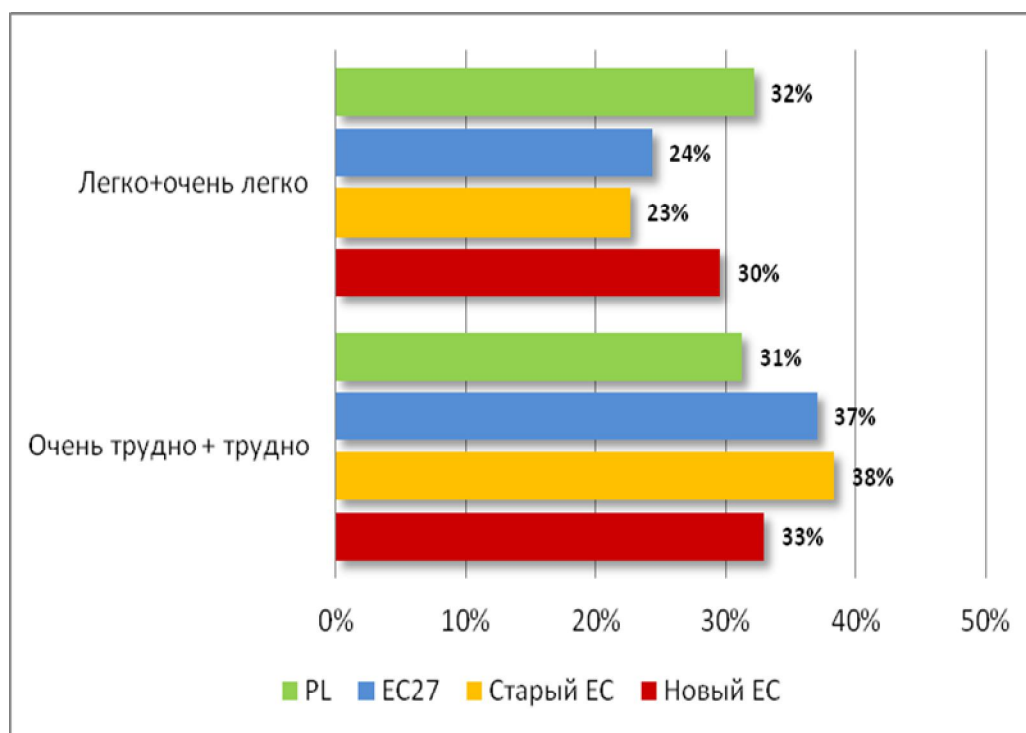
Во-вторых, декларируемая индивидом степень осведомленности о политике, важнейших событиях, процессах, политических явлениях. Интересным показателем этого явления являются данные Евробарометра, демонстрирующие структуру познавательной компетенции. Очень хорошо информированной считает себя небольшая группа респондентов – прим. 3–5%. А большинство (ок. 70%) оценивает свой уровень информированности о европейских делах как очень плохой.

Таблица 2. Степень осведомленности о европейских делах среди молодых граждан

Можете ли Вы сказать в общих чертах, насколько Вы проинформированы в европейских делах?				
	ПОЛЬША	ЕС 27	ЕС НОВЫЙ	ЕС СТАРЫЙ
Очень хорошо проинформирован	5%	3%	3%	3%
Довольно хорошо проинформирован	32%	26%	32%	24%
Не очень хорошо проинформирован	50%	53%	51%	53%
Вообще не проинформирован	8%	17%	10%	20%
Трудно ответить	6%	2%	3%	1%

Источник: Eurobarometer 74.2.

В-третьих, легкость или трудность, с которой человек формирует личные мнения на политические темы.

Источник: ESS, Round 4.

Рис. 3. Формирование мнения на политические темы среди молодых граждан

В-четвертых, способ восприятия политики, а именно: кажется ли она индивиду понятной или же слишком усложненной сферой жизни. И в этом измерении подтверждается расписание признаков различающих познавательные компетенции молодых граждан в ЕС. Примерно 3–6% считают, что политика является сферой, в полной мере понятной, вместе с ее механизмами, обуславливающими факторами и последствиями. Но большая группа (35–40%) молодых людей признают, что политика является слишком сложной и поэтому непонятной.

Таблица. 3. Ощущение сложности политики среди молодежи

Как часто Вам кажется, что политика настолько сложная, что человек не в состоянии понять, что это такое?	ПОЛЬША	ЕС	ЕС СТАРЫЙ	ЕС НОВЫЙ
Никогда	3%	6%	6%	5%
Очень редко	22%	17%	16%	19%
Время от времени	39%	41%	42%	36%
Довольно часто	20%	22%	22%	22%
Часто	15%	15%	14%	18%

Источник: ESS, Round 4.

АКТИВНОСТЬ И ЕЁ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Одной из проблем польской демократии является низкая (в некоторых измерениях всё более низкая) степень вовлечения общества в политическую жизнь. Членство в политических партиях, явка избирателей, интерес к политике низкий. Что касается польской молодежи, опрос CBOS показывает, что «декларируемое избирательное участие самых молодых опрошенных, сравнимо с тем, что записано среди лиц в возрасте 25-34 лет и меньше, чем среди респондентов имеющих 35 лет и больше *Как голосовали...*). На выборы более охотно отправлялись молодые люди, которые проживают в больших агломерациях (выше 500 тыс. жителей), у которых материальная ситуация домашнего хозяйства хорошая, а также лица, более заинтересованные политикой, чем их ровесники (*Как голосовали...*).

Говоря о политической активности молодого демоса, следует отметить, что уровень участия в общественной и политической деятельности на самом деле является следствием низкого интереса к политике. Здесь существует самая простая зависимость: если что-то не вызывает интерес, трудно требовать активности в этом вопросе. Попросту говоря, нельзя требовать от человека, который совсем не интересуется футболом, смотреть матчи или поддерживать свою любимую команду или быть активным болельщиком. Когда будет важный матч, который возбуждает большие общественные эмоции, огромное внимание средств массовой информации, по-видимому, такой человек будет сидеть перед экраном телевизора или отправится болельщиком в фан-зону, но скорее из-за давления окружения, или конформизма, а не из-за личной заинтересованности. Аналогично, человек не отслеживает событий в политической сфере, не ангажируется в политическую деятельность, преимущественно политически пассивен, за исключением периода

повышенной социальной мобилизации, генерируемой в основном в средствах массовой информации. Отношение между заинтересованностью политикой и увеличенной гражданской активностью демонстрируют таблицы 4–5.

Таблица 4. Заинтересованность политикой и членство в организациях

Вопрос	Большая заинтересованность	Малая заинтересованность
Членство в политической партии	3,3%	0,0%
Членство в ассоциации	7,9%	5,2%
Членство в фонде	5,0%	3,5%
Членство в другой организации добровольного характера	13,8%	8,1%
Поддержка благотворительных акций	48,5%	63,3%

Источник: Разработка на основании собственных исследований авторов.

Таблица 5. Заинтересованность политикой и примеры конкретных действий

Вопрос	Большая заинтересованность	Малая заинтересованность
Контакт с политиком, чиновником на правительственном уровне или уровне местного самоуправления	7,6%	1,4%
Участие в легальной публичной демонстрации	3,2%	3,5%
Деятельность в политической партии или организации, которая занимается общественной или политической деятельностью	2,7%	0,0%
Размещена в видном месте значка/наклейки, которые пропагандируют какую-то кампанию или акцию	6,5%	2,1%
Подписание петиции	28,1%	29,8%
Бойкот определенных товаров, продуктов	7%	0,7%
Отсутствие действий	38,4%	58,2%

Источник: Разработка на основании собственных исследований авторов.

Приведенные выше данные подтверждают: кто больше заинтересован политикой, более активен в политической и общественной деятельности, за исключением подписания петиции. В то же время эта деятельность является наиболее часто упоминаемой респондентами в качестве примера гражданской активности из-за легкости этого действия. Участие в выборах

требует больше усилий, не говоря уже о регулярной социальной или политической деятельности. Как правило, заинтересованность политикой переходит на политическую и общественную активность.

Следующей проблемой, кроме низкой заинтересованности политикой, является политическая социализация, которая происходит в условиях недозрелой демократии (Szafraniec, 2012, с. 24–25). Поколение родителей существовало в системе «народной демократии», в которой гражданская активность представляла для властей угрозу, исключая ситуации, где она была лицензирована государством. Стиль польской политики после 1989 года оценивается критически большинством общества, которое не совсем доверяет как политическому классу, так и политическим учреждениям страны. В такой ситуации формирование сознания граждан было проблематичным, поэтому молодежь может перенять определенные образцы поведения от поколения своих родителей (недоверие, низкий уровень заинтересованности политикой, или воздержание от голосования).

Проблемой являются также материальные вопросы. Молодое поколение испытывает трудности при входе на рынок труда, не наполняет оптимизмом и ситуация на квартирном рынке. Это препятствует молодым людям реализовать свои естественные потребности и задачи, что явствует даже из решений об отсрочке брака и рождения детей (Szafraniec, 2012, с. 25–26). Отсутствие экономической независимости утрудняет вход во взрослость, ограничивает самостоятельность молодых людей и может влечь за собой податливость популистским девизам или радикализм, желание отторжения существующей системы или, наоборот, политическую пассивность (чем труднее получить жизненную самостоятельность, тем труднее убедить, что политическое участие может принести удовлетворительное решение общественных и собственных жизненных проблем) (Bentley, Oakley, 1999, с. 107–110).

Цитируемая уже Krystyna Szafraniec подчеркивает, что низкую степень участия и ангажирования молодого поколения в политику можно объяснить также высокой чувствительностью молодежи к честности и нравственности политиков.

Молодые люди, наблюдая политическую жизнь, приходят к выводу, что это специфическая, лишенная принципов сфера общественной жизни, от которой следует дистанцироваться (Szafraniec, 2012, с. 27). Исследования показывают, что молодые поляки критически настроены относительно политического класса и политических учреждений государства, что иллюстрирует таблица 6.

**Таблица 6. Уровень доверия к политикам и политическим учреждениям также
 мнения о политическом классе**

Вопрос	Опрошенные студенты	Широкая общественность
Доверие к Сейму и Сенату	12%	21%
Доверие к политическим партиям	4%	14%
	Опрошенные студенты	
Непорядочные политики	69%	
Честные политики	3%	
Политики недостоверны	78%	
Политики достоверны	4%	
Политики заботятся о собственных делах	79%	
Политики заботятся о благоустройстве Польши	4%	
Политики хотят иметь власть		
Политики хотят иметь много денег	38%	
Политики хотят реализовать какую-то идею	26%	
Политики хотят что-то сделать для других	14%	
Политики принимают во внимание только свои дела	4%	
	64%	
Есть ли кто-то из политиков для Вас авторитетом	Да: 18%	Нет 70%

Источник: Разработка на основании собственных исследований авторов.

Абсолютно очевидно, что мнение молодых людей о политическом классе отнюдь не высокое, и это подтверждает наблюдения Krystyny Szafraniec. Кроме того, молодые люди считают, что политики не заботятся об их делах и не представляют их интересы. Политический класс обвиняют и в высоком уровне безработицы среди молодых людей, хотя такие же обвинения адресованы и системе образования (Guzik, Marzęcki, Stach, 2015, с. 75–77).

ИТОГИ

Как стимулировать молодых людей быть политически активными? Результаты проведенных среди студентов опросов дают возможность сформулировать несколько предложений. 60% опрошенных считают, что политические партии должны уделять больше внимания проблемам молодых людей, а 56% респондентов указывают, что политики должны принимать решения, которые действительно решат эти проблемы. Низкую явку избирателей может повысить возможность свободного голосования вне своего места жительства, например, через интернет, – так считает 43%

респондентов. Распространенным является мнение о введении возможности отзыва уже избранного политика (27% ответов), а также необходимость содействия продвижению молодых людей в политических структурах (21% ответов). Интересным решением может быть возможность выбора в бюллетене для голосования варианта «ни за кого не голосую» (21% ответов) (Guzik, Marzęcki, Stach, 2015, с. 78).

Фактически, польские политические партии имеют централизованный характер и внутрипартийная демократия сильно ограничена или вообще не существует на практике. Это ограничивает поле деятельности молодых людей в политике, поскольку в системе «партий вождя» наиболее выдающимися ценностями становятся лояльность и конформизм, а не форсирование собственных взглядов или решений. Это отбивает желание у молодых людей к входу в мир политики, и притягивает лица формата «пассивный, умеренный, но верный». Главной заботой политических деятелей становится их позиция, а новые лица, новые кандидаты воспринимаются как угроза для существующих зависимостей и позиций отдельных деятелей, а не как шанс омолодить партии и притягивать новых избирателей. Небольшое представительство молодых людей в мире политики автоматически генерирует меньшую заинтересованность потребностями молодых людей, а низкая политическая активность влечет за собой то, что они не являются важнейшим электоратом для политических партий.

Возвращаясь к причинам низкой политической активности и, соответственно, к методам противодействия политической пассивности, следует подчеркнуть фундаментальную роль гражданского образования. Система образования должна уделять больше внимания гражданскому воспитанию. На самом деле этим сегментом пренебрегают, что проявляется в сокращении количества часов предмета знаний об обществе, также уроков истории. Кроме того, молодой человек (как и большинство общества) воспринимает мир через образ, созданный с помощью средств массовой информации. Чувство бесплодия политики, укрепляемое коммерческими и публичными СМИ, направлено на экспонирование политического конфликта и стремление к сенсации. Это влечет за собой то, что основной проблемой польской демократии, которую особо выделяют молодые люди, являются ссоры политиков (56% ответов), а коррупция, игнорирование реальных проблем граждан политиками, или неэффективность процесса принятия решений набирают значительно меньший процент ответов (соответственно, 32%, 29% и 21%). Интересно, что пассивность граждан также считается серьезной проблемой польской демократии (29% ответов, чуть ниже коррупции), и те же молодые респонденты считают, что политическая активность является самой эффективной формой действия в политике. Это показано в таблице 7.

Таблица 7. **Эффективность форм участия в политике**

Баллотирование на выборы	42%
Участие во встречах и дискуссиях с политиками	38%
Вступление в политическую партию	30%
Подписание петиции	28%
Членство или поддержка гражданских организаций	24%
Участие в протесте или демонстрации	19%

Источник: Разработка на основании собственных исследований авторов.

Выразительно проявляется здесь существующий парадокс. Респонденты подчеркивают, что активность в политической жизни является необходимой, но на практике оказывается, что эти заявления имеют декларативный характер. И в действительности только подписание петиции является частой формой политической активности, а остальные, хоть и считаются эффективными, встречаются очень редко.

Здесь стоит подчеркнуть, что активность молодых людей в политической сфере в основном проявляется в действиях, не требующих долговременного и систематического усилия. Она переносится в виртуальный мир и выражается в огромном количестве «мемов» или комментариев, касающихся мира политики. Не хватает постоянного вовлечения в политическую реальность, но предпринимаются попытки формирования молодого электората и обращения внимания на интересующие его проблемы. Голоса молодых людей очень легко поддаются изменениям, однако от выборов в 2011 году можно отметить тенденцию, что молодой электорат ищет альтернативы для себя, или стремится выразить свое недовольство ситуацией в стране. Изначально эти настроения поддерживал Януш Паликот, получив в 2007 году поддержку 10,02% избирателей, т.е. 40 мест в парламенте. Потом молодые люди поддержали Януша Корвина-Микке, названного в Интернете «королем Корвином». Его Конгресс новой правящей партии получил на выборах в Европейский парламент более 7% голосов – прежде всего от самых молодых избирателей. Выборы президента в 2015 году принесли неожиданный успех Павлу Кукизу, который получил поддержку более чем 20%, представляя себя как антисистемный кандидат. И его избирателями были преимущественно молодые люди. Эти тенденции указывают на то, что молодой электорат – это голос протеста, который, однако, все ещё не нашел партии/группировки, которая будет представлять интересы и дела молодых людей в целом. Оптимистическим кажется тот факт, что политические элиты заметили существование этого электората, а также появление политических группировок/партий, которые ссылаются на молодых людей для репрезентации их интересов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bartosik, Ł. (2009). Tabloidyzacja sposobu przedstawiania polityki i polityków w dzienniku „Fakt”. In: R. Dudek, M. Kuś [eds.], Prawne, ekonomiczne i polityczne aspekty funkcjonowania mediów i kreowania ich zawartości. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek.
- Bentley, T., Oakley, K. (1999). The Real Deal: What Young People Really Think about Government, Politics and Social Exclusion, London: Demos.
- Guzik, A., Marzęcki, R., Stach, Ł. (2015). Pokolenie '89. Aksjologia i aktywność młodych Polaków. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego w Krakowie.
- Habermas, J. (1989). Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press.
- Inglehart, R. (1999). Postmodernization Erodes Respect for Authority, But Increases Support for Democracy. In: P. Norris (ed.), Critical Citizens, Global Support for Democratic Governance, New York: Oxford University Press.
- Key, V.O. (1961). Public Opinion and American Democracy. New York: Knopf.
- Leckie, G. J., Given, L. M., Buschman, J. (2010). Critical Theory for Library and Information Science: Exploring the Social from Across the Disciplines. Santa Barbara: ABC-CLIO.
- Livingstone, S., Lunt, P. (2002). Talk on Television: Audience Participation and Public Debate. London: Routledge.
- Marzęcki, R. (2013). Młody obywatel we współczesnej demokracji europejskiej. Warszawa: Elipsa.
- McManus, J.H. (1994). Market-Driven Journalism: Let the Citizen Beware. Thousand Oaks: SAGE.
- Meyer, T. (2002). Media Democracy: How the Media Colonize Politics. Cambridge: Polity Press.
- Mills Ch., W. (1961). Elita władzy, Warszawa: PWN.
- Nowak, E. (2009). Komercjalizacja komunikacji politycznej – infotainment i politainment w programach informacyjnych. „Annales UMCS Sectio K: Politologia”. Vol. XVI/2, 201-213.
- Putnam, R.D. (2008), Samotna gra w kręgle. Upadek i odrodzenie wspólnot lokalnych w Stanach Zjednoczonych. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne.
- Sartori G. (1998). Teoria demokracji. Warszawa: PWN.
- Sartori, G. (2007). Homo videns. Telewizja i post-myślenie. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Schyns, P., Nuus, M. (2008). Cynizm polityczny i spójność społeczna w Europie i Stanach Zjednoczonych. „Polityka i Społeczeństwo”. No. 5, 109-123.
- Szafraniec, K. (2012). Dojrzewający obywatele dojrzewającej demokracji. O stylu politycznej obecności młodych. Warszawa: Instytut Obywatelski.
- Szwed, R. (2003). Opinia publiczna i pseudoopinie w „społeczeństwie z informatyzowanym”. In: R. Szwed (ed.), Społeczeństwo wirtualne, społeczeństwo informacyjne. Lublin: Wydawnictwo KUL.

Radosław Marzęcki, Łukasz Stach

EVEN WEAKER DEMOS? POLITICAL COGNITIVE COMPETENCIES OF YOUNG CITIZENS IN POLAND AND THE EUROPEAN UNION

The article dwells on the political cognitive skills amongst young Polish and European citizens. The paper describes the sources of knowledge and level of interests about political life. Moreover, the text shows young people's trust and attitudes towards political elites. The article also highlights connections between political and social activity and interest in political life. Young people's trust towards political elites is very low, and the level of interests about politics is gradually decreasing. Youth do not trust politicians, in majority they are political bystanders and in Poland their social activity is also low. Ironically, according to the respondents, young people should be active in politics because it is the most efficient way to change the politics. In fact, amongst young people it is possible to observe kind of political vicious circle - they do not trust political elites, have moderate or low knowledge about politics, they know how to change the situation (eg. towards political activity, candidate in an election), but they are unwilling to do it.

Keywords: *Youth, cognitive competency, political knowledge, political culture, Poland, European Union.*

Radosław Marzęcki, PhD, political scientist and sociologist at the Institute of Political Science of the Pedagogical University of Cracow.

Scientific interests: young people in political processes, political culture, civil society.

E-mail: ip.marzecki@gmail.com

Łukasz Stach, PhD, political scientist at the Institute of Political Science of the Pedagogical University of Cracow.

Scientific interests: contemporary military conflicts, political participation and civil society in post-communist societies.

E-mail: tenzan@tlen.pl

Катерина Тягло *

ОБРАЗ ТА СТАТУС НОВІТНЬОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ: СПРИЙНЯТТЯ МОЛОДИХ ЧИТАЧІВ

У статті розглянуто читацькі практики української молодіжної аудиторії, а також специфіку сучасної української літератури, створеної після 1991 року і донині, як особливого культурного продукту, що має своєрідну читацьку аудиторію. Пропонується її сегментація молодіжної аудиторії за критерієм її залученості до читацьких практик, читацькими перевагами до певних жанрів та типів літературної продукції. Критерії, за якими молодь обирає художню літературу для читання, більшою мірою притаманні літературі зарубіжній, в той самий час українській відводиться роль «національної». Українська література є свідомо обраною літературою для читання лише для одного з читацьких сегментів – читачів-«експертів». Хоча її прихильники не нечисленні, проте становлять найактивніший читацький сегмент. Виділено найбільш популярних на момент реалізації дослідження українських та зарубіжних авторів, що є знайомими серед молоді.

Ключові слова: читацька аудиторія, читацькі практики, сучасна художня література, сучасна українська література, молодь.

Після революції Гутенберга художня література та читання відігравали в різні часи більш або менш значущу роль в культурному житті глобальної читацької аудиторії. Ролан Барт (Барт, 1989) підкреслив, що двадцяте століття слід було б назвати епохою роздумів про те, чим є художня література. Після піку в середині цього століття теоретичний інтерес і практичне використання літератури зменшується. На початку XXI століття статус художньої літератури суттєво змінюється. Вона перетворюється з провідного культурного актора на різновид мас-медіа. У свою чергу, за умов широкого розповсюдження гаджетів і експансії електронних мереж, художня книга поступово втрачає роль провідного виразника і розповсюджувача культурних цінностей та смислів. Люди читають з метою розслабитись після годин праці чи навчання, задля уникнення оточуючої подразливої ситуації в транспорті і протягом тривалих трансокеанських подорожей, просто для задоволення.

У відповідності до цих метаморфоз трансформується також читацька аудиторія. Через зворотний зв'язок вона продукує нові чинники подальших змін у художній літературі та процесі читання. Молодь відіграє у цих

* Катерина Тягло – кандидат соціологічних наук, завідувач відділу соціологічних досліджень науково-дослідної лабораторії культури лідерства, Київський університет імені Бориса Грінченка.

Наукові інтереси: соціологія культури, соціологія літератури та мистецтва, якісні методи соціологічних досліджень, дискурсивний аналіз.

E-mail: k.tiahlo@kubg.edu.ua

взаємопов'язаних процесах провідну роль, тому що, перш за все, молоді люди найбільш чуттєві до різноманітних соціально-культурних інновацій.

Дана стаття акцентує увагу на аналізі національної читацької аудиторії, звертаючи особливу увагу на молодіжний сегмент. Ми намагалися в соціологічному контексті осмислити статус сучасної художньої літератури з українською включно з позиції молодих читачів.

Хоча проблематика художньої літератури не є провідною в соціологічних дослідженнях, в соціологічній теорії сформовано низку базових підходів до аналізу художньої літератури – соціоцентричний (найбільш притаманний саме соціологічному баченню художньої літератури як інституту з притаманними йому структурою та функціями (Боскетті, 2004), текстоцентричний, що виник на підґрунті дискурсивних досліджень, що розвивались у другій половині ХХ ст., та культуроцентричний, що об'єднує надбання попередніх, але й пропонує власне специфічне бачення літературного простору, що базується на домінуванні культурних змістів над соціальними.

Історичні та методологічні проблеми соціології літератури плідно аналізували R. Chartie (Р. Шарт'є), L. Thévenot (Л. Тевено), в термінах «поля» літературу найґрунтовніше досліджував Р. Bourdieu (П. Бурдьє), чії ідеї розвинені А. Boschetti (А. Боскетті), М. Гронасом (М. Гронасом), С. Зенкиним (С. Зєнкіним). Вагомий внесок у вивчення сучасних культурних практик, зокрема читацьких, міститься в роботах провідних українських дослідників Н. Костенко, А. Ручки, Л. Скокової, Л. Малес, Ю. Сороки, В. Середи, О. Філіппової. Осмисленню феномену української літератури постмодерного періоду присвятили культурологічні дослідження М. Андрейчик, Я. Голобородько, Т. Гундорова та ін.

За даними всеукраїнського дослідження «Моніторинг українського суспільства», реалізованого Інститутом соціології НАН України у 2007 р. (N=1800) (Ворона, Шульга, 2010; Головаха, Шульга, 2011), найпопулярнішим жанром художньої літератури на той час були детективи, історичні романи та романи про кохання. Сучасна зарубіжна й українська література суттєво поступається їм за популярністю. Судячи з загальнокультурних тенденцій в українському соціумі, ці читацькі смаки не зазнали значних змін.

За даними моніторингових соціологічних досліджень Інституту соціології, динаміка регулярності читання серед українського населення поступово спадає. Так, якщо у 1994 читали художню літературу «щодня» 39% опитаних, то в 2011 – тільки 29%. Разом з тим не читали взагалі протягом року станом на 2011 рік 39% (Скокова, 2015).

Аналіз художніх уподобань українських читачів дозволив виділити п'ять читацьких сегментів. Окремою групою є опитні, що не відносяться до читачів (40%) і які відповіли, що взагалі не читали художньої

літератури протягом року. Це свідчить про зменшення ролі читання серед інших культурно-дозвілєвих практик.

Наступним є досить різномірний за смаками сегмент (26%). Жанрами, що домінують, є романи про кохання та гумористична література. Важливими для них є такі характеристики, як «актуальність» літератури та «уявність» в координатах актуальність/позачасовість та реалістичність/уявність. Цей кластер можна позначити як «*Нерозважливі читачі*». Менший за обсягом сегмент становлять читачі детективів (16%), його можна зазвати «*Читачі-гедоністи*». Наступні кластери об'єднують тих, що крім детективів, читають ще й історичні романи (11%), вони умовно названі «*Розважливі гедоністи*» та прихильників історичних романів, поезії, російської та зарубіжної класичної прози (третій кластер – 7%). Останній кластер виявився найменшим і отримав назву «*Консервативні інтелектуали*». На цей читацький сегмент і орієнтована книжкова реклама, зокрема в соціальних мережах, культурно-мистецькі події, спрямовані на популяризація українських та зарубіжних письменників та їх творів, письменницькі автограф-сесії. Класична художня література (як українська, такі і зарубіжна), як і белетристика, не входить до кластероутворюючих показників.

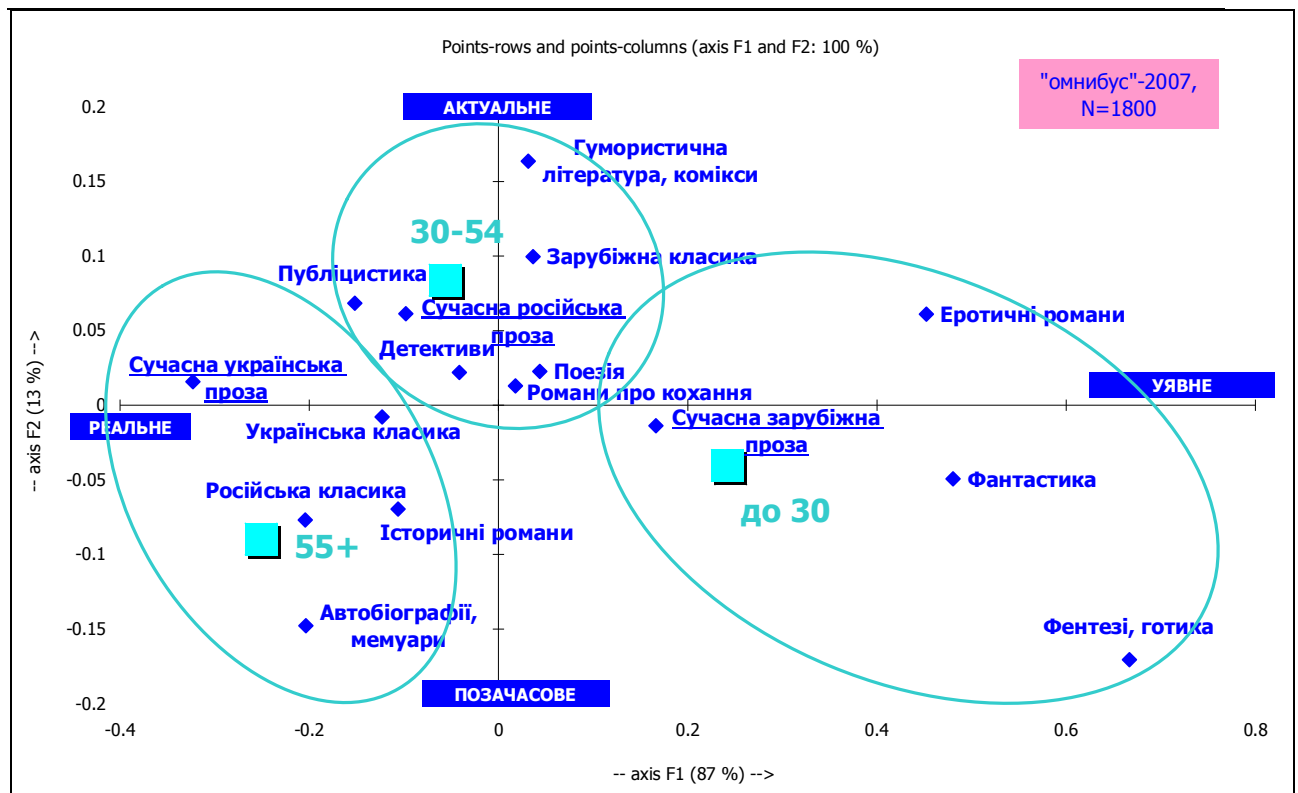
Серед молодіжної аудиторії читачів популярною є література «розважального» характеру – детективи, романи про кохання та фантастика. Спостерігається прихильність до уявного вектору в літературі, що обумовлено віком і притаманним йому певним максималізмом. Детальніше жанрові вподобання можна побачити у таблиці 1 та на рисунку 1. На рис.1 представлений розподіл читачів залежно від того «вектору» художньої літератури, який для них виявляється найближчим.

Кореспондентний аналіз демонструє спрямованість молодих читачів «геть від реальності», що частково може бути пояснений конфліктом із зовнішнім соціальним світом. Сучасна зарубіжна проза цікавить молодих читачів переважно через актуальність тем, а також через те, що саме зарубіжна література, як правило, формує моду на стилі, жанри, а молодь є найсприятливішою групою для засвоєння нових трендів.

**Таблиця 1. Читацькі преференції за віковими групами
 («Моніторинг українського суспільства», 2007 р. N=1800, %)**

Види художньої літератури	Вікові групи			У цілому в Україні
	18-29	30-54	55+	
Детективи	29.5	33	21.6	28.6
Історичні романи	21.6	23.8	19.9	22
Романи про кохання	20.6	21.8	13.3	18.8

Гумористична література, комікси	8.6	10.9	4.7	8.4
Зарубіжна класика	7.2	9.5	4.5	7.3
Російська класика	6.5	7.6	7.3	7.2
Фантастика	13.2	7.3	2.2	7.1
Поезія	7.2	6.6	4	5.9
Автобіографії, мемуари	3.9	6.1	5.9	5.5
Сучасна російська проза	3.2	5.4	3.3	4.2
Сучасна зарубіжна проза	5.8	4.4	2.4	4.1
Українська класика	3.5	4.7	3.5	4
Публіцистика	3.5	4.4	3.1	3.8
Еротичні романи	4.4	3.5	0.7	2.8
Фентезі, готика	6	2.7	0.7	2.8
Сучасна українська проза	2.1	2.7	2.6	2.5
Не читав(ла) художню літературу протягом останніх 12 міс.	30.9	33.5	54.4	39.7

* Рівень значимості за $\alpha=0,050$ дозволяє відкинути нульову гіпотезу про незалежність між рядками та стовпчиками. Іншими словами, спостерігається залежність;

Показник $X^2 = 101,435$ при критичному рівні значимості $X^2 = 43,770$ ($df = 30$).

Рис. 1. Сегментація читацьких переваг за віковими групами та перевагами в літературі (N=1800, correspondence analyses*)

Вікова група 30-54 річних виявилась найрізностороннішою у смаках. Окрім прихильності до детективів, історичних романів та романів про кохання, для читачів цього віку є актуальною гумористична література, зустрічаються поціновувачі зарубіжної та російської класики, а також історичної літератури – мемуарів, автобіографій. Смаки цієї групи тяжіють до реалістичності та сучасності. Залишається актуальною й рекреаційна функція літератури, «літератури для задоволення».

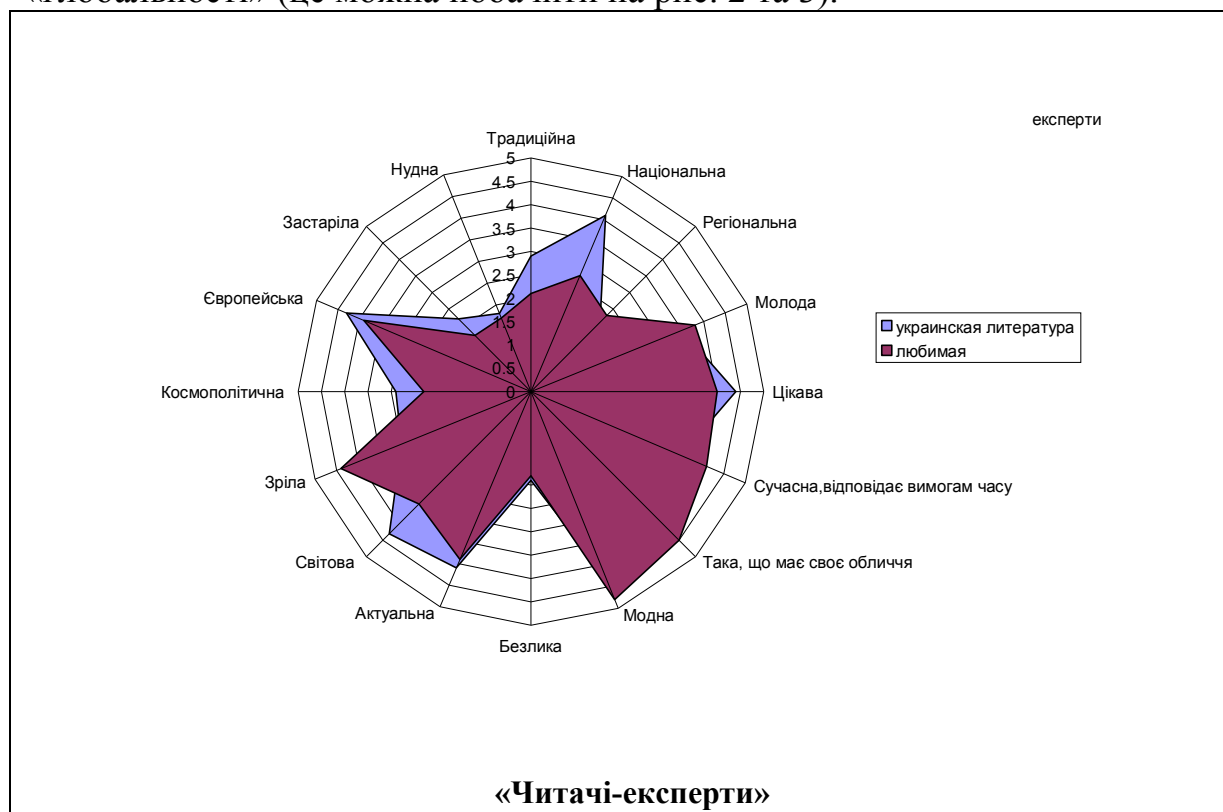
Найстарша група читачів (55 років і старше) часто обирає вітчизняну літературу – сучасну українську та класичну, а також російську класику, історичні романи, біографії та мемуари. Вибір свідчить про «спрямованість назад» погляду, який змушує звертатись до літератури, не детермінованої часом – історичних романів, класики, автобіографій мемуарів. Це також реалістична література. Щодо сучасної української літератури, то її вибір може бути обумовлений тим, що зацікавленість українською і російською класикою мотивує читачів цікавитись і актуальним станом улюбленої літератури (зокрема, української), тими творами, що з'явилися нещодавно. Це єдина читацька група, для якої фактор актуальності не є суттєвим, а важливішим є критерій культурно-часової універсальності. Для молодших вікових груп читачів визначальними є вектори «актуальність» та «уявність», або «актуальність» та «реальність» (30-54 роки). Як бачимо, з віком у читачів спостерігається перехід від актуальності до позачасовості та від уявлюваного до реалістичного.

У якісному дослідженні, проведеного нами протягом літа 2010 р. серед студентів київських ВНЗ та молодих спеціалістів із вищою освітою, взяло участь 30 читачів віком від 18 до 30 років, належних до різних читацьких груп за рівнем активності читання.

Гіпотеза про домінування нереалістичних жанрів підтверджується тільки для категорії «випадкові читачі». «Досвідчені читачі» та «експерти» демонструють зацікавленість здебільшого реалістичними жанрами художньої літератури, до якої належать сучасна українська, російська та зарубіжна літератури. Більше того, іноді представники саме молодіжного сегменту схильні критикувати сучасних авторів за «спотворення дійсності» у їхніх творах. Як відмічає один з учасників дослідження: «Сучасні автори пишуть про наркоманію, проституцію, збоченців різних і не пишуть про звичайне життя, звичайну молодь, яка працює, вчиться, нічого не вживає» [Ярослав, 20 років]. Реалістичність, як і актуальність, досить суб'єктивний критерій, але важливість його в тому, що саме на них спираються молоді читачі при виборі художньої літератури. На прохання визначити, чому їм подобається та чи інша література або автор, опитані молоді люди часто

вживали епітети «модна», «сучасна», «актуальна». Це властиве для всіх трьох груп читачів. Серед характеристик літератури також часто вживається епітет «цікава».

Українська література сприймається як «традиційна», але разом з тим й «цікава», «молода». В той же час улюблена література читачів (як правило, зарубіжна) наділяється іншими критеріями – «світова», «європейська», «має своє обличчя», «сучасна», «універсальна», також і «цікава», і «молода». Якщо описувати літературу за шкалою національності/глобальності, то українська літера буде максимально наближеною до полюсу «національність», в той час як зарубіжна література, яку респондент читає найчастіше, буде наближатися до «глобальності» (це можна побачити на рис. 2 та 3).

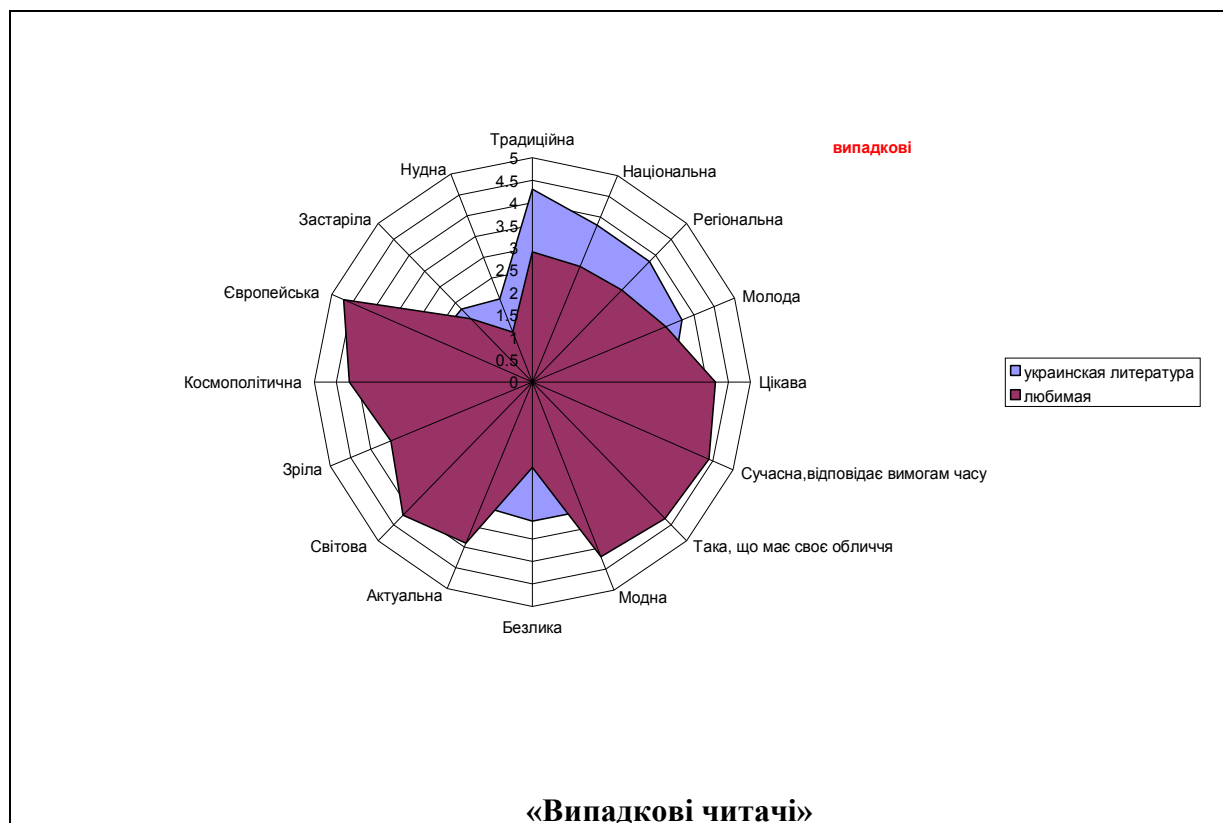

*На рисунку темним кольором позначена світова література, а світлішим – українська. Між цими двома групами фіксуються найбільші відмінності.

Рис.2 Оцінка характеристик улюбленої та української літератур групами «випадкові читачі» та «читачі- експерти» *

Значимими критеріями в оцінках є «сучасність», «цікавість» та «молодість». За цими критеріями, виходячи з кореспондентного аналізу, респонденти й обирають літературу для читання. Їм найбільше відповідає, на думку читачів, саме сучасна зарубіжна література, а українська література новітнього періоду часто сприймається як регіональна, що пояснює її затребуваність лише окремими колами молодіжної аудиторії.

Навіть читачі-експерти, що демонструють найвищий рівень зацікавленості та обізнаності в українській літературі, визначають її як «традиційну», «національну», але при цьому і таку, що «має своє обличчя», «сучасна», «зріла», «актуальна». У визначенні сучасної української літератури як національної співпадають оцінки трьох груп читачів – «експертів», «досвідчених читачів» та «випадкових». В інших оцінках «досвідчені читачі» проявляють найпоміркованіші судження.

*На рисунку темним кольором позначена світова література, а світлішим – українська. Між цими двома групами фіксуються найбільші відмінності.

Рис.3 Оцінка характеристик улюбленої та української літератур групами «випадкові читачі» та «читачі- експерти» *

Поєднання ключових характеристик (традиційна, але й сучасна, актуальна, має своє обличчя) є важливим для формування узагальненого образу сучасної української літератури з точки зору читачів.

Виділення в літературі таких компонентів, як «регіональність», «традиційність» може свідчити про її етнічну визначеність і, навпаки, наголошення на таких критеріях, як «універсальність», «глобальність» демонструє глобалізаційні тенденції і зміщення на периферію етно-національних критеріїв.

Оцінки художньої продукції залежать і від культурної компетентності респондентів. Специфіка освіти, регіон проживання також

накладають відбиток на характер відповідей. Якщо «досвідчені читачі» демонстрували найстриманіші відповіді, «читачі-експерти» та «випадкові читачі» критичніше висловлювались з різних питань, і, як і передбачалось, їхні відповіді відрізнялись між собою найбільше.

Група «експертів» об'єднувала найактивніших представників читацької аудиторії. До неї увійшли студенти вищих навчальних закладах та спеціалісти з вищою освітою, що активно цікавляться художньою літературою, молоді журналісти, редактори, письменники, організатори літературних фестивалів, інші активні актори поля літератури та його субполів. Часто за умов трансформацій та відкритих меж літературного поля в одній особі об'єднуються кілька ролей. До цієї групи також залучені і активні учасники мистецьких заходів – їх «цільова аудиторія». Деякими респондентами відмічалось, що середовище сучасної української літератури є своєрідною субкультурою, представників якої ми і виділили в окрему групу. Вони здебільшого або є акторами поля літератури, або наближені до них.

Група «досвідчених читачів» виявилась найскладнішою для аналізу, оскільки її представники демонстрували максимально широкі літературні смаки та вподобання. Частково вони подібні до представників групи «експертів», але відрізняються рівнем зацікавленості сучасною українською літературою в розподілі інтересів між сучасною українською та зарубіжною літературою. Остання, як правило, домінує у смаках читачів цієї групи.

До «випадкових читачів» віднесені ті молоді люди, що не є активними споживачами художньої літератури. Вони знайомляться з художніми творами випадково або орієнтуються на поради друзів і найближчого оточення. Мова написання твору, як правило, не є вирішальним критерієм вибору. Здебільшого обирають для прочитання російську літературу, бо вона ширше представлена на книжковому ринку.

Важливо відмітити, що респонденти зі сходу, півдня та центру України відзначають, що для них мова написання твору не є ключовим критерієм вибору, оскільки вони рівною мірою володіють обома, тобто властивий такий культурний білінгвізм і «всеїдність». Мовою повсякденного спілкування для опитаних молодих людей є переважно російська. Учасники дослідження також відмітили, що можуть спілкуватися у побуті обома мовами, вільно переходячи з російської на українську і навпаки. Також при виборі зарубіжної літератури для читання мова перекладу – українська чи російська – не є ключовим критерієм вибору. Наразі, ці чинники вибору – україномовний чи російськомовний переклад зарубіжної літератури та подібні, можуть суттєво змінюватися під впливом зовнішніх по відношенню до поля літературного виробництва

чинників, політичних, соціальних, військових, але це проблематика для окремого дослідження.

Щодо специфіки читацьких практик, то читають у вільний час, після роботи або навчання, у громадському транспорті «щоб не звертати увагу на оточуючу ситуацію», а також під час подорожей. З улюблених жанрів у «досвідчених читачів» та «експертів» переважають молодіжні романи, історичні романи та романи про кохання (цю категорію обирали частіше дівчата). Також був відмічений специфічний жанр – «постмодерний роман», що не був передбачений спочатку в переліку жанрів. Популярними серед цієї групи читачів є оповідання та есеїстика. За критерієм реалістичність/уявність тут домінує реалістичність художнього зображення, хоча на підставі всеукраїнського кількісного дослідження були отримані інші дані.

Для «випадкових читачів» цікавішими виявляються нереалістичні жанри – фантастика, фентезі, значну увагу вони приділяють спеціалізованій та навчальній літературі (це відмітили представники технічних спеціальностей). Якщо класифікувати літературу по країнах написання, то у вподобаннях досвідчених читачів домінує українська та російська сучасна література, далі – французька (М. Уельбек, Ф. Бегбедер, А. Гавальда, М. Барбері) та англійська (Дж. Джойс, Дж. Фаулз, І. Уелш, І. Бенкс). Деякі з респондентів згадали японську літературу (Харукі Муракамі та інших сучасних авторів), американську (Чак Поланік, Чарлз Буковські, Кен Кізі) та латиноамериканську (Х.-Л. Борхес). З сучасних українських авторів найчастіше згадувані Ю. Андрухович, С. Жадан, О. Забужко, також Ю. Іздрик, Ю. Винничук, М. Матіос, С. Поваляєва, І. Карпа, Л. Дереш. Деякі з читачів-«експертів» згадали ще й А. Дністрового, С. Ушкалова.

Значна частина респондентів «читачів-експертів» відмітили саме сучасну українську літературу як улюблену, а також сучасну зарубіжну літературу в цій якості. Українську класику як улюблену літературу визначили тільки троє з 30 опитаних. З найпривабливіших рис літератури були названі – актуальність, модність, відповідність часові. Відповіді на запити часу є важливим критерієм для вибору художньої літератури молоддю. Цей критерій визначався всіма групами респондентів. На думку «експертів», ці риси притаманні як українській, так і їх улюбленій літературі, яку вони назвали, при чому улюбленій більшою мірою. Разом з тим, українській літературі притаманні традиційність, регіональність, так само – модність і актуальність. В той час, як «досвідчені читачі» вважали модність критерієм, притаманним літературі зарубіжній, і меншою мірою – українській. «Досвідчені читачі» демонструють дещо інші художні уподобання. Улюблені твори – це, здебільшого, твори зарубіжної та/або української класики, «золотий запас», який завжди актуальний. Серед

улюблених українських авторів названі С. Жадан, Ю. Андрухович, Л. Дереш, М. Соколян, Т. Малярчук, О. Забужко, І. Роздобудько. Список фаворитів практично не відрізняється від того, що був названий представниками групи експертів, що свідчить про наявність авторів, які є визнаними серед різних груп читачів.

Специфіка сучасної української літератури, з точки зору молодих читачів, полягає в тому, що вона молода, актуальна, цікава, частково – епатажна, частково – традиційна. Серед улюблених літератур опитаними були названі російська, французька, британська та американська сучасна література, а саме твори, які видаються в серії «контркультура» (Ч. Поланік, І. Уелш, Ч. Буковські та ін.) та літератури центральноєвропейських країн – сербська, болгарська, румунська. Згадувалась і сучасна українська література, але її в якості улюбленої називали рідше, ніж зарубіжну. Для сучасних європейських літератур, на думку респондентів, характерні такі риси, як незалежність, актуальність, а також критичність. Деякі з цих характеристик стосуються також і української літератури – актуальність та критичність зокрема. Властивими для сучасної української літератури вважаються такі характеристики, як «молодіжна», «сучасна», «актуальна».

У «випадкових читачів» майже відсутнє поняття «улюблена література», хоча є певні улюблені жанри. Серед улюблених творів представники цієї групи називали твори із шкільної програми – російської або зарубіжної літератури, рідше – з української. Двоє респондентів назвали твори сучасної української літератури – романи Оксани Забужко «Музей покинутих секретів» та молодого автора «третьої хвилі» Любка Дереша «Культ».

Респонденти відмічали, що сучасна літературна мова «простіша» в порівнянні з класичною літературною (українською та світовою), маючи на увазі передусім наближеність мови сучасних українських творів до побутової, розмовної, а також представленість у художніх творах культурно близьких життєвих ситуацій. Деякі з респондентів, обізнані з найбільш скандально-відомими романами, відзначили, що сучасна література допускає сленг і ненормативну лексику, чого раніше не було у літературі. Як визначила одна з респонденток, така література має свою цільову аудиторію, але далеко не всі читачі зможуть такий твір адекватно оцінити: «...Вони [ці твори] розраховані на специфічну аудиторію, тобто не кожен оцінить книжку такого типу і не кожен отримає задоволення. Деякі вважають, що їх принижують, але є аудиторія, якій це дуже подобається». [Олена, 19 років]. Така позиція є найбільш поширеною серед цієї групи читачів. Загалом молодіжна читацька аудиторія – нечисленна, але вдячне «поле» для реалізації книжкового маркетингу та поширення творів сучасних українських авторів, бо є відкритим для сприйняття

інновацій та експериментів, якими характеризується українська літературна продукція останніх 25 років.

Представлені у статті результати дослідження свідчить, що українська читацька аудиторія не є гомогенною. Важливими чинниками читацького вибору тієї чи іншої художньої літератури є, перш за все, вік та читацька активність. Зокрема, для молоді вагомими критеріями вибору є сучасність літератури, в той час як для старших читачів якраз притаманний вибір часово універсальних текстів. Для молоді важливим чинником є «уявність», тоді як для старшого сегменту – «реалістичність». Знання цих аспектів вибору художньої літератури дозволяє робити певні висновки та формувати технології презентації текстів залежно від тієї читацької аудиторії, на яку вони спрямовані.

Українська література, написана в Україні протягом останніх десятиліть здебільшого не є «модною» і «цікавою» для значної частини молодіжної читацької аудиторії. У межах цієї вікової виділяються групи читачів-експертів і досвідчених читачів, які сьогодні формують сприятливе середовище позитивної оцінки і поширення новітньої української літератури серед інших соціальних груп, серед свого соціального оточення насамперед. Важливо враховувати також високу комунікативну активність молоді, і по можливості використовувати цей чинник для популяризації українських авторів та їх творів серед ширшої аудиторії. Якісні україномовні переклади літератури зарубіжної, що є цікавою для молоді («літератури для задоволення», а також «актуальної» та «сучасної»), «культових» зарубіжних авторів, також можуть підвищити і статус української літератури, оскільки читання цією мовою сприйматиметься як атрибут залучення до сучасної культури.

Сучасна українська художня література, написана українською мовою (саме про неї тут йдеться, хоча, звичайно, є і іншомовні тексти, що претендують на приналежність до української літератури в широкому сенсі), характеризується поєднанням кількох пар протилежних характеристик: національна та світова, традиційна й молода тощо. Опозиції схоплюють не тільки різницю суб'єктивних оцінок, але й також певний об'єктивний тренд у національному літературному полі: українська художня література має тенденцію перетворення від «національної» на глобальнішу. Можна припустити, що на цьому шляху українська художня література, написана в період державної незалежності, поступово ставатиме більш цікавою, модною та матиме більше прихильників як у середовищі молоді, такі серед інших вікових груп. Розширення жанрового розмаїття художніх текстів, орієнтованих на різні групи читачів (і «експертів», і «випадкових читачів») сприятиме поширенню української літератури у культурному просторі. Крім того, читання українською мовою зарубіжних текстів тими читачами, що не є прихильниками саме

українських авторів, може надихнути їх на пошук літератури цікавої тематики та жанрів саме у полі вітчизняної художньої літератури. Це варто враховувати й у практичній маркетинговій діяльності, спрямованій на популяризацію українського культурного, і зокрема літературного продукту.

Оскільки у сучасній українській літературі вже є деякі автори, які, відповідно до читацьких оцінок, успішно представляють глобальні – європейський і світовий – тренди в українській художній літературі, то цілком вірогідно, що чимдалі частіше українська література ставатиме однією з улюблених для українських читачів. Співвіднесенню «національного» та «європейського» векторів в українській художній літературі приділені такі роботи (Тягло, 2012; Тягло 2013).

Перспективою подальших досліджень в цій сфері є встановлення того, як читацькі практики різних сегментів читачів видозмінюється (і чи видозмінюються вони) під час політичного конфлікту, що отримав назву «гібридної війни», чи виникають нові читацькі практики, чи змінюється попит на художню літературу загалом, і зокрема сучасну, написану саме українською мовою. Оскільки проаналізовані у статті емпіричні дослідження представляють зріз суспільної думки за стабільних соціально-культурних умов, ці дані з великою пересторогою можна застосовувати до аналізу нинішніх культурних реалій, читацьких зокрема. Виникнення великої кількості художньої есеїстики, художніх – прозових та поетичних – текстів, зосереджених на описові поточних соціально-політичних подій свідчить про те, що ринок наповнюється текстами, тематично й стилістичними відмінними від передніх, з акцентами на «реалістичності» і «сучасності», що, в свою чергу уможлиблює залучення до читання новітньої української літератури ширших читацьких кіл.

БІБЛІОГРАФІЯ

- Барт, Р. (1989). Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс.
- Боскетти, А. (2004). Социология литературы; цели и достижения подхода Пьера Бурдьё. Журнал социологии и социальной антропологии, nr.7(5).
- Ворона, В., Шульга, О. (ред.) (2010) Українське суспільства 1992 – 2010. Соціологічний моніторинг. Київ: ІС НАН України.
- Головаха, І, Шульга, М. (ред.) (2011) Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг у 2-х т. Київ: ІС НАН України.
- Скокова, Л. (2015) Культурно-досуговые практики населения: сдвиги последних десятилетий, Социология: теория, методы, маркетинг, nr. 5.
- Тягло, К. (2012) Образи «Єдиної Європи» та «Європейськості» в сучасній українській літературі, Н. Костенко (ред.) В: Смілова морфологія соціуму. Київ: ІС НАН України.
- Тягло, К. (2013) Сучасна українська література очима молодих читачів. Соціальні виміри суспільства: Зб. наук. праць, nr. 5(16). Київ: ІС НАН України.

Kateryna Tyahlo

**IMAGE AND STATUS OF MODERN UKRAINIAN LITERATURE:
YOUNG READERS PERCEPTION**

The article's concern is Ukrainian national audience with special emphasis on youth readership segment. It outlines the complex picture of current national readerships; shows some significant reader tastes and preferences; clarifies preferences to the modern Ukrainian literature, including in terms of young readers.

The article considers practices of young Ukrainian reader audience. The youth audience is segmented according to its inclusion to reader practice, readers' interest and genre preferences. The criteria by which youth selects fiction mostly belong to foreign belles-lettres; while Ukrainian literature plays role of the "national" or "local" fiction. Only one segment of readers selects the Ukrainian fiction deliberately, it is "expert" readers. Even though its admirers are not numerous, but they are the most active segment or readers. Language of the text (Ukrainian or Russian) isn't main selection criteria for most of young readers. There are some of the most popular Ukrainian authors who are well-known among young people. These findings can reinforce the foundation of effective operating in the modern Ukrainian field of fiction.

Keywords: *reader audience, reader practices, contemporary fiction, contemporary Ukrainian fiction, youth.*

Katerzna Tyahlo – PhD in Sociology, Borys Grinchenko Kyiv University.

Scientific interests: Sociology of Culture, Sociology of Literature and Art, qualitative methods of sociological research, discourse analysis.

E-mail: k.tiahlo@kubg.edu.ua

Dla autorów:

Artykuły są przyjmowane w języku: ukraińskim, polskim, rosyjskim i angielskim.

Struktura tekstu

1. Część informacyjna

- Imię i nazwisko autora (autorów) (czcionka Times New Roman, bold, rozmiar 14),
- Tytuł artykułu (wersaliki, wyśrodkowane, bold, rozmiar 14),
- Abstrakt (100-200 słów, rozmiar czcionki 12) - język artykułu i w języku angielskim (200-250 słów, rozmiar czcionki 12),
- Słowa kluczowe (5-10 słów, rozmiar czcionki 12) - język artykułu i w języku angielskim,
- Tekst artykułu,
- Bibliografia.

Imię i nazwisko autora, tytuł artykułu, abstrakt, słowa kluczowe powinny być w języku artykułu i języku angielskim, w przypadku, gdy artykuł jest w języku angielskim, autor zamieszcza tylko abstrakt angielski.

1. Tekst

- Tekst powinien liczyć 11 000 – 20 000 znaków ze spacjami;
- Artykuł powinien być napisany w edytorze Word dla Windows w formacie *.RTF -u *.DOC.;
- Marginesy po 2 cm z lewej i prawej strony oraz z góry i z dołu;
- Czcionka Times New Roman, rozmiar 14, pojedynczy odstęp;
- Tytuły tabel, rysunków – Times New Roman, rozmiar 12. Tytuły tabel i wykresów zamieszczamy nad obiektami graficznymi.
- Spis literatury przygotowujemy na końcu artykułu według porządku alfabetycznego – czcionka Times New Roman, rozmiar 12.

2. Zapis literatury na końcu artykułu (w porządku alfabetycznym)

- Sztompka, P. (2002). Socjologia. Kraków: Znak.
- Jankiewicz, A. (1990). O emocjach inaczej. W: P. Kowalski (red.), Emocje i motywacje (t. 3, s. 235 – 302). Warszawa: PWN.
- Nowak, K. (1998). Zazdrość w relacjach partnerskich. Czasopismo Psychologiczne, 41(2), 143 – 159.
- Tatkiwicz, R. (w druku). Wpływ izolacji na samoocenę. Czasopismo Psychologiczne, 20.
- Szafraniec, K. (red.). (2011). Młodzi 2001. Warszawa: Kancelaria Rady Ministrów.
- Opis elektronicznego źródła: Nazwisko, I. (rok). Tytuł artykułu. Tytuł czasopisma, tom(nr), strony. Pozyskano z: tu wpisać adres strony www (pobrano 20.12.2014).

3. Wzór przygotowywania cytatów:

- Jeden autor: (Sztompka, 2002, s. 11).
- Dwóch autorów: (Januszek, Sikora, 2008).
- Więcej niż dwóch autorów: (Szacka, Sztompka, Turner, 2002).
- Powtórne cytowanie dzieła gdzie jest kilku autorów: (Sztompka i in. 2002).
- Cytowanie w jednym nawiasie różnych autorów: (Berger, 2010; Sztompka, 2002)

- Cytowanie kilku publikacji jednego autora: (Giddens, 2007a, 2007b).
- Cytowanie publikacji za innym autorem: Turner (2002, za: Szacka, 2005).

5. Zasady recenzji

- Nadesłany artykuł jest sprawdzany pod względem formalnym: zgodności z wymogami edytorskimi i profilem czasopisma. W przypadku stwierdzenia zgodności z tymi wymogami, wysyłany jest do recenzji wewnętrznej. Dopiero po otrzymaniu pozytywnych recenzji wewnętrznych artykuł jest wysyłany do recenzji zewnętrznych. Recenzje są wystawiane przez dwóch niezależnych recenzentów.
- Wszystkie etapy recenzowania (zarówno wewnętrzne, jak i zewnętrzne) mają charakter anonimowy (double-blind review process), co oznacza, że recenzent nie wie czyj tekst ocenia, a autor, nawet po przyjęciu artykułu do druku, nie zna tożsamości recenzentów.
- Artykuł, który jest pozytywnie zaopiniowany, trafia do redakcji i tam ostatecznie podejmuje się decyzję o umieszczeniu go w czasopiśmie.
- W czasopiśmie publikuje się artykuły, które charakteryzują się wysokim poziomem merytorycznym, są oryginalne i mają odpowiednią bazę teoretyczną i metodologiczną. Preferowane są szczególnie teksty cechujące się nowatorstwem zarówno w sferze teoretycznej, jak też empirycznej.
- Redakcja powiadomi autora pocztą elektroniczną o wyniku postępowania recenzyjnego i ewentualnym terminie ukazania się artykułu.
- Czasopismo ukazuje się dwa razy w roku.
- Redakcja zastrzega sobie prawo redagowania i skracania tekstów.

6. Prawa autorskie

1. Nadsyłając tekst do publikacji Autorzy oświadczają, że są posiadaczami praw autorskich oraz że ani całe opracowanie, ani istotne jego części (w tym tabele i rysunki) nie są publikowane ani przesłane do publikacji w innym miejscu.
2. Autorzy udzielają Wydawcy, reprezentowanemu przez Redakcję w osobie Redaktora Naczelnego, licencji na publikację artykułu.
3. Treści publikacji są otwarte i dostępne dla użytkowników. Użytkownicy mogą czytać, kopiować, rozpowszechniać, drukować artykuł z czasopisma bez dalszej zgody autora lub wydawcy.
4. Autorzy udzielają wszystkim osobom trzecim prawa do dowolnego korzystania z opracowania pod warunkiem podawania jego autorstwa i szczegółów bibliograficznych.
5. Autor udziela Wydawcy czasopisma zgody na włączenie artykułów w międzynarodowych bibliograficznych bazach danych.
6. Redakcja umieszcza imię i nazwisko, stopień naukowy, stanowisko, miejsce pracy, e-mail autora, streszczenie, słowa kluczowe, na stronie WWW wydania numeru.

Для авторів:

До друку приймаються статті українською, польською, російською та англійською мовами.

Структура тексту:

1. Інформаційна частина:

- Ім'я та прізвище автора (авторів) (шрифт Times New Roman, жирний, розмір 14).
- Назва статті (по центру, шрифт жирний, розмір 14, великі букви)
- Анотація статті (мовою статті -100-200 слів, англійською мовою – 200-250 слів, розмір шрифта 12)
- Ключові слова мовою статті та англійською мовою (5-10 слів, розмір шрифта 12)
- Текст статті
- Бібліографія

2. Текст:

- Текст статті 11 000 – 20 000 символів.
- Текст статті оформляється в редакторі Word для Windows у форматі *.RTF чи *.DOC.
- Поля сторінки по 2 см .
- Шрифт Times New Roman, розмір 14, одинарний інтервал.
- Шрифт таблиць – Times New Roman, розмір 12.
- Список використаних джерел вказується в алфавітному порядку – шрифт Times New Roman, розмір 12.

3. Оформлення літератури в кінці статті (в алфавітному порядку):

- Sztompka, P. (2002). Socjologia. Krakow: Znak.
- Jankiewicz, A. (1990). O emocjach inaczej. W: P. Kowalski (red.), Emocje i motywacje (t. 3, s. 235 – 302). Warszawa: PWN.
- Nowak, K. (1998). Zazdrość w relacjach partnerskich. Czasopismo Psychologiczne, 41(2), 143 – 159.
- Tatkiwicz, R. (w druku). Wpływ izolacji na samoocenę. Czasopismo Psychologiczne, 20.
- Szafranec, K. (red.). (2011). Młodzi 2001. Warszawa: Kancelaria Rady Ministrów.
- Оформлення електронного джерела: Nazwisko, I. (rok). Tytuł artykułu. Tytuł czasopisma, tom(nr), strony. Pozyskano z: tu wpisać adres strony www (pobrano 20.12.2014).

4. Оформлення цитат в тексті:

- Один автор: (Sztompka, 2002, s. 11).
- Два автори: (Januszek, Sikora, 2008).
- Більше ніж два автори: (Szacka, Sztompka, Turner, 2002).
- Повторне цитування джерела, в якому декілька авторів: (Sztompka i in. 2002).
- Цитування декількох джерел: (Berger, 2010; Sztompka, 2002).
- Декілька праць одного й того ж автора, виданих в одному році: (Giddens, 2007a, 2007b).
- Цитування за посередництвом іншого автора: Turner (2002, za: Szacka, 2005).

5. Рецензування

- Надіслана стаття звіряється на відповідність формальним вимогам редакції, відповідність профілю журналу. За відсутності зауважень, стаття надсилається на внутрішнє рецензування. При позитивній рецензії стаття скеровується на зовнішнє рецензування. Рецензування здійснюється двома незалежними рецензентами;
- Усі етапи рецензування (як зовнішнє, так і внутрішнє) є анонімними (double-blind review process), що означає, що ні рецензент не знає автора тексту, ні автору, навіть при прийнятті статті до друку, не повідомляють про особу рецензента. Редакція, отримавши позитивні відгуки на статтю, робить остаточний висновок про її публікацію у журналі.
- У журналі публікуються статті, що характеризуються належним рівнем новизни, мають теоретичну та практичну значимість, відображають результати наукового дослідження автора.
- Редакція повідомляє автору електронною поштою результати експертної оцінки та черговість друку.
- Журнал виходить двічі на рік.
- Редакція залишає за собою право редагувати та скорочувати статті.

6. Авторські права:

1. Надсилаючи текст до публікації, Автор підтверджує, що є власником авторських прав, і гарантує, що даний текст чи його частина (в тому числі таблиці і рисунки) не були опубліковані в інших виданнях чи надіслані до публікації до інших видань.
2. Автори надають Видавцеві (Редакції в особі Головного редактора) право на публікацію статті.
3. Зміст журналу є відкритим та доступним для користувачів. Користувачі можуть читати, завантажувати, копіювати, поширювати, друкувати текст статті у журналі без додаткового дозволу видавництва чи автора.
4. Автори надають третім особам право на вільне користування інформацією за умови дотримання правил цитування.
5. Автор надає Видавцеві (Редакції) журналу згоду на включення статті до міжнародних бібліографічних баз даних.
6. Редакція розміщує прізвище, ім'я, науковий ступінь, посаду, місце праці, електронну адресу автора, анотацію, ключові слова статті на сайті видання.